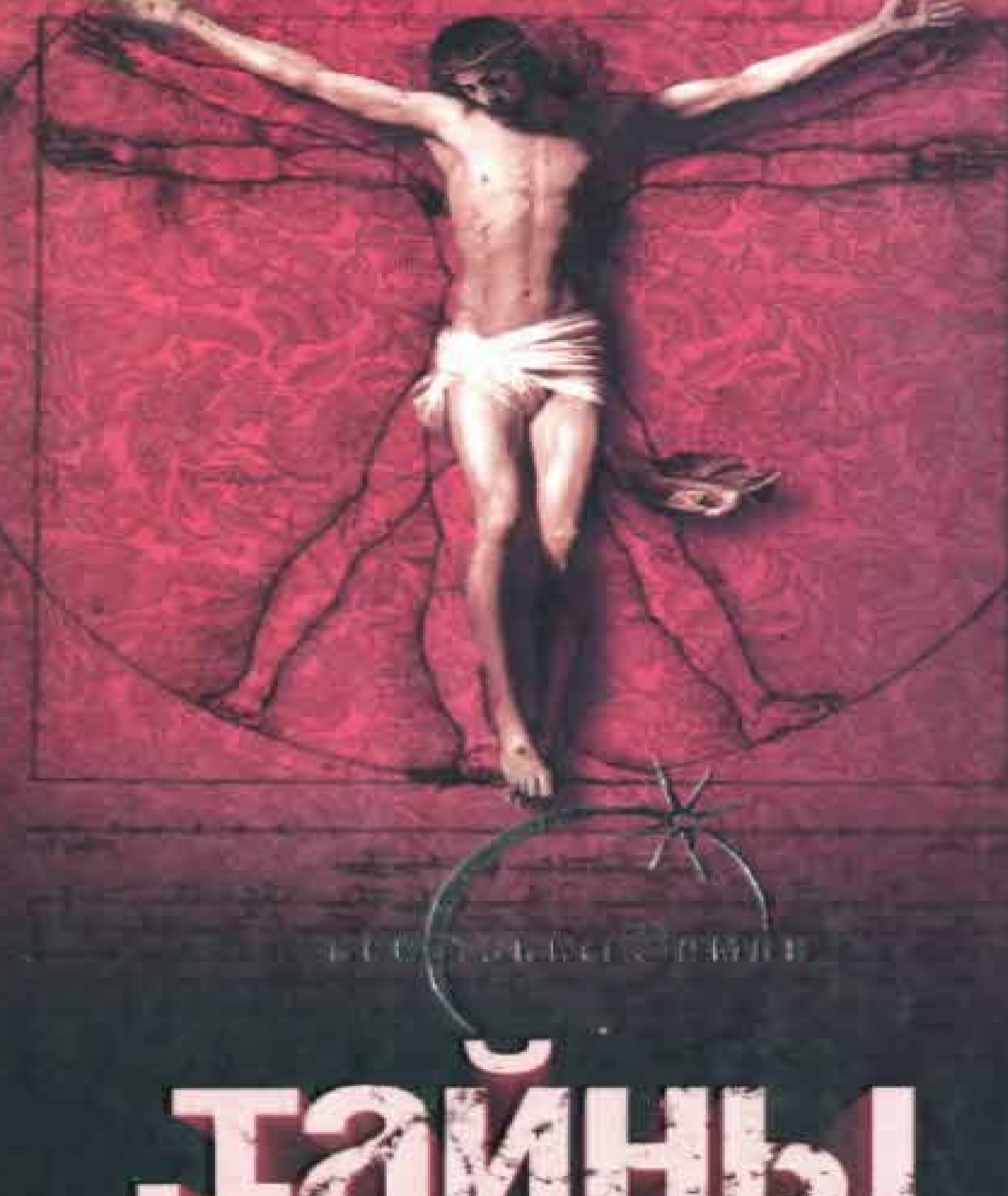

Тайны Иисуса и Марии Магдалины

Тайны Иисуса и Марии Магдалины

Барт Д. Эрман

ТАЙНЫ ИИСУСА

И МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Все тайны Земли

Тайны Иисуса и Марии Магдалины

Историк рассказывает о том, что в действительности известно о Христе, Марии Магдалине и Константине

БАРТ Д. ЭРМАН

Москва
АСТ • Астрель

Роберту Миллеру, другу и замечательному редактору

Благодарности

Мне хотелось бы выразить признательность двум людям за помощь в написании этой книги. Первый из них — мой друг и редактор «Oxford University Press», Роберт Миллер, который подал идею, убедил меня развить ее и прочел рукопись со скрупулезным вниманием к деталям. Другой — мой бывший студент в Университете Калифорнии (Риверсайд), Эндрю Джейкобс, чьи точные и подробные замечания по поводу первого чернового варианта этой книги далеко превзошли все то, чего я мог ожидать от друга и коллеги.

Введение

«Код да Винчи» Дэна Брауна пользуется огромным издательским успехом, затмевающим тот, который имели конкурирующие издания недавнего времени. Когда я пишу эти строки (14 июня 2004 г.), книга остается в списке бестселлеров «New York Times» вот уже шестьдесят три недели и по-прежнему возглавляет его. Ранее в этом году ее продажи, в соответствии с номером «Publishers Weekly» от 9 февраля, достигали астрономического уровня в 100 000 экземпляров *в неделю.* По выходе версии в мягкой обложке мы можем ожидать нового всплеска продаж, превосходящих уже вышедшие многомиллионные тиражи в твердой обложке.

Как и многие другие, впервые я услышал о «Коде да Винчи» из устной молвы. Я только что закончил для «Oxford University Press» книгу «Утерянные христианства: Борьба за Писание и вера, о которой мы не знали». Эта книга была посвящена «несостоявшимся» формам раннего христианства, христианским верованиям и практикам, появившимся только для того, чтобы быть отринутыми, объявленными вне закона и уничтоженными лидерами ранней Церкви, вознамерившимися внедрить ортодоксальные религиозные представления. В состав моей книги входило подробное рассмотрение некоторых из неканонических и еретических книг, объявленных отцами ранней Церкви вне закона. Это другие евангелия, послания и апокалипсисы, служившие священными книгами для той или иной группы христиан, но сочтенные неправильными авторитетами, которые в конечном счете решали, что включить в канон Священного Писания, а что исключить из него. В результате их исключения эти книги были обречены на забвение — и большинство их пребывало в забвении до наших дней, за исключением немногих, которые всплывали то там, то здесь, в основном благодаря замечательным археологическим открытиям девятнадцатого и двадцатого столетий.

В дополнение к моей книге «Утерянные христианства» я опубликовал собрание этих доживших до наших дней остатков так называемых еретических книг в томе под названием «Утерянные христианства: Писания, которые не вошли в Новый Завет», также выпущенном «Oxford University Press». Обе книги были написаны не для ученых, уже знакомых с такими вопросами, а для обычных людей, которым все это было в новинку.

Естественно, когда я узнал о «Коде да Винчи», мое любопытство было задето, поскольку книга представляла собой современное художественное произведение — детективный роман с убийством, наполненный сложными интригами и заговорами, разоблаченными истинами, — упоминавшее о некоторых из этих вопросов раннего христианства, забытых евангелиях и изображаемом в них Христе и даже в определенной степени основывавшееся на них. Но в соответствии с «Кодом да Винчи» эти забытые евангелия содержат не еретические представления о Христе, а скорее историческую правду о нем — в частности, то, что он был связан с Марией Магдалиной узами брака и что у штх был ребенок, а следовательно, они положили начало божественному роду, потомки которого дожили до наших дней.

Конечно, я знал, что сама по себе эта книга художественная, но, прочитав ее (и для меня, как и для многих других, это было захватывающее чтение), я понял, что из уст героев Дэна Брауна на самом деле звучат *исторические* утверждения, касающиеся Христа, Марии и этих евангелий. Иными словами, художественный вымысел строится на историческом

фундаменте, который читатель воспримет как фактический, а не вымышленный.

И, как большинство историков, посвятивших свою жизнь изучению древних свидетельств о Христе и раннем христианстве, я тут же увидел проблемы, связанные с историческими утверждениями, сделанными в этой книге. Она содержала многочисленные ошибки, в том числе и вопиющие, не только очевидные для специалиста, но и не обусловленные сюжетом. Если бы автор предпринял чуть более тщательное исследование, он смог бы точно воссоздать исторический фон своего повествования без какого-либо ущерба для истории, которую собирался рассказать. Почему бы ему было просто не следовать фактам?

Поскольку «Код да Винчи» уже продавался вовсю, когда вышла моя книга «Утерянные христианства», агент по рекламе из «Oxford University Press», Тара Кеннеди, вместе с моим давним редактором и другом Робертом Миллером предложили мне составить перечень исторических неточностей, содержащихся в этой книге, чтобы раздать его продавцам, которые смогут отдельно вручить его всем желающим. Таким образом, я довольно поспешно, на основании простого чтения романа Дэна Брауна, соорудил требуемое. Позже этот скоропалительный перечень попал в Интернет; через некоторое время его включили (с моего благословения, но без дополнительной авторской правки) в одну из порожденных «Кодом да Винчи» книг, недавно изданную Дэном Берстейном, — «Секреты кода: Неавторизованный путеводитель по загадкам «Кода да Винчи»». Берстейн — свободный журналист, составивший очень интересную компиляцию из отзывов о «Коде да Винчи» со стороны специалистов (и неспециалистов) в различных областях — от древней истории Церкви (моя область) до Леонардо да Винчи и тайных католических обществ. Туда же попал и мой скромный список десяти исторических неточностей, который я составил для моего издателя. Здесь я привожу его без изменений — так, как представил впервые:

Некоторые фактические ошибки в «Коде да Винчи»

1. Жизнь Христа определенно не «была описана тысячами…». У него и не было тысячи учеников, не говоря уже о грамотных (с. 280; здесь и далее приводятся ссылки на текст книги Браун Дэн. Код да Винчи. М., 2005).

2. Неправда, что восемьдесят евангелий рассматривались на предмет включения в Новый Завет (с. 280). Это звучит так, словно был объявлен некий конкурс по почте…

3. Абсолютная неправда то, что Христа не воспринимали как Бога до Никейского собора, что до этого он рассматривался как «смертный пророк… человек безусловно великий и влиятельный, но всего лишь человек» (с. 282). Подавляющее большинство христиан к началу четвертого столетия признавало его божественную сущность. (Некоторые думали, что он настолько Бог, что даже не человек!)

4. Константин не «финансировал написание новой Библии, куда не входили бы евангелия, говорившие о человеческих чертах Христа» (с. 283). Во-первых, он вообще не поручал составить новую Библию. Во-вторых, книги, которые были в нее включены, переполнены упоминаниями о человеческих чертах Христа (Он испытывает голод, усталость, гнев; Он тревожится; Он истекает кровью; Он умирает…).

5. Свитки Мертвого моря обнаружили не «в 1950 году» (с. 283). Это произошло в 1947 году. А в рукописях Наг-Хаммади вообще не рассказывается история Грааля, равно как и не акцентируется человечность Христа. Совсем наоборот.

6. Иудейские «негласные социальные законы» никоим образом не запрещали

«еврейскому мужчине ходить в холостяках» (с. 297). На самом деле большую часть общины, оставившей свитки Мертвого моря, составляли холостяки, давшие обет безбрачия.

7. Свитки Мертвого моря не относятся к «самым ранним христианским записям» (с. 298); они иудейские, и в них нет ничего христианского.

8. Мы не имеем никакого представления о родословной Марии Магдалины; ничто не связывает ее с «родом Вениамина» (с. 302). А если бы даже и связывало, это не делало бы ее потомком Давида.

9. Мария Магдалина была *беременна*, когда Христа распяли? Как это мило (с. 309).

10. Q-документы не являются ни дожившим до наших дней историческим источником, который скрывал Ватикан, ни книгой, предположительно написанной самим Христом. Это гипотетический документ, который, как полагают ученые, был доступен Матфею и Луке, состоящий по преимуществу из высказываний Христа. Католические ученые относятся к нему так же, как и некатолические; в нем нет ничего секретного (с. 310).

Кроме того, что я предоставил этот элементарный перечень, у меня взяли интервью для книги Берстейна как у специалиста в данной области.

Этим, считал я, дело и закончится.

Но Роберт Миллер, мой оксфордский редактор, все больше убеждался в том, что так или иначе необходима каждая из начавших появляться книг о «Коде да Винчи». Некоторые, как книга Берстейна, представляют собой компиляции, составленные людьми, интересующимися предметом, но не специалистами; другие (по-видимому, большая часть) принадлежат перу верующих, которые хотят «исправить написанное в соответствии с каноном», на случай если кого-то из их единоверцев (по преимуществу евангелических христиан?) смутят некоторые заявления, содержащиеся в романе. Такие реакции имеют полное право на существование. Но где весомый, обоснованный ответ специалиста в этой области? Миллер убедил меня в том, что на книгу Дэна Брауна должен ответить историк.

Я дал согласие не только потому, что заинтересовался этой книгой (мне интересны многие книги, но я не собираюсь рецензировать их все), или потому, что меня тревожит религиозное влияние, которое она окажет на верующих. Моя тревога более прозаического свойства. Мне известно, что многие люди черпают сведения о прошлом из художественной литературы или фильмов. Как раз когда «Код да Винчи» начал свое победное шествие, состоялась, например, премьера фильма Мэла Гибсона «Страсти Христовы». Он имел ошеломляющий успех, в основном среди людей, интересующихся историей Христа, но в то же время не осведомленных о том, что говорят по этому поводу сами евангелия. Что будут думать такие люди — возможно, всю свою оставшуюся жизнь — о последних часах Христа? Их представление об этом сложится под воздействием того, что им показали на большом экране. Мэл Гибсон гораздо в большей степени, чем Матфей, Марк, Лука или Иоанн, окажет влияние на понимание смерти Христа по крайней мере следующим поколениям.

Способность режиссеров и писателей управлять чувствами публики и таким образом формировать общественное мнение сама по себе ни хороша, ни плоха; это просто черта нашего времени. Но когда создаваемые ими для зрителей и читателей образы *ошибочны*, это означает, что у людей сложится искаженное представление об истории, и факты подменит вымысел. Возможно, это не причинит особого вреда. Однако у тех, кто посвятил свою жизнь изучению истории, это может вызвать некоторое раздражение.

Потому-то я и решил написать ответ на книгу Дэна Брауна, направленный не против сути самого романа (как детектив он мне очень нравится), а против сути содержащихся в

нем исторических утверждений о Христе, Марии Магдалине, Константине Великом и формировании канона Священного Писания — фундаментальных вопросов истории, которую создает для нас Дэн Браун.

Начать можно, дав для освежения памяти краткое содержание этого романа (полагаю, что те, у кого может возникнуть желание ознакомиться с этой книгой, уже прочли книгу Дэна Брауна).

«Код да Винчи»: краткое содержание

«Код да Винчи» имеет сложный и замысловатый сюжет, который я передам здесь лишь в краткой форме. В Париже происходит загадочное убийство знаменитого куратора Лувра Жака Соньера. Из-за странных религиозных символов, начертанных перед смертью самим Жаком Соньером, к расследованию привлекается специалист по религиозной символике Роберт Лэнгдон, профессор Гарвардского университета, приехавший в Париж, для того чтобы прочесть лекцию. К нему присоединяется сотрудница шифровального отдела полиции Софи Невё, которая оказывается внучкой Соньера; в течение десяти лет она не общалась со своим дедом. Лэнгдон и Невё поначалу не понимают, но со временем догадываются, что Соньер был главой тайной религиозной группы, в истории известной как Приорат Сиона, охранявшей тайну истинной природы и местонахождения Святого Грааля.

Причудливое стечение обстоятельств вовлекает Лэнгдо-на и Невё в поиски, которые направляют оставленные Жаком Соньером подсказки; конечной целью этих поисков должен стать таинственный и вожделенный Грааль. Однако ищут его и те, кто виноват в смерти Соньера, по-видимому, убившие его в попытках узнать о местонахождении Грааля. Эти загадочные «другие» используют членов фанатичного католического ордена Опус Деи, для того чтобы добраться до места, где хранится Грааль.

Во время своих приключений Лэнгдон и Невё встречаются с сэром Лью Тибингом, богатым аристократом и специалистом по Граалю, который разъясняет исторические корни его тайны. Грааль — не чаша Христова, а вместилище Его семени, — на самом деле это человек, Мария Магдалина, которая была женой и любовницей Христа, забеременевшей от Него и родившей Ему дочь. После распятия Христа Мария со своей дочерью бежала во Францию, где божественная родовая линия не прерывалась в течение столетий. Некие секретные документы хранили тайну существования потомков Христа. Эти документы восславляли принцип женского начала в раннем христианстве и включали в себя некоторые из ранних евангелий, в четвертом столетии отвергнутых христианством, и в первую очередь императором Константином. Константин уничтожил около восьмидесяти евангелий, противоречивших тем, что вошли в Новый Завет, возвысил Христа — простого смертного — до статуса Сына Божьего и замолчал все, связанное с традицией Марии и священной женственности, демонизировав женское начало в христианстве и извратив его истинную сущность, заключавшуюся в прославлении женского божества.

Но Приорат Сиона на протяжении столетий знает правду о Христе и Марии и давно устраивает тайные собрания, для того чтобы восславить их священный союз и поклониться божественному женскому началу. Это тайное общество, последним главой которого был Жак Соньер, охраняло гробницу Марии Магдалины и сотни документов, в которых говорится правда о божественном женском начале.

И другие выдающиеся личности возглавляли Приорат Сиона и знали правду о браке Христа и Марии — в их числе особенно Леонардо да Винчи, который изобразил Марию

Магдалину на своей знаменитой фреске «Тайная вечеря» и оставил для знающих намеки на правду о Христе и Марии во многих других творениях.

Лэнгдон и Невё, с помощью сэра Лью Тибинга, постепенно разгадывают тайну, окружающую Грааль и секретные документы, проливающие свет на его истинный могущественный смысл, бродя по лабиринту запутанных криптограмм, которые приводят их в места, где ожидают новые загадки, — до тех пор пока не устанавливают правду о Граале и о месте его последнего хранения.

Поднятые исторические вопросы

Еще до того как я прочел «Код да Винчи», меня уже спрашивали об этом романе — и в частности о его историческом фоне. Есть ли хоть доля правды в том, что говорится в нем о Христе и Марии Магдалине? Действительно ли существуют тайные евангелия, свидетельствующие об их физическом единении? Состояли ли они в браке? Действительно ли Мария родила ребенка, благодаря которому Его родословная продлилась вплоть до наших дней? Действительно ли Константин уничтожил неугоднее евангелия и создал существующую ныне христианскую Библию? Действительно ли он искоренил из христианства все упоминания о божественном женском начале, придав мужчине, Иисусу, божественный статус и таким образом навсегда изменив характер христианства?

К вопросам подобного рода я обращусь в последующих главах. Мне хотелось бы пояснить, к чему я обращаться *не буду.* Я не буду говорить о достоинствах «Кода да Винчи» как художественного произведения, хотя должен сказать, что, как таковое, роман мне очень понравился, и, как я уже отмечал, это поразительно увлекательное чтение. Я не буду касаться современных утверждений об Опус Деи, Приорате Сиона и роли Ватикана. Не буду я также рассматривать творения и верования Леонардо да Винчи.

Вместо этого я сосредоточусь на исторических основаниях этой книги: историческом Христе, исторической Марии, развитии раннехристианской Церкви, свидетельствах ранних христианских евангелий и роли, которую сыграл Константин в формировании того, что стало для нас содержанием и Священным Писанием христианской религии. Насколько то, что составляет исторический фон в этой книге, соответствует фактам и насколько является вымыслом? Насколько правдив «Код да Винчи»?

Отчасти этот вопрос затронут в самом «Коде да Винчи», в начале книги (с. 7, перед *Прологом*), где приведен список того, что обозначено как факты, в том числе утверждения о Приорате Сиона, Опус Деи и др.; он содержит также следующее заявление: «В книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов».

Но так ли это? Я не буду затрагивать искусство, архитектуру или ритуалы. Но я буду рассматривать документы. И, как мы увидим, даже когда Дэн Браун старается представить факты, он играет ими, — многие из них в действительности лишь часть его вымысла. Цель моей работы — отделить факты от вымысла, исторические реалии от плодов фантазии для тех, кому интересно узнать об исторических началах христианства и в особенности о жизни Христа и писаниях, составляющих Новый Завет.

Как делается критическая история

Прежде чем начать это исследование, я хотел бы вкратце сказать о том, как я намерен действовать. Существуют разнообразные подходы к прошлому, включая древнее прошлое,

представленное в художественных произведениях вроде «Кода да Винчи». Некоторые пытаются проникнуть в это прошлое с помощью творческого воображения, не подкрепляя свои представления никакими фактическими источниками информации (или используя лишь немногие). Другие принимают на веру любые дожившие до наших дней источники и пытаются слепить из них нечто целостное. Оба эти подхода некритичны, поскольку не взвешивают и не оценивают сохранившиеся свидетельства. Составить суждение о прошлом мы можем только на основе источников, которые о нем рассказывают, однако мы не должны принимать наши источники безоговорочно, поскольку они часто противоречат друг другу и всегда отражают позиции, заблуждения и мировоззрение своего автора. И поэтому наилучший способ попытаться реконструировать прошлое — это подойти к нашим источникам критически, то есть создавать критическую историю. Основная трудность для критических историков (да и для кого угодно) заключается в том, что историческое событие не может быть *доказано.* Поскольку то, что случилось в прошлом, уже не воскресить и не повторить. Со своими студентами я иногда сравниваю метод критических историков с тем, что делают ученые-эмпирики. Чтобы доказать требуемое, эмпирические ученые повторяют эксперимент. Попросту говоря, если я хочу доказать, что куски железа тонут в теплой воде, а куски мыла плавают, мне достаточно найти сотню ванн с теплой водой и начать бросать в них куски железа и куски мыла. И каждый раз железо будет тонуть, а мыло плавать. Здесь мы имеем дело с предсказуемой вероятностью, которую рассматриваем как доказательство, то есть, повторяя те же действия, получаем тот же результат.

С историей дело обстоит иначе, поскольку события прошлого повторить нельзя. И поэтому для того, чтобы установить степень вероятности, требуются не контролируемые повторные эксперименты, а «доказательства» иного рода. Как и наука, вся история — это вопрос вероятности. Некоторые вещи практически несомненны (союзники действительно победили во Второй мировой войне). Другие в высшей степени вероятны, но не безусловны (у Джорджа Вашингтона были вставные зубы). Третьи еще менее несомненны, но все же вероятны (Цезарь перешел Рубикон). В то время как о четвертых мы можем только гадать (была ли Мария Магдалина близкой спутницей Иисуса?). Почему одни вещи более несомненны (или, во всяком случае, более вероятны), чем другие? В каждом случае это зависит от характера свидетельств. Миллионы очевидцев могут подтвердить, что во Второй мировой войне победили союзники. Сколько свидетельств очевидцев есть у нас о состоянии зубов Вашингтона или о военных действиях Цезаря? Очень мало. А о Марии Магдалине и Иисусе?

Как оказывается, при всем уважении к Марии Магдалине, некоторое количество наших источников основывается на Библии. В связи с этим возникает еще один вопрос, вопрос, который станет важным при рассмотрении исторических утверждений, содержащихся в «Коде да Винчи»: как тот факт, что древний источник (например. Евангелие от Марка) входит в состав Библии, влияет на его историческую надежность? С точки зрения критического историка, к входящим в Библию источникам следует относиться как к любому другому источнику информации о прошлом — их нужно критически исследовать, чтобы понять, надежны они или нет. В числе прочего следует учитывать, как они соотносятся с другими источниками того времени — например, не опровергают ли их эти источники. Если источники противоречат друг другу, историк должен решить, какому из них верить. А для принятия такого решения историку нужны *основания.* Было бы не совсем корректно утверждать, что если в Библии о чем-то говорится, то так оно и есть. Что если, пересказывая

историю, библейский писатель изменил историческое событие по каким-то своим соображениям? Но с другой стороны — и я должен особо подчеркнуть это, — если источник, не связанный с Библией, рассказывает отличную от нее историю (например, Евангелие от Марии), то вовсе не обязательно *этот* источник верен. Все источники необходимо оценивать с точки зрения их достоверности и надежности.

Я особо останавливаюсь на этом потому, что некоторые люди склонны безоговорочно доверять каноническим источникам (будь это записки Юлия Цезаря, Джорджа Вашингтона или Библия), в то время как другие с готовностью верят всему, что содержится в источниках, *противоречащих* каноническим. Последний подход особенно характерен для людей, которых привлекают теории заговоров, — но также для интеллектуально любопытных людей, которые верят максиме о том, что «историю пишут победители», и потому рады ухватиться за возможность обнаружить «оборотную сторону» истории. Для критических историков такой подход — автоматического предпочтения одной стороны другой — неприемлем. Напротив, каждый источник должен быть тщательно взвешен и оценен ими. И, как мы увидим в следующей главе, это справедливо даже для источников, затрагивающих такую значимую фигуру, как Иисус, чью историю рассказывают нам книги и вошедшие в Новый Завет, и не вошедшие в него (в том числе некоторые, например Евангелие от Филиппа, играющие важную роль в «Коде да Винчи»). Критический историк рассматривает *все* эти источники, внимательно сравнивая их и определяя, на какой из них можно положиться как на достоверный, а какой следует принимать с изрядной долей скепсиса.

В связи с этим я должен отметить, что подавляющее большинство письменных свидетельств о прошлом — миллионы и миллионы свидетельств о каждом из периодов прошлого — уже не существует и остается потерянным для потомства. Это относится и к свидетельствам о жизни Иисуса и его учеников. К счастью, ныне в нашем распоряжении имеется больше источников об Иисусе (и Марии Магдалине, например), чем могли мечтать историки еще столетие назад. Но все равно, это лишь ничтожная толика того, что должно было когда-то существовать. Некоторые из не доживших до наших дней источников несомненно были уничтожены христианами, которым их содержание показалось оскорбительным или продиктованным заблуждениями. Но большая их часть утрачена просто потому, что в какой-то момент прошлого их перестали копировать.

На этой последней причине также стоит остановиться особо: из далекого прошлого (задолго до изобретения Гутенбергом печатного станка в пятнадцатом столетии) до нас дошли исключительно рукописные копии источников. И в древности совсем нетрудно было заставить документ исчезнуть; это достигалось тем, что его копию просто не заказывали. Вопреки намекам, возникающим то там, то здесь в литературе о раннем христианстве, вдохновляемой теориями заговоров, — или даже в исторических романах вроде «Кода да Винчи», — у нас мало свидетельств о массовых сожжениях «опасных» книг в древности. Если книга казалась сомнительной, ее просто не воспроизводили. К счастью, некоторые из таких «редких» книг были обнаружены в новое время — случайно или благодаря открытиям археологов.

В последующих главах, оценивая исторические утверждения, содержащиеся в «Коде да Винчи», я буду принимать во внимание все сохранившиеся источники, как канонические, так и неканонические, как ортодоксальные, так и еретические, как хорошо известные, так и практически забытые. Только рассматривая такие источники, мы сможем получить ясные представления об интересующих нас фигурах прошлого, в том числе о трех, которые играют

столь заметную роль в замысле «Кода да Винчи»: Иисусе, Марии Магдалине и императоре Константине.

Часть первая

ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН,

НОВЫЙ ЗАВЕТ И ДРУГИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Глава первая

Роль Константина в раннем христианстве

Несмотря на запутанность главных и второстепенных линий сюжета, «Код да Винчи» — по преимуществу история о борьбе правды и неправды, добра и зла. Поэтому нет ничего удивительного в том, что героев этого романа можно развести по двум соответствующим сторонам. К хорошим героям относятся, конечно же, Роберт Лэнгдон и Софи Невё, искренние в своих мыслях и намерении узнать правду. Неоднозначно положителен глава судебной полиции Безу Фаш, бесцеремонный персонаж, чьи действия часто кажутся своекорыстными и самонадеянными, но который в конце оказывается на стороне добра. В числе отрицательных персонажей мы видим, к своему удивлению, Лью Тибинга («Учителя» — до его саморазоблачения кажется, что он на стороне Лэнгдона и Невё); Реми, шофера и шпиона Тибинга; монаха-альбиноса Сайласа, который убивает по заказу, с целью достижения, как ему кажется, большей справедливости.

Однако не только действующие лица этого произведения, но и исторические фигуры, на которых строится сюжет, можно ассоциировать с добром или злом. Иисус и Мария Магдалина, конечно, положительные персонажи из прошлого. С другой стороны, архетипически плохой парень — римский император четвертого века Константин. Константину фактически вменяются в вину многие из болезней, которые начиная с его дней разъедают христианство. В соответствии с Лью Тибингом (и отчасти с Лэнгдоном), именно Константин навсегда изменил форму христианства, подчеркнув в нем главенство мужского начала, демонизировав женское, ложно приписав божественную сущность смертному пророку Иисусу и уничтожив более ранние евангелия, в которых прославлялась его человечность, в то время как канонические тексты представляли его божеством. Верно ли это изображение?

Христианство Константина

Точнее, мы узнаем от Тибинга, что Константин, оставаясь язычником всю свою жизнь, на самом деле так и не стал христианином; Константин просто использовал христианство в своих политических целях. Предположительно, он созвал Никейский собор в 325 году в попытке объединить христиан, вынудив их признать Иисуса Богом, а не человеком (до тех пор христиане воспринимали Иисуса как человека). А затем Константин создал Библию в ее нынешнем виде, Библию, из которой исключены все упоминания о священном женском начале и восславлено мужское, в которой человек Иисус объявляется божеством.

Насколько эти утверждения о Константине соответствуют исторической реальности и насколько они являются плодом фантазии, вымыслом, который развивается в этом произведении, но не имеет оснований в истории? Мы можем начать с вопроса о степени приверженности самого Константина христианству. Правда ли то, что он всю свою жизнь оставался язычником и так и не обратился в христианство?

Рассмотрим ключевой разговор между Софи и Лью Тибингом на эту тему:

— А я думала, Константин был христианином, — сказала Софи.

— Едва ли, — покачал головой Тибинг. — Он всю жизнь прожил язычником, и крестили его только на смертном одре, когда он был слишком слаб, чтобы протестовать. Через три столетия после распятия Иисуса Христа на кресте число его последователей неизмеримо возросло. Христиане воевали с язычниками, конфликт настолько разросся, что Риму угрожал раскол на два отдельных государства. Константин понимал, что надо как-то спасать ситуацию. И вот, в 325 году нашей эры он решил объединить Рим под знаменем одной религии. А именно — христианства.

Софи удивилась: Но что заставило императора-язычника выбрать государственной религией христианство?

Тибинг усмехнулся: Константин был весьма неплохим стратегом. Он понимал, что христианство находится на подъеме, и просто сделал ставку на фаворита (с. 280–281).

Историки не откажут этим утверждениям в некоторой справедливости, но в целом они скорее вымысел, чем факт. Сначала нужно рассмотреть путь развития христианства, который привел к знаменитому обращению Константина в веру.

Распри между христианами и язычниками

Неверно утверждать, как это делает Тибинг, что «между христианами и язычниками начались распри, и конфликт достиг таких размеров, что грозил расколоть Рим надвое». Здесь явно преувеличена сила христианства до обращения Константина, и кажется, будто христиане были почти столь же многочисленны, как и язычники, и постоянно то наступали, то защищались. На деле все было совершенно иначе. Христиане до Константина в начале четвертого века составляли в империи ничтожное меньшинство и терпели гонения со стороны групп подавляющего большинства — язычников и их правительственных структур.

Для начала мне, наверное, следовало бы уточнить дефиниции. *Язычники* в данном контексте — термин не негативный. Он просто обозначает приверженцев распространенных на территории империи политеистических религий, то есть религий, почитающих многих богов. А поскольку каждый в этой империи, за исключением иудеев и христиан, почитал многих богов, этот термин объединяет подавляющее большинство населения.

Боги, которым поклонялись, были самые разнообразные. Были «великие боги», известные нам по греческой и римской мифологии, — например греческие Зевс, Арес и Афина или их римские аналоги Юпитер, Марс и Минерва. Но помимо них были божества местные и функциональные: боги-покровители, обитавшие в больших и малых городах по всей империи (разные боги в разных местах), семейные боги и боги домашнего очага, боги лесов, рек и полей, боги, выполнявшие разнообразные функции — обеспечивавшие хороший урожай, плодовитость скота, помощь женщинам в деторождении, здоровье, благополучие и мир, оказывавшие мелкие услуги тем, кто об этом попросит.

На протяжении этого периода Римской империи существовала тенденция к предпочтению одного бога, главенствующего над остальными, бога верховного. Известно, что сам Константин поклонялся «незримому солнечному богу» (лат. Sol Invictus) до и даже после того, как стал христианином. Иногда Константин (и другие), похоже, идентифицировал это божество с богом Аполлоном, который также ассоциировался с солнцем. Но, обратившись в христианство, Константин, по-видимому, решил, что это божество в действительности христианский Бог.

Так или иначе, в языческих культах империи процветало многобожие, и богам этим

поклонялись как кому заблагорассудится. Это важно понять, для того чтобы вникнуть в суть взаимоотношений христиан и язычников, которые имеет в виду Лью Тибинг, говоря о том, что «между христианами и язычниками начались распри». На самом деле это не совсем так. Яростные нападки действительно имели место, но истории известно, что они были почти исключительно односторонними. Это языческое большинство боролось с христианским меньшинством, пытаясь истребить его.

В сущности, христианство с момента своего зарождения было гонимой религией[1]. Начало религии фактически положили страдания и казнь ее основателя, Иисуса. И после его смерти многих из его последователей постигла та же судьба. Иногда ранних христиан преследовали иудеи, поскольку, по многим представлениям иудеев, христиане богохульствовали, называя Иисуса мессией. Но со временем все большую роль в этих преследованиях стали играть римские язычники и их правительственные чиновники.

Причины, по которым язычники ненавидели христиан, были связаны с отношением язычников к своим богам. Боги обеспечивали им жизненные блага: здоровье, процветание, любовь, мир, плодородие и так далее. Они делали это просто в обмен на поклонение — жертвование животных или другой снеди по случаю и славословия в свою честь. Эти боги не соперничали друг с другом, требуя, чтобы религиозные обряды совершались только во имя того или иного из них. Все они были богами, и все заслуживали почитания. Что, однако, случалось, когда их переставали должным образом почитать? Они могли разгневаться, и тогда — только держись! Боги могли отомстить, наслав всяческие «природные» бедствия: чуму, голод, засуху, землетрясение. Когда такое случалось, простейшим объяснением было то, что боги покинули их. А причиной тому было недостаточное внимание к ним. А кто отказывался поклоняться богам должным образом? Христиане, которые утверждали, что Бог един, это Бог Иисуса, и поклоняться следует только Ему[2].

Когда бедствия обрушивались на города, столицы и целые области во втором и третьем столетиях от Рождества Христова, легко было поверить, что в этом виноваты христиане. Иногда это приводило к насилиям толпы по отношению к христианам. А когда такие волнения выходили из-под контроля, римским властям приходилось порой вмешиваться и оказывать официальное давление на христиан, с тем чтобы заставить их публично отречься от своей веры в христианского Бога и должным образом почитать богов языческих. Когда христиане отказывались, их наказывали, в том числе подвергая пыткам и казням.

Такова была реальная ситуация с христианами и язычниками в империи. Это не была, как утверждает Тибинг, борьба двух враждующих групп. Это было преследование языческим большинством христианского меньшинства. Как оказывается, гонения на христиан достигли апогея непосредственно перед появлением на сцене Константина. Его предшественником был император Диоклетиан, управлявший восточной частью империи, в то время как западная находилась под властью его соправителя Максимиана. Диоклетиан решил, что с христианами (которые в то время, по-видимому, составляли 5–8 процентов населения империи) необходимо покончить раз и навсегда. Поэтому в 303 году нашей эры он, при поддержке Максимиана, инициировал общеимперскую кампанию преследований (ранее, начиная с первого века, преследования, как правило, носили сугубо локальный характер). Было обнародовано несколько императорских указов, призывавших к сожжению христианских книг, разрушению христианских церквей, лишению христиан классовых привилегий и, наконец, разрешавших арест христианских священников. В 304 году еще один указ потребовал, чтобы все подданные Римской империи совершали жертвоприношения

богам; неповиновение означало смерть или принудительные работы. Христиане, разумеется, не могли повиноваться, не изменив своей вере. Эти «великие гонения», как их назвали, продолжались, возобновляясь время от времени, около десятилетия.

В соответствии с беглым обзором Лью Тибинга, именно Константин в 325 году положил конец конфликтам между язычниками и христианами. Это также не соответствует действительности. Константин остановил гонения на христиан в 313 году нашей эры, на следующий год после своего обращения. Чтобы понять, как все это происходило, нам нужно рассмотреть само его обращение, которое было весьма непростым делом. Но одно совершенно ясно: вопреки утверждению Тибинга, Константин не оставался всю свою жизнь убежденным язычником. Он сам связывает свое обращение с решительным моментом, случившимся, как оказывается, на поле сражения.

Обращение Константина

К сожалению, у нас нет надежных свидетельств о том, что же *в действительности* произошло, когда Константин обратился к вере, только рассказы — вроде записанного Евсевием, религиозным биографом Константина, христианским писателем четвертого века, которого иногда называют «отцом церковной истории», поскольку он был первым христианином, оставившим подробное и всестороннее изложение истории церкви начиная от дней Иисуса до своего времени, времени Константина. Кроме десятитомной «Истории Церкви» он написал биографию Константина. Как легко представить, эта биография окрашена личными взглядами Евсевия на христианство. Но даже если и так, он заявляет, что слышал от самого Константина о его знаменитом обращении спустя несколько лет после этого события[3].

Исторические обстоятельства этого обращения, во всяком случае, очевидны. После того как Диоклетиан по собственной воле отрекся в 305 году н. э., Константин стал императором вместо него; в самом Риме, однако, на императорский трон претендовал Максимиан, до тех пор пока Константин не победил его в битве. Но затем контроль над этим городом установил сын Максимиана, Максенций. Константин намеревался быть единственным правителем империи, а для этого требовалось устранить Максенция и его армию. Константин отправился походом на Рим, и там, у Мильвийского моста через Тибр, состоялось решающее сражение. Позже Константин рассказал о знамении, явившемся ему перед этой битвой, знамении, которое привело его впоследствии к принятию христианства как единственной истинной религии. По его словам, он понимал, что приближающуюся битву он сможет выиграть только с божественной помощью, но терялся в догадках, не зная, к какому богу за ней обратиться. А затем среди бела дня его посетило видение знамени в форме креста, поверх которого были начертаны слова: «Сим победишь».

Гадая, что бы это могло значить, той же ночью он увидел сон, в котором ему явился Христос с тем же символом и сказал, чтобы он использовал его как защиту от врагов. На следующий день Константин, собрав мастеров, описал им этот символ, и они воспроизвели его из золота и драгоценных камней. Он имел форму креста с двумя греческими буквами наверху — chi и rho — первыми буквами имени Христа в греческом языке. По Евсевию, Константин созвал религиозных советников, которые могли бы объяснить, что все это означает, и они сказали ему, что если он станет поклоняться христианскому Богу, то получит защиту во всем.

Вступив затем под этим символом в битву с Максенцием на Мильвийском мосту, он

одержал сокрушительную победу и провозгласил себя верховным императором запада (другой генерал, Лициний, был императором восточной части империи).

Лью Тибинг прав, сообщая, что он отнюдь не превратился с этого момента в усердного и истового христианина, истребив в себе все языческое. Во-первых, ученые отмечают, что он, похоже, продолжал поклоняться богу солнца даже после своего «обращения»: монеты, чеканившиеся в его правление, еще девять лет после этого продолжали нести на себе изображение Sol Invictus. В представлении Константина могли слиться его старая религия с новообретенной верой в христианского Бога. Возможно, не случайность то, что по его установлению христианскому Богу следовало поклоняться в день солнца (sun — Sunday, воскресенье), а Рождество Христово праздновать во время зимнего солнцестояния. Но так или иначе, вопреки утверждению Тибинга, Константин начал в некотором смысле осознавать себя христианином с того кульминационного момента в 312 году.

В следующем году Константин, договорившись с Лицинием, своим соправителем, контролировавшим восточную часть империи, объявил о прекращении преследований христиан на территории всей империи. В частности, был издан указ, известный как Миланский эдикт, обеспечивавший свободу вероисповедания для всех подданных империи — христиан, язычников и иудеев — и отправления культа бога (богов) привычным для них образом. Именно это — а не созванный двенадцать лет спустя Никейский собор — положило конец конфликтам между язычниками и христианами.

С этого момента Константин осознавал себя — и другие считали его — христианином, хотя, как я уже отмечал, остатки былой приверженности языческим богам сохранялись еще на протяжении лет десяти. Но к началу 320-х годов Константин уже твердо придерживался христианской веры. Ли Тибинг верно замечает, что Константин принял крещение только на своем смертном одре (в 337 году), но это произошло не вопреки его воле, на что намекает Тибинг. В действительности для христиан не было чем-то необычным откладывать свое крещение до самого конца. Однако задолго до этого Константин всенародно демонстрировал свою приверженность христианству, в том числе благодеяниями, которыми он осыпал христианскую церковь и ее духовенство на протяжении двадцати с лишним лет.

Остается вопрос: почему Константин обратился в христианскую веру? Трудно сказать, прав ли на этот счет Тибинг, утверждая, что Константин просто «поставил на фаворита». Очевидно, что Константин намеревался объединить империю, которая столь долгое время была раздроблена (на протяжении пятидесяти лет до восшествия на трон Диоклетиана империя повидала двадцать разных императоров). С этой целью он предпринял ряд финансовых и политических мер. И, возможно, в признании христианского Бога он видел способ достижения культурного единства империи: она могла стать целостной империей, почитающей одного Бога (христианского Бога вместо разномастных богов, которым в противном случае поклонялись бы по всей империи), с одним императором во главе. Один Бог, одна вера, один император, одна империя.

Несомненно одно: обращение Константина — самое примечательное событие в истории западной цивилизации. Христианство превратилось из религии преследуемого и ненавидимого в империи меньшинства в религию, которой отдал предпочтение сам император. Церковь купалась в расположении; стало очень популярным принимать христианство и таким образом отрекаться от языческих богов. Люди обращались толпами. К концу четвертого столетия большая часть населения империи стала христианской. Все императоры после Константина, за одним мимолетным исключением, были христианами.

За пятьдесят лет после его смерти христианство превратилось в официальную религию империи. Как сказал один писатель, обращение Константина было «вторым по величию из всех известных истории сюжетов»[4].

Но его обращением в 312 году и эдиктом о веротерпимости в 313 году дело не закончилось. Поскольку, как замечает сам Тибинг, нечто значительное произошло в 325 году. Тибинг ошибается, говоря, что именно тогда Константин предпринял попытку объединения империи под знаменем христианства. Этот процесс уже шел. Но возникла проблема с использованием христианства как средства объединения: христианская Церковь сама *не была едина* в понимании некоторых фундаментальных вопросов, не менее важных, чем ее теологические представления. Для того чтобы христианство объединило империю, ему самому нужно было объединиться. И это была истинная причина, по которой Константин созвал собор христианских епископов (их было около 200–250), которым предстояло решить вопросы, вызывающие внутренние разногласия христиан; он состоялся в городе Никее, потому и был назван Никейским собором.

Никейский собор

Тибинг упоминает об этом соборе во время разговора с Софи в своей гостиной. Он объясняет ей, что Никейский собор был созван Константином для того, чтобы с помощью голосования установить божественную природу Христа и тем самым укрепить основы самой императорской власти.

> — Во времена слияния двух религий Константину нужно было укрепить новую христианскую традицию, и он созвал знаменитый Вселенский собор. На этом собрании обсуждались, принимались и отвергались многие аспекты христианства — дата Пасхи, роль епископов, церковные таинства и, конечно, *божественность Христа.*
>
> - Что-то я не понимаю… Божественность Иисуса?
>
> — Моя дорогая, — торжественно объявил Тибинг, — до этого исторического момента Иисус рассматривался Его последователями как смертный пророк… человек, безусловно, великий и влиятельный, но всего лишь *человек.* Простой смертный.
>
> — Не сын Бога?
>
> — Да, — радостно воскликнул Тибинг. — Только на этом Вселенском соборе Христос был провозглашен и официально признан Сыном Божиим. В результате голосования.
>
> — Погодите. Вы что же, хотите сказать, что божественная сущность Иисуса стала результатом *голосования?*
>
> — Причем выиграл Он лишь с небольшим преимуществом голосов, — сказал сэр Тибинг… — Официально провозгласив Иисуса Сыном Божиим, Константин тем самым превратил Его в божество, существующее как бы вне мира людей, чья власть над ними вечна и незыблема (с. 282).

И опять в речи Тибинга смешиваются элементы реальности и вымысла. Константин действительно созвал Никейский собор, и одним из обсуждавшихся вопросов была божественность Иисуса. Но собор созывался вовсе не для того, чтобы решить, был или не был Иисус Богом, как утверждает Тибинг. Совсем напротив: все участники собора — и фактически почти все христиане — уже были согласны в том, что Иисус — Бог, Сын Божий. Обсуждавшийся вопрос заключался в том, как *понимать* божественность Иисуса в свете того, что Он был также и человеком. А также как могут и Иисус, и Бог быть Богом, если Бог

един? Именно это обсуждал Никейский собор, а вовсе не вопрос о божественности Иисуса. И уж конечно, не было никакого голосования, для того чтобы подтвердить эту божественность: это уже было общим убеждением христиан, утвердившимся еще в годы зарождения этой религии.

Божественная и человеческая сущности Христа

Рассуждая на тему божественности Христа, Тибинг рисует Софи довольно противоречивую картину. С одной стороны, он отмечает, что до Никейского собора в 325 году Иисуса не признавали Богом; с другой стороны, он утверждает, что Константин включил в канон Священного Писания только те евангелия, в которых Христос представал божеством, уничтожив все остальные евангелия, изображавшие Его человеком. Но если христиане не признавали божественность Иисуса до Никейского собора (точка зрения Тибинга), то как уже в первом столетии Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна могли изображать его Богом (что также является точкой зрения Тибинга)?

Даже без учета этого противоречия позиция, изложенная Тибингом, неверна по всем ключевым пунктам: христиане признали Иисуса Богом еще до Никейского собора; в Евангелиях Нового Завета Он предстает настолько же человеком, насколько и божеством; евангелия, не включенные в Новый Завет, изображают Его божеством настолько же — или даже больше, — насколько и человеком. В этой главе я остановлюсь на первых двух пунктах, а третий рассмотрю в последующих.

Для исследователей, изучающих историю христианской теологии, звучит по меньшей мере абсурдно заявление Тибинга о том, что христиане до Никейского собора не считали Иисуса Богом. Наиболее ранний из известных нам христианских авторов — апостол Павел; некоторые из его писаний содержатся в Новом Завете. Павел писал свои послания приблизительно через двадцать-тридцать лет после смерти Иисуса (за 250 лет *до* Никейского собора), и из них становится совершенно очевидным, что Павел видит в Иисусе Христе в некотором роде Бога. В одном из своих ранних писем, Послании к филиппийцам, он пишет:

> Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек… (Флп 2:5–7).

Для Павла — и предположительно для филиппийцев — Христос был «образом» Божиим и в некотором роде равным Богу, пусть даже и сделавшись человеком.

Сходные представления можно обнаружить и в других писаниях Нового Завета. Одно из обычных для этих писаний именований Иисуса — «Сын Божий». Вряд ли этот эпитет был придан Христу на основании голосования узкого круга лиц на Никейском соборе, состоявшемся сто лет спустя! Самое раннее Евангелие — от Марка — начинается с объявления его темы: «Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия» (Мк 1:1)[5]. Последнее из канонических Евангелий, Евангелие от Иоанна, еще более определенно. Здесь

Иисус не просто Сын Божий — хотя и это также (см. Ин 1:18, 3:16, 18), — но в некотором роде и сам Бог.

Об этом говорится в стихе, начинающем это Евангелие:

> В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у

Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть (Ин 1:1–3).

А кем для Иоанна является это «Слово», которое было в начале у Бога и которое фактически Само было Богом? Остается мало сомнений по этому поводу, поскольку, как он говорит в конце этого стиха:

И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца…благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа (1:14, 17).

Для этого автора, уже в первом столетии, Иисус Христос — Бог сущий («Слово»), через которого Бог создал этот мир, Тот, кто полностью явил Бога своему народу, поскольку Сам Он был Богом, сошедшим с небес и облекшимся плотью.

Вот почему в этом Евангелии Иисус может утверждать свое тождество с Богом. Как Он говорит в одном месте: «Я и Отец — одно» (10:30). И вот почему в этом Евангелии Его божественную сущность признают Его ученики, включая Фому неверующего в конце повествования, который, увидев восставшего из мертвых Христа, воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» (20:28)

Однако это видение Иисуса как Бога можно встретить не только в посланиях Павла и евангелиях. Это распространенное среди христианских писателей первых столетий представление. Один из ранних писателей, не включенных в Новый Завет, христианский мученик Игнатий Антиохийский (ум. 110 г. н. э.), изложил это в свойственной ему поэтической манере:

Есть только один врач, телесный и духовный, рожденный и нерожденный. Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом не подверженный страданию, Господь наш Иисус Христос (Игнатий. Поэма «К эфесянам», 7.2).

С самого начала — насколько мы можем судить по дошедшим до нас первым писаниям христиан — для всех было очевидным, что Иисус в некотором роде является божеством. Но всегда существовало смущающее препятствие, поскольку большинство христиан знало также, что одновременно Иисус был человеком. Как Он мог быть человеком, если был Богом? Над этим вопросом христиане бились столетиями, и в некотором смысле именно этот вопрос призван был решить Никейский собор.

Однако прежде чем говорить о проблеме, послужившей непосредственным поводом к созыву этого собора, мне бы хотелось подчеркнуть тот факт, что большинство ранних христиан воспринимало Христа и как человека, и как Бога. Я вынужден остановиться на этом потому, что в «Коде да Винчи» Тибинг замечает, что все христиане до Никейского собора видели в Христе человека, а не Бога, — за исключением, по-видимому, авторов четырех Евангелий, вошедших в Новый Завет, где Он изображается, в соответствии с Тибингом, только лишь Богом. Как уже говорилось, это неверно по всем пунктам. Но в особенности неверно то, что в Евангелиях Нового Завета Иисус не рассматривается как человек. Совсем напротив: Иисус очень человечен в этих книгах, что становится ясным даже при простом прочтении Евангелий.

В самом раннем новозаветном Евангелии от Марка Иисус, конечно, назван Сыном Божиим. Но в целом Он изображается как иудейский пророк, мало отличающийся от других

иудейских пророков. Он ведет исключительно человеческую жизнь (именно в этом евангелии нет ни слова о чудесном рождении), Он ест, пьет, гневается, испытывает муки, страдает, истекает кровью, наконец умирает. Кто же Он здесь, если не человек? То же можно сказать и об остальных рассматриваемых евангелиях, даже в Евангелии от Иоанна, который заходит дальше в изображении Иисуса божеством. Даже здесь Иисус вполне человек, испытывающий усталость, голод, печаль и так далее.

Разрешение противоречия, касающегося божественной и человеческой сущностей Христа

Принимая во внимание тот факт, что самые ранние наши источники изображают Иисуса одновременно и Богом и человеком, зададимся вопросом: как они обходят эту трудность? Как, иными словами, Иисус может быть Богом, если Он также и человек? Эта проблема не давала христианам покоя, поскольку они признавали, что человеческое и божественное — совершенно разные вещи: Бог не может быть человеком, как человек не может быть камнем.

Разные ранние христиане по-разному решали эту проблему. Некоторые, конечно, утверждали, что Иисус был настолько человеком, что даже, в сущности, и не был Богом, а другие доказывали, что Он настолько Бог, что вовсе даже и не человек. Однако обе эти точки зрения уже во втором столетии рассматривались как ереси (то есть ложные учения). Первый подход, например, был характерен для группы христиан второго века, известных ученым как «адопцианисты». Эти люди утверждали, что Иисус был человеком в полном смысле этого слова — он был рожден естественным образом Марией и Иосифом, рожден так же, как и другие. Единственное, что отличало Иисуса от других, в соответствии с этими адопцианистами, — это то, что Он был более праведным, чем все прочие. И в результате этой непревзойденной праведности Бог предназначил Ему быть Своим «Сыном», то есть фактически усыновил Его при крещении, когда голос с небес возвестил: «Ты

Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (см. Пс 2:7). Как на человека, в результате усыновления ставшего Сыном Божиим, в представлении христиан-адопцианистов, на Иисуса была возложена божественная миссия искупить своей смертью грехи остальных. Что Он и сделал, честно исполнив Божье приказание. В награду за верность Господь воскресил его из мертвых и вознес одесную Себя, где Он теперь пребывает в силе и славе, в ожидании Своего возвращения на землю в Судный день.

Нынешних христиан озадачил бы такой взгляд и заставил задаться вопросом: а почему эти христиане-адопцианисты не могли просто почитать свой Новый Завет, чтобы понять, что их представления неверны (поскольку Иисус был рожден непорочно и в действительности был Сыном Божиим). Однако причина, по которой они не прочли Новый Завет, ясна. Нового Завета еще *не было*. Конечно, все книги Нового Завета (послания Павла и Евангелия, например) были уже написаны. Но они еще не были объединены в канон Священного Писания и не были названы Новым Заветом. Формирование канона стало результатом дискуссий, в том числе и дискуссий по поводу сущности Христа в первые столетия.

Во втором-третьем столетиях были и другие христиане, занимавшие противоположные позиции: они настаивали на том, что природа Иисуса полностью божественна, и в действительности Он не мог быть человеком. Иногда сторонников этой теории называли «докетами» (от греческого слова *doke,* означающего «казаться» или «иметь вид»), поскольку они утверждали, что Иисус не был человеком, а только казался таковым. Он был Богом, и

только Богом. Таким образом, только казалось, что Иисус имеет человеческую плоть и кровь, человеческие чувства, человеческую уязвимость и человеческую способность страдать и умирать. На самом деле все это было только видимостью.

Большинство христиан отвергало взгляды как адопцианистов, так и докетов, и твердо верило, что Иисус был и человеком (как утверждали адопцианисты), и Богом (как заявляли докеты). Но *как* Он мог быть и тем и другим одновременно? Вот в этой сфере и лежат наиболее интересные разногласия между разными группами ранних христиан, и именно эти разногласия привели со временем к созыву Никейского собора.

До этого существовало несколько любопытных решений проблемы двойственности природы Христа и связанного с ней вопроса: как Он мог быть Богом, если Богом был Бог-Отец, а Бог только один, и двух быть не может. Как такое возможно? Одним из ранних ответов был такой: говорили, что Иисус в действительности был самим Богом-Отцом, который стал человеком. Таким образом, Иисус был и Богом, и человеком (поскольку Он действительно стал человеком), и таким образом получалось, что Бог только один, далее несмотря на то что Иисус был Богом и Бог был Богом, поскольку Они — одно.

Однако со временем эту теорию объявили ересью (как и адопцианство, и докетизм), что было вызвано несколькими причинами. Ее оппоненты указывали на то, что Бог-Отец превыше всего, и Он пребывает над такими поставленными человеку пределами, как мораль, страдания и смерть. Однако сказать, что Иисус — это Бог-Отец, означало бы сказать, что Бог-Отец *страдал*. Оппоненты этой теории назвали ее патрипассианизмом («страдания Отца») и подвергли осмеянию. Они, например, с иронией замечали: не разговаривал же Иисус сам с собой, когда молился (см. Ин 17).

Но все же, как Он мог быть и человеком и Богом в одно и то же время? И как могли Он и Бог (и Дух Святой) быть Богом, если Бог только один? Очень немногие христиане согласились бы признать, что Бог не один, — это было бы язычеством. Так как же они могли оставаться монотеистами, признавая Христа Богом?

Арий и Никейский собор

Одно из решений этой проблемы и привело впоследствии к Никейскому собору. В начале четвертого столетия, почти в то же время, когда произошло обращение Константина, в Александрии Египетской, важном центре христианского мира, проповедовал популярный пресвитер Арий[6]. Арий пытался разрешить проблему природы Христа, утверждая, что в начале был только Бог-Отец. Но в какой-то момент бесконечно далекого прошлого Он сотворил Себе Сына, и именно через этого Сына Божьего, Христа, Он создал все сущее. Таким образом, Христос оказывался существом божественным — но Он был ниже Бога-Отца, являясь Его первым творением. И Христос был тем, кто создал все остальное. Затем Он вочеловечился, рожденный Девой Марией; Он умер во искупление грехов человечества, был воскрешен из мертвых и продолжает пребывать с Богом, как Его Сын, на небесах.

Это решение проблемы идентификации Христа было крайне популярным, в частности, потому, что так удачно сохраняло все утверждения, которые христиане привыкли слышать о Боге (есть только один Бог; Он воплощается перед нами в Христе) и о Христе (Он имеет божественную природу; Он вочеловечился). Но были и другие христиане, которые подвергли эти утверждения серьезному сомнению, поскольку, с их точки зрения, Христос представал в них второстепенной фигурой по сравнению с Богом-Отцом и являлся не вполне божеством. Среди оппонентов Ария был Афанасий — тогда молодой дьякон

Александрийской церкви, ставший одной из самых значительных фигур в истории христианства четвертого века. Афанасий и его сторонники настаивали на парадоксальном понимании Христа как Бога и все же человека. Христос существовал всегда — Он не был сотворен в какой-то определенный момент времени, — и Он сам имел всецело божественную природу (а не был наделен ею в результате каких-то преобразований). Фактически Он имел ту же сущность, что и сам Бог-Отец. Именно такое понимание в конечном итоге привело к догмату о Троице, согласно которому Бог един, но существует в трех лицах. Все три ипостаси единосущны и равно вечны, но не являются тремя Богами: Бог один, явленный в трех лицах.

Все эти дискуссии могут показаться нам сегодня довольно странными. Но в Александрии и в других частях христианского мира начала четвертого столетия эти вопросы горячо обсуждались. И в жаре этих дебатов рождалось единство церкви, поскольку дискуссии, споры и даже акты насилия в конечном итоге позволили преодолеть вопрос о том, был ли Иисус, если Его создали как второстепенное божество, лишь «подобным» Богу, или «единосущным» Ему и равно вечным. Более поздние теологи, оглядываясь назад, отмечали, что разница в позициях двух борющихся сторон заключалась не более чем в одном *i:* одни говорили, что Иисус подобен Богу (греч. *homoiousios*), а другие — что Он единосущен Богу (греч. *homoousios)*. Но это и в то время таило в себе поистине взрывную силу.

Какое все это имеет отношение к Константину? Как мы уже видели, — и как отмечал сам Тибинг, — Константин хотел, чтобы христианство помогло ему объединить империю. Но как могло христианство привести к единству, если внутри себя оно было расколото по казавшемуся тогда фундаментальным вопросу (в некотором роде *основ-ному* теологическому вопросу) — о природе Самого Бога? Константин, стремясь к единству церкви ради единства империи, созвал собор, чтобы разрешить вопрос, наиболее остро поставленный Арием: был ли Христос божественным творением Отца или Сам являлся равно вечным и единосущным Богу.

Никейский собор собрался для того, чтобы решить этот вопрос, в 325 г. н. э.[7] Вопреки утверждению Лью Тибинга, при «голосовании» победившая позиция была поддержана не таким уж и узким кругом лиц. Подавляющее большинство епископов — 200 из 250 — высказалось против взглядов Ария и солидаризировалось с позицией Афанасия, которая со временем стала позицией большинства христиан (хотя дебаты продолжались в течение десятилетий и после этого собора). И, что еще более важно, вопреки Тибингу, голосовался не вопрос о божественности Христа. Христиане вот уже 250 лет как были согласны в том, что Христос — Бог. Единственный вопрос заключался в том, *какова природа* этой божественности, и его призван был решить Никейский собор.

Константин в представлении Тибинга

Есть и другие замечания Тибинга, касающиеся императора Константина, которые нам придется рассмотреть в последующих главах. Он заявляет, например, что христианская Библия в том виде, в каком мы ее знаем, — двадцать семь книг Нового Завета, — составлена самим Константином в попытке гарантировать единство церкви, в которой он видел силу, способную объединить его империю. Это утверждение, как мы увидим, в корне неверно; формирование канона Нового Завета было длительным, нелегким процессом, начавшимся за столетия до Константина и продолжавшимся еще долго после его смерти. Он не имел к

этому процессу практически никакого отношения. Кроме того, четыре Евангелия, которые мы рассматриваем как часть Нового Завета, имели для христиан твердый статус священных книг еще задолго до обращения Константина, в то время как «другие» Евангелия уже давно были осуждены христианскими лидерами как еретические, — Константин их не запрещал.

Далее Тибинг уверяет, что Константин придал христианству «мужскую» окрашенность, исключив из него и даже демонизировав все женское, поэтому истинная форма христианства, которая прославляет священное женское начало, была утрачена для потомства, если не считать такие незначительные тайные общества, как Приорат Сиона, где она продолжает жить. Как мы увидим, это также не имеет отношения к историческим реалиям, а лишь является следствием полета фантазии, полезного для романа «Код да Винчи», но никак не связанного с реальным ходом истории.

Но прежде чем перейти к этим вопросам, для нас было бы важным рассмотреть другие документы периода раннего христианства, которые упоминают в «Коде да Винчи» Тибинг и, в меньшей степени, Роберт Лэнгдон. Это документы, ставшие известными в результате недавнего открытия свитков Мертвого моря и библиотеки Наг-Хаммади, которые прояснят для нас истинную природу христианства. Это будет темой следующей главы.

Глава вторая

Открытие свитков Мертвого моря

и библиотеки Наг-Хаммади

Объясняя Софи «истинную» природу Христа в своей гостиной, Лью Тибинг замечает, что, в то время как Евангелия Нового Завета изображают Иисуса Богом, а не человеком (взгляд, как мы уже видели, сам по себе неверный), существуют другие евангелия ранних христиан, которые дают исторически более точное изображение, представляя Его человеком. Эти евангелия, говорит ей Тибинг, были обнаружены в относительно недавнее время среди археологических находок — свитков Мертвого моря и документов, извлеченных из земли близ Наг-Хаммади в Египте. Это, указывает он, одни из самых ранних доживших до наших дней евангельских текстов об Иисусе, благодаря которым мы можем скорректировать каноническое представление о Нем как о Боге.

Верны ли эти суждения о свитках Мертвого моря и библиотеке Наг-Хаммади (как ее называют)? Или они являются частью художественного вымысла в романе «Код да Винчи»?

Вспомним слова Тибинга:

> — К счастью для историков, — продолжил Тибинг, — некоторые Евангелия из тех, что приказал уничтожить Константин, уцелели. Так, в 1950 году в пещере неподалеку от Кумрана были найдены свитки Мертвого моря. А незадолго до этого в 1945-м, Коптские свитки, их нашли в Наг-Хаммади. В этих документах рассказывалась не только истинная история Грааля, они повествовали о пастырской роли Христа с чисто светской точки зрения. И разумеется, Ватикан, в худших своих традициях дезинформации, стремился пресечь распространение этих свитков (с. 284).

К сожалению, высказывание Тибинга содержит много исторических неточностей. 1) Как мы увидим позднее, Константин не пытался уничтожить ни одного из более ранних евангелий. 2) Среди свитков Мертвого моря нет ни одного евангелия и вообще никаких документов, в которых говорилось бы о Христе или христианстве; они иудаистские. 3) Впервые их открыли в 1947 году, а не в 1950-м. 4) Коптские документы из Наг-Хаммади были в форме книги, они не были свитками (важное различие для истории раннехристианской книги). 5) Ни в них, ни в свитках Мертвого моря ничего не говорится об истории Грааля[8]. 6) Не говорится в них и о пастырстве Иисуса «с чисто светской точки зрения»; если уж на то пошло, Христос в источниках Наг-Хаммади более божествен, нежели в Евангелиях Нового Завета. 7) Ватикан не имеет никакого отношения к замалчиванию какого-либо из этих открытий.

Все это отнюдь не говорит о том, что свитки Мертвого моря и библиотека Наг-Хаммади не имеют значения для понимания личности исторического Иисуса и историй, рассказываемых о Нем. Совсем напротив: оба открытия крайне важны, но не по тем

причинам, которые называл Тибинг. Чтобы полнее оценить значение этих находок, мы должны рассмотреть их по отдельности, начав с более знаменитой из двух — свитков Мертвого моря.

Свитки Мертвого моря Открытие

Свитки Мертвого моря несомненно были самым замечательным открытием нашего времени[9]. Интересна и история их обнаружения. В начале 1947 года пастух-бедуин, мальчик по имени Мухаммед эд-Диб (что означает «Мухаммед-Волк»), гнал стадо овец и коз на водопой к источнику в Иудейской пустыне, неподалеку от древних развалин, известных как Кумран, на северо-западном берегу Мертвого моря, приблизительно в семи милях к югу от Иерихона и в двенадцати милях к востоку от Иерусалима. Одно из животных отбилось от стада, и мальчик отправился на его поиски. Проверяя расположенную над ним пещеру в скальной поверхности, он бросил в нее камень и услышал, как тот обо что-то звонко ударился. На следующий день он вернулся со своим другом, чтобы осмотреть пещеру, и обнаружил в ней большие глиняные сосуды с непотревоженными свитками, завернутыми в холст.

Когда мальчики рассказали старшим о своей находке, те забрали сосуды с их содержимым. Бедуины понимали, что такие вещи должны стоить денег, и рассчитывали продать их. В сосудах лежали семь полных свитков, впоследствии проданные двумя частями: четыре из них приобрел настоятель сирийского монастыря св. Марка в Иерусалиме, а три — ученый из Иерусалимского Еврейского университета. Впоследствии первые четыре были выкуплены молодым государством Израиль (в 1955 году), и таким образом все оригинальные свитки оказались в руках израильских властей.

Но бедуины догадывались, что если одна пещера содержала древние сокровища, то и остальные в этом районе могут быть полны ими. Таких пещер и отверстий в пределах досягаемости было около трех сотен. В 1950-е годы все они были обследованы как бедуинами, так и дипломированными археологами. Оказалось, что одиннадцать из этих пещер содержали остатки рукописей по большей части не в целом виде, как первые семь находок, а фрагментированном. Одна из пещер, названная Пещерой 4 (поскольку это была четвертая по счету пещера, в которой обнаружили свитки), была буквально набита обрывками рукописей, разрушенных временем, — около пятнадцати тысяч фрагментов, оставшихся от первоначальных, по приблизительным подсчетам, шестисот рукописей. Сложить все эти кусочки — та еще задача, сродни тому, чтобы собрать шесть сотен пазлов, большинство фрагментов которых утрачено, а остальные беспорядочно свалены в одну кучу.

Но такая задача стоила усилий. Поскольку эти документы — как первые семь, так и рукописи и фрагменты, найденные в других пещерах — были очень древними; многие из них представляли собой не известные из других источников документы древнего иудаизма. На поверку оказалось, что этим рукописям приблизительно две тысячи лет. Их создала и использовала секта иудеев, возможно живших во времена Иисуса близ пещер, в поселении, которое ныне лежит в развалинах, называемых Кумран.

Эта находка в высшей степени примечательна, поскольку сохранила для нас ключевую информацию о том, что происходило с иудаизмом во времена, непосредственно предшествовавшие началу христианской эры и сразу после него. И она имеет огромную важность также для понимания христианства, — не из-за того, что, как указывает Тибинг, содержит Евангелия об Иисусе, а потому что сообщает нам о современном Ему иудаизме.

Содержание свитков

Какого рода тексты содержат рукописи, найденные в этих одиннадцати пещерах близ поселения Кумран? Для начала нужно снова подчеркнуть, что здесь мы не имеем дела с какими-либо христианскими документами: все эти тексты — иудейские, их переписывали иудеи и использовали иудеи, жившие приблизительно во времена Христа (ок. 150 г. до н. э. — 70 г. н. э.)[10]

Среди наиболее замечательных документов Мертвого моря — списки древнееврейской Библии (христианского Ветхого Завета). Некоторые из них почти полные — например, один из семи первых свитков, найденных в Пещере 1, представляет собой список Книги пророка Исайи. Среди рукописей, найденных в одиннадцати пещерах, представлены все книги древнееврейской Библии, за исключением Книги Есфири. Это открытие библейских текстов примечательно еще и тем, что до него самая ранняя известная копия древнееврейской Библии датировалась 1000 г. н. э.; списки, обнаруженные среди свитков Мертвого моря, на тысячу или более лет старше. И мы, таким образом, можем теперь сказать, насколько тщательно в течение столетий переписывались тексты древнееврейской Библии. Как оказалось, некоторые из этих текстов (например, Исайя) столетие за столетием воспроизводились с высокой точностью; другие (в том числе, например, Книги Самуила) с течением времени претерпели значительно большие изменения.

Большая часть остальных книг, обнаруженных в пещерах близ Кумрана, ранее была неизвестна — настоящая библиотека прежде недоступных для нас древнееврейских текстов. По преимуществу они написаны на древнееврейском (языке древнееврейского. Писания), некоторые на арамейском (повседневном разговорном языке того времени) и очень немногие — на греческом (языке международной торговли и культуры). Среди них есть комментарии на библейские тексты, авторы которых толкуют эти тексты и объясняют их значение для жизни своей общины. Эти комментаторы не особенно стремятся разъяснить, что библейские авторы в свои дни хотели сообщить своим читателям, вместо этого они пытаются показать, как переданные библейскими авторами пророчества сбываются многие столетия спустя применительно к самой кумранской общине.

Среди кумранских документов есть и другие тексты, которые ученые условно назвали «сектантскими», подразумевая то, что они касаются жизни самой общины, — в них записаны правила поведения, требования к желающим вступить в общину, наказания за нарушение общинных норм и так далее. Ученые в целом убеждены в том, что эту общину основала группа иудеев, известных по другим древним источникам как ессеи. В результате чтения этих текстов становится ясно, что эта община ессеев состояла из одиноких целомудренных мужчин, которые посвятили свою жизнь достижению праведности, веря в то, что они живут в последние времена. Скоро, по их убеждению, Бог должен был вмешаться в историю, чтобы победить силы зла и вознаградить Своих праведников.

Другие книги составляли общинные молитвы и псалмы — поэтические тексты, очень напоминающие Псалмы Ветхого Завета. Часть книг была посвящена строгому толкованию законов Моисея; в них объяснялось, как следует понимать и исполнять эти законы членам общины.

Некоторые из других текстов были по сути пророческими, указывающими на то, что случится в конце времен, когда силы добра (стоящие на стороне членов общины) сразятся с силами зла (сатаной и его представителями на земле — то есть римскими армиями), преодолев их, прежде чем установить Царствие Божие на земле.

В целом это открытие имеет огромную важность для понимания иудаизма времен Иисуса, даже если, вопреки утверждениям Лью Тибинга, в этих текстах нет ни одного упоминания о самом Христе или его учениках.

Вероятно, самой важной особенностью свитков Мертвого моря является то, что они высвечивают то центральное положение, которое в представлениях окружения Иисуса занимал иудейский апокалиптизм. Из-за важности апокалиптической идеи для понимания Иисуса (предмет следующей главы этой книги) мне бы хотелось подробнее остановиться на том, что такое апокалиптизм, каковым он предстает из текстов свитков Мертвого моря и других иудейских документов приблизительно того же времени.

Свитки Мертвого моря и иудейский апокалиптизм

Термином *апокалиптизм* современные ученые обозначают древнее мировоззрение. Этот термин происходит от греческого слова *apocalypsis* («откровение»). Приверженцы этого мировоззрения утверждали, что Бог «открыл» им небесные тайны, которые могут помочь им проникнуть в смысл земной реальности; в частности, Бог открыл им, что произойдет в ближайшем будущем, когда Он придет, чтобы истребить зло в мире и утвердить Свое царство, царство добра.

Во времена Христа иудейские апокалиптисты встречались на всех поприщах. Некоторые из них были членами сектантских общин, таких как ессеи, другие — фарисеями, третьи — профетическими фигурами (такими как Иоанн Креститель) и их последователями, а четвертые — иудеями, не связанными ни с какой группой и просто разделявшими это мировоззрение (точно так же, как в наши дни есть христиане, не принадлежащие к той или иной конфессии).

Какой бы ни была их «партийная принадлежность», апокалиптисты, как видно из свитков Мертвого моря и других древнееврейских документов, исповедовали четыре основных принципа:

1. *Дуализм.* Иудейские апокалиптисты считали, что действительность формируют два основных компонента — силы добра и силы зла. На стороне добра, разумеется, сам Бог. Но, в соответствии с апокалиптистами, у Бога есть личный враг, сатана (до появления апокалиптизма в древнееврейских текстах — например, в большей части древнееврейской Библии, — сатана не упоминался). У Бога есть свои посредники, небесные ангелы, а у сатаны свои — демоны. На стороне Бога такие сверхчеловеческие силы, как праведность, жизнь; на стороне сатаны — силы греха и смерти. Апокалиптисты считали, что эти силы реально действуют в мире. Грех — не просто нечто плохое, что мы иногда совершаем. Для апокалиптистов грех — это космическая сила, направленная против Бога, которая пытается поймать людей в ловушку и заставить действовать противным Богу образом. Почему так получается, что некоторые люди «просто не могут удержаться» от того, чтобы совершить неприглядный поступок? Потому что грех поработил их. Смерть также — не то, что просто происходит, когда вы перестаете дышать и мозг прекращает свою деятельность; это космическая сила, действующая в этом мире, которая пытается уловить вас, и когда преуспевает в этом, то уничтожает вас.

Для иудейских апокалиптистов всё и все в этом мире принимают либо сторону добра, либо сторону зла. Нет ни нейтральной полосы, ни ничейной земли, и поэтому каждый вынужден выбирать.

Более того, для апокалиптистов этот космический дуализм воплощается в историческом

сценарии, в соответствии с которым сей век и век грядущий разделяет непреодолимая преграда. Сей век находится во власти сил зла. Вот почему в мире так много боли и страданий — голод, болезни, войны, природные катастрофы, не говоря уже о более обыденных испытаниях — ненависти, одиночестве, наконец, смерти. Но в веке грядущем все это зло будет уничтожено, и останется только добро; не будет больше ни голода, ни страданий, ни боли, ни смерти, — только то, что угодно Богу, воцарившемуся здесь, на земле.

2. *Пессимизм*. Поскольку апокалиптисты утверждали, что сей век — это зло, они не надеялись на возможность исправления нашей участи здесь и сейчас. В настоящем все плохо, и впредь будет только хуже, поскольку сатана и его приспешники набирают все большую и большую силу. Мы не можем поправить положение вещей, улучшая систему социального обеспечения, увеличивая количество учителей в школах или патрульных полицейских на улицах. Силы зла накапливают власть и будут продолжать делать это до конца времен, когда в буквальном смысле разверзнется сам ад.

3. *Воздаяние*. Но конец времен — это не конец истории. Когда все станет настолько плохо, насколько возможно, Бог вмешается и встанет на защиту тех, кто на Его стороне. Он низвергнет все силы зла на Страшном суде, истребив сатану и все его полчища и установив царство добра на земле.

Частью этого спасения праведных пред Богом станет воскресение из мертвых. То есть Божий суд настигнет не только живых, но и всех людей, даже тех, которые уже умерли, поскольку мертвые в физическом смысле восстанут и будут приведены на суд. Таким образом, людям не стоит думать, что они могут быть на стороне сил зла в этой жизни ради приобретения богатства и власти, а затем, когда умрут, это сойдет им с рук. Это *не* сойдет им с рук, поскольку Бог воскресит их из мертвых и обречет на вечные муки за совершенное зло, и никакое доброе деяние не сможет остановить Его.

С другой стороны, те, кто был на стороне Бога и в результате этого претерпел страдания в сем веке (а это будет результатом того, что они стали на сторону добра, поскольку этим миром правит зло), будут воскрешены и получат в награду вечное блаженство. Таким образом, люди, страдающие сейчас, могут с нетерпением ожидать воздаяния в грядущем царстве добра. Но когда это будет?

4. *Близость и неотвратимость*. Иудейские апокалиптисты утверждали, что этот день последнего Страшного суда настанет очень скоро. Он уже не за горами. Он совсем рядом. Апокалиптисты считали, что все уже почти настолько плохо, насколько возможно, и Бог скоро вмешается и, победив силы зла, установит Свое Царствие на земле. Как скоро это должно было произойти? «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе». Это слова Самого Христа (Мк 9:1). Иисус Сам, как видите, был иудейским апокалиптистом, и его взгляды были близки позиции ессеев из общины, оставившей свитки Мертвого моря, несмотря на то что он не был членом этой общины и, возможно, вообще не имел с ней никаких контактов. В другом месте Он говорит: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как всё это будет» (Мк 13:30).

Иисус, следовательно, разделял апокалиптические взгляды ессеев из кумранской общины. Он также во многом отличался от них, — вот, вероятно, почему ученые столь единодушно считают, что Он не принадлежал к этой общине. Кумранские ессеи, например, пытались сохранить себя в чистоте, удалившись от загрязняющего влияния окружавшего их

мира; Иисус, напротив, постоянно окружал себя «мытарями и грешниками», не заботясь ни о собственной чистоте, ни о строгом соблюдении законов Моисея, которым так неукоснительно следовали ессеи. Его даже часто обвиняли в нарушении этих законов (например, закона о соблюдении Субботы). Но в глубинном смысле Он близок членам общины, оставившей свитки Мертвого моря. Он также дуалист, верящий в силы добра и зла (например, его постоянно показывают побивающим бесов), в неминуемое установление Царствия Божия (Мк 1:15, 9:1, 13:30), в будущее воскресение из мертвых и так далее.

В этом Лью Тибинг прав: свитки Мертвого моря проливают свет на истинную природу Христа. Но это не потому, что, как заявляет Тибинг, в них содержится нечто отчетливо христианское. Они целиком и полностью иудейские. И это также не потому, что они включают в себя евангелия более правдивые, нежели те, что вошли в Новый Завет. На самом деле среди сотен документов, найденных в Кумране, нет евангелий. И это не потому, что содержащиеся в них тексты изображают Христа более человечным, нежели Евангелия Нового Завета. В свитках вообще ничего не говорится об Иисусе. Они проливают свет на характер Христа потому, что дают представление об иудейской среде, из которой вышел Христос и в которой зародилось раннее христианства, среде, проникнутой эсхатологическими ожиданиями скорого конца этого века зла и скорого Божьего суда над этим миром, после которого настанет Его вечное Царствие добра.

Библиотека Наг-Хаммади

В «Коде да Винчи» Лью Тибинг, пытаясь убедить Софи Невё в том, что из ранних свидетельств Христос предстает скорее как человек, чем как Бог, представляет ей некоторые фактические доказательства. Они обсуждают предмет его исследований, и он достает книгу под названием «Гностические Евангелия», содержавшую, как говорится, «увеличенными снимки каких-то древних документов». Затем он сообщает Софи: «Это фотокопии свитков Мертвого моря и Коптских, из Наг-Хаммади и… Самые первые христианские записи» (сс. 297, 298).

Как мы уже видели, свитки Мертвого моря на самом деле не относятся к числу древнейших христианских письменных свидетельств. Должен также заметить, что в книге «Гностические Евангелия», на которую ссылается Тибинг, вообще нет фотографий древних документов; это исследование текстов Наг-Хаммади, принадлежащее перу популярного автора Элейн Пейджелс (которое также отчасти цитируется в уже упоминавшейся книге Дэна Берстейна «Секреты кода»). Тем не менее Тибинг делает важное замечание: библиотека Наг-Хаммади действительно включает в себя гностические тексты, и некоторые из них важны для понимания того, как ранняя Церковь представляла Христа. Однако оказывается, что в них вообще не говорится об Иисусе как о человеке.

И снова нам лучше начать с рассмотрения того, как была обнаружена библиотека Наг-Хаммади. Поскольку эта находка имеет большее отношение к содержащимся в «Коде да Винчи» утверждениям, чем свитки Мертвого моря, я более подробно остановлюсь на деталях. Как и свитки Мертвого моря, эта находка была явно просто счастливым случаем. Но она была сделана на полтора года раньше и совсем в другом месте — не в глуши Иудеи у Мертвого моря, а в египетской глубинке, неподалеку от Нила.

Открытие

Это случилось в декабре 1945 года, когда семеро феллахов добывали *sabakh* (богатое

азотом удобрение) близ холма, называемого Джебель аль-Тариф, на берегу Нила в Верхнем Египте[11]. Это удобрение они использовали для выращивания урожая в своей маленькой деревушке Каср, на противоположной стороне реки от самого крупного селения в этом районе, Наг-Хаммади, расположенного приблизительно в трехстах милях к югу от Каира и в сорока милях к северу от Луксора и Долины Царей. Главного в этой группе, того, кто присвоил себе честь этого открытия и впоследствии рассказал о его деталях, звали, если мне не изменяет память, Мохаммед Али. Однако в действительности открытие сделал младший брат Али, который случайно наткнулся мотыгой на что-то твердое в грязи. Это оказался человеческий скелет[12]. Покопавшись немного вокруг, они обнаружили рядом со скелетом большой глиняный сосуд (около двух футов в высоту), устье которого было закрыто миской и запечатано асфальтом.

Мохаммед Али и его товарищи не спешили распечатать сосуд, боясь, что в нем находится злой дух. Поразмыслив немного, они решили, что в нем может быть также и золото, поэтому без дальнейших колебаний раскололи его мотыгами. Ни духа, ни золота — только груда старых книг в кожаных переплетах, совершенно не нужных неграмотным феллахам.

Али разделил находку, разорвав книги, чтобы каждый мог получить равную долю. Однако другим, по-видимому, их часть была ни к чему, поэтому он, завернув все в свой тюрбан, вернулся домой и положил книги в пристройке, где его семья держала скот. Тем вечером его мать, очевидно, использовала несколько ветхих листов, разжигая огонь для приготовления ужина.

С этого момента, с вмешательством реальной жизни, однако почти сверхъестественным образом, история запутывается. У Мохаммеда Али и его семьи в течение долгого времени продолжалась кровная вражда с родом, жившим в соседней деревне. Начало ей положил инцидент полугодовой давности, когда отец Али, служивший ночным сторожем при каких-то ввезенных из Германии ирригационных механизмах, застрелил похитителя. На следующий день отца Али в свою очередь убили родственники похитителя. Через несколько недель после обнаружения старых книг в сосуде Мохаммеду Али и его брату сказали, что убийца их отца спит у дороги, рядом с чаном патоки из сахарного тростника. Они схватили мотыги и, обнаружив врага все еще спящим, забили его до смерти. Затем они вскрыли грудную клетку, достали еще теплое сердце и съели его — кульминационный акт кровной мести. Оборотной стороной этой истории — впрочем, у нее много оборотных сторон — было то, что убитый приходился сыном местному шерифу. К тому моменту Мохаммед Али уже догадался, что найденные ими старые книги могут чего-то стоить, и опасался обыска в доме, поскольку он и его брат были первыми подозреваемыми в хладнокровном убийстве. Он отдал одну из книг местному коптскому священнику на сохранение, до тех пор пока не уляжется буря.

Оказалось, что у местного священника есть зять, разъездной учитель английского языка и истории, который раз в неделю останавливался в его доме, совершая объезд приходских школ в этом районе. Учитель истории сразу понял, что эта книга может оказаться выдающейся находкой — достаточно выдающейся, для того чтобы стоить каких-то денег, — и отправился в Каир, чтобы продать ее. Это была не совсем удачная попытка: власти конфисковали книгу. Однако впоследствии ему позволили продать ее Коптскому музею.

Директор музея отлично понял, что это за книга, и, не откладывая дела в долгий ящик, вместе с приезжей французской ученой, специалисткой по античности Жанной Доресс, с

которой был знаком в Париже — знаком довольно хорошо, поскольку предлагал миссис Доресс стать его женой, когда она еще не была миссис Доресс, — смог разыскать большинство остальных томов и приобрести их для музея.

Состав собрания

Что представляет собой это древнее собрание книг? Если говорить коротко, то это — самая выдающаяся коллекция утерянных христианских текстов из обнаруженных в наше время, — в общей сложности сорок шесть разных трактатов, большая часть которых прежде была неизвестна[13]. В их числе — несколько евангелий о жизни Иисуса, прежде не виданные ни одним из западных ученых, книги, о существовании которых в древности знали, но в течение пятнадцати столетий считали их утраченными, включая евангелия об Иисусе, якобы написанные такими личностями, как Его ученик Филипп (которое цитирует Лью Тибинг, говоря о важной роли Марии Магдалины), мистические размышления об истоках божественного и о сотворении мира, метафизические рассуждения о смысле существования и о блаженстве Спасения, описания важных религиозных учений и полемические атаки на других христиан за их заблуждения и еретические взгляды.

Эти документы написаны на коптском — ставшем продолжением развития древнеегипетского — языке. Но есть веские причины считать, что каждый из них имел греческий оригинал. Сами книги в кожаных переплетах были сделаны во второй половине четвертого столетия. Нам это известно потому, что корешки кожаных переплетов были укреплены обрезками бумаги от расписок, датирующихся 341, 346 и 348 годами н. э. Таким образом, книги могли быть сделаны только после 348 года.

Разумеется, дата производства книги — это не дата содержащихся в ней документов, — так, Библия, лежащая на моем столе, вышла в свет в 1998 году, а составляющие ее тексты написаны около девятнадцати столетий назад. То же и с текстами Наг-Хаммади: впервые они были составлены задолго до конца четвертого столетия — времени появления этих конкретных книг. По всей видимости, большая их часть уже существовала не позднее второго столетия.

Мы не знаем, кто написал эти книги, или почему они оказались закопанными под холмом Джебель аль-Тариф, стоящим над самой излучиной Нила к северу от Луксора. Примечательно то, что христианский монастырь, основанный знаменитым христианским монахом Св. Пахомием в четвертом веке, находится всего в трех милях от этого места. Ученые склонны думать, что книги попали сюда из библиотеки монастыря; это подтверждается и обрезками бумаги в их переплетах. Но что могло заставить монахов поместить сюда эти книги?

Как мы увидим более полно в следующей плаве, конец четвертого столетия был знаменательным моментом в истории формирования Нового Завета. В 367 году н. э. могущественный епископ Афанасий Александрийский, с которым мы уже встречались в одной из предыдущих глав, разослал по всем подведомственным ему египетским церквам послание, в котором четко наметил контур канона Писания[14]. Это первый случай письменного указания на то, что двадцать семь книг, известные нам сейчас как Священное Писание, и только эти двадцать семь книг, следует считать каноническими. Более того, Афанасий настаивал на том, чтобы другие, «еретические», книги не читали. Возможно, монахи из монастыря Пахомия близ Наг-Хаммади, опасаясь гнева сверху, почистили свою библиотеку в соответствии с требованием могущественного епископа Александрийского?

Если это так, то почему они не сожгли книги, а спрятали их? Возможно ли то, что им нравились эти книги, и они хотели укрыть их на время, пока пройдет волна предпочтений, чтобы потомки могли найти их и поместить в свою библиотеку священных текстов? Этого мы никогда не узнаем.

Библиотека Наг-Хаммади и раннехристианский гностицизм

В «Коде да Винчи» Лью Тибинг называет Евангелие от Филиппа и другие книги из этого собрания «Гностическими Евангелиями». Что это означает?

Термин *гностицизм* ученые использовали для обозначения широкого спектра религий, известных во втором и третьем столетиях христианской эры. Он происходит от греческого слова *gnosis* («знание»). Эти религии называли гностическими потому, что они подчеркивали необходимость для спасения истинного знания; если более точно, истинного знания себя. Только когда люди придут к истинному пониманию себя, они могут быть избавлены от пороков этого мира. А пороки этого мира, как оказывается, связаны с самим нашим материальным существованием, поскольку, в соответствии с гностиками, материальный мир сам изначально порочен и должен быть преодолен духом, заключенным в наши (грешные, материальные) тела. Это преодоление приходит с истинным осознанием того, кем мы в действительности являемся.

Хотя различные гностические группы придерживались чрезвычайно широкого спектра верований и практик (так же как группы людей, называющих себя христианами, в наши дни), большинство гностиков, по-видимому, разделяло несколько общих принципов.

1. *Мир.* Как мы уже видели, иудейские апокалиптисты были дуалистами, считая, что действительность состоит из двух основных компонентов — добра и зла. Гностики идут еще дальше в своем дуализме; в соответствии с их воззрениями, сам физический мир по своей природе является злом, в отличие от мира духовного, который есть добро.

2. *Облаешь божественного бытия.* Истинный Бог, таким образом, не создавал этот материальный мир. Он абсолютно духовен. В соответствии с мифами, рассказываемыми гностиками, — некоторые из них сохранились в трактатах из Наг-Хаммади, — в бесконечно далеком прошлом истинный Бог породил пары других божественных потомков, которые в свою очередь произвели потомство. Но катастрофа постигла божественные сферы, когда одно из божественных созданий (часто называемое Софией, — женское божество, чье имя означает «мудрость») отделилось от остальных и самопроизвольно произвело другое божественное создание. Последний, рожденный за пределами области божественного бытия, был злом. Со своими спутниками, также появившимися на свет, он создал материальный мир как место заключения для той, которая пала (Софии).

3. *Люди.* София, таким образом, была пленена и заключена в этом материальном мире, в телах людей. Многие люди имеют внутри эту божественную искру. Они страстно стремятся покинуть этот мир. Другие люди не имеют этой искры внутри; они, как другие животные, просто перестают существовать, когда умирают.

4. *Спасение.* Вернуться в область божественного бытия эта искра, заключенная в людях, может только тогда, когда они поймут, откуда она взялась, каким образом оказалась в них и как может вернуться обратно. Спасение из этого материального мира зла, другими словами, возможно только через высвобождение знания (гнозис).

5. *Церковь.* Многие гностики считали, что христиане, которые веруют во Христа и творят добрые дела, могут обрести частичное спасение после смерти (в отличие от других

людей, которые просто прекратят существование). Но настоящая и блаженная загробная жизнь ожидает только самих гностиков, тех, кто имеет божественную искру внутри и кто полностью постиг тайны спасения.

6. *Божественный Спаситель.* Однако это знание не приходит путем простого постижения этого мира. Оно должно прийти извне, через божественного спасителя, который принесет весть о спасении свыше. Для христианских гностиков (были и нехристианские гностики, иначе объяснявшие спасение) Христос — именно Тот, кто ниспослан свыше, чтобы принести эту весть. Разные гностики имели разные представления о Христе. Некоторые из них были докетами, утверждавшими, что Христос, божественное существо, спустился на землю в образе человека, но, будучи существом божественным, на самом деле не состоял из плоти и крови. Другие гностики полагали, что Христос был божественным созданием, вошедшим в тело человека по имени Иисус в момент его крещения; пребывая в теле Иисуса, Он проповедовал своим ученикам правду, которая может привести к Спасению. Затем Он покинул Иисуса перед его смертью. Вот почему на кресте Иисус взывал: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Для этих гностиков божественный элемент и впрямь покинул Иисуса на кресте.

Я излагал эти принципы не потому, что считаю каждого обязанным прочесть учебник для начинающих по древнему гностицизму, а потому, что в «Коде да Винчи» Ли Тибинг утверждает, будто так называемые гностические евангелия из Наг-Хаммади изображают Христа по преимуществу как человека, а не как Бога, в отличие от Евангелий Нового Завета. Надеюсь, что после этого рассмотрения библиотеки Наг-Хаммади две вещи стали очевидными. С одной стороны, Тибинг прав, говоря, что видение Христа в этих гностических документах отличается от того, которое мы находим в Новом Завете. Но с другой стороны, он абсолютно не прав, утверждая, что эта разница заключается в изображении в этих текстах исключительно человеческих черт Христа. Совсем наоборот. Эти тексты — включая Евангелие от Филиппа, которое цитирует Тибинг, а также другие (в том числе еще одно важное для «Кода да Винчи» Евангелие от Марии, найденное не в Наг-Хаммади, а в другом месте), — вообще не выдвигают на первый план человеческую природу Христа. В некоторых из этих текстов Христос, по-видимому, представлен как божественное создание в облике человека. Еще большее их количество трактует самого Иисуса как человека, который, однако, важен не сам по себе, а лишь как временное вместилище Бога Христа, несущего Спасение через открытие истины о состоянии человека тем, кто способен усвоить это освобождающее знание.

Заключение

Коротко говоря, Лью Тибинг прав в том, что обнаружение свитков Мертвого моря и библиотеки Наг-Хаммади важно для реконструкции представлений ранних христиан о Христе. Для критических историков эти документы — ценные исходные данные для понимания среды, окружавшей Христа, и Его ближайших последователей в годы после Его смерти. Но важно понять, что именно они сообщают нам об этой среде. Неверное прочтение или искажение древних источников может быть не менее вредным, чем полная их утрата. А Тибинг, как выясняется, делает несколько фундаментальных ошибок, оценивая значение этих современных археологических открытий. Свитки Мертвого моря — иудейские, а не христианские, и важны в основном потому, что дают нам представление о среде, из которой вышел Иисус. Однако они не содержат упоминаний о Христе и, соответственно, не могут

отдавать предпочтения той или иной составляющей Его природы. С другой стороны, некоторые из документов Наг-Хаммади — христианские, и в них говорится об Иисусе. Частью этого собрания являются неканонические евангелия, по-видимому, отражающие гностические представления. Далекие от того, чтобы изображать человеческую природу Христа, эти документы делают основной акцент на Его божественных свойствах.

В следующей главе мы рассмотрим некоторые из этих евангелий — ранние евангельские тексты, не вошедшие в Новый Завет. Это рассмотрение еще раз покажет, насколько заблуждается Лью Тибинг, утверждая, что евангелия, отвергнутые ранней Церковью, представляют Иисуса в более человеческом ракурсе, нежели четыре канонических. Ровно наоборот: именно Евангелия Нового Завета изображают Иисуса как человека, а другие евангелия продвинулись намного дальше в изображении Его как сверхчеловеческого создания. Это справедливо не только для документов, найденных в Наг-Хаммади, но и для других евангелий — как гностических, так и иных, — заново открытых в наше время.

Глава третья

Другие евангелия

Как мы уже видели, один из ключевых вопросов, поднятых Лью Тибингом в «Коде да Винчи», касался древнего «сокрытия». По его мнению, ранняя Церковь стремилась сделать из человека Иисуса божественный персонаж. Но это оказалось нелегким делом для Церкви, поскольку в большинстве самых ранних евангелий, по словам Тибинга, Иисус предстает как человек, а не как божество. Решение проблемы было очевидным: Церковь выбрала четыре Евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, изображающих Иисуса Богом, утверждает Тибинг, и уничтожила все более ранние повествования, исторически являвшиеся более точными.

Как объясняет Тибинг Софи в своей гостиной:

> — Иисус Христос был исторической фигурой, обладавшей огромным влиянием. Возможно, это самый загадочный и харизматический лидер, которого видел мир… Его жизнь была описана тысячами последователей по всему миру… Для включения в Новый Завет рассматривались свыше *восьмидесяти* евангелий, но лишь несколько удостоились чести быть представленными в этой книге, в том числе от Матфея, Марка, Луки и Иоанна (с. 280; курсив оригинала).

Несколько позже в кабинете Тибинга разговор продолжается, но переходит к ключевому вопросу отношений Иисуса и Марии, как они представлены в этих евангелиях:

> — Как я уже говорил, — принялся объяснять сэр Тибинг, — церковники старались убедить мир в том, что простой смертный, проповедник Иисус Христос, являлся на самом деле божественным по своей природе существом. Потому и не вошли в Библию евангелия с описанием жизни Христа как *земного* человека. Но туг редакторы Библии оплошали, одна из таких земных тем до сих пор встречается в евангелиях. Тема Марии Магдалины. — Он сделал паузу. — А именно: ее брак с Иисусом (с. 296; курсив оригинала).

В сказанном Тибингом содержится сразу несколько исторических ошибок. Как мы увидим в одной из следующих глав, слова и деяния Иисуса отнюдь не были описаны «тысячами» в течение Его земной жизни; напротив, нет ни одного свидетельства о том, что *кто-либо* запечатлевал факты Его жизни, пока Он был еще жив. Не было и восьмидесяти евангелий, рассматривавшихся на предмет включения в Новый Завет. А Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — не среди включенных в Новый Завет; *только* они и были включены в него.

Если оставить в стороне эти фактические ошибки, в комментариях Тибинга затрагивается ряд интересных исторических вопросов, которые мы можем обсудить. Какие из других евангелий (не вошедших в Новый Завет) еще существуют в наши дни? Уделяют ли они большее внимание человеческой природе Христа, нежели божественной? И содержится ли в них указание на то, что Он был связан с Марией Магдалиной узами брака?

В этой главе мы рассмотрим некоторые из других дошедших до нас евангелий. Как я уже

отмечал, Тибинг ошибается, утверждая, что восемьдесят евангелий соперничали за место в Новом Завете. На самом деле мы даже *не знаем*, сколько всего евангелий было написано; и, уж разумеется, ныне нам не доступны восемьдесят из них, хотя существуют по меньшей мере две дюжины, о которых мы знаем. Большая часть этих евангелий обнаружилась в относительно недавнее время и совершенно случайно, как, например, библиотека Наг-Хаммади, найденная в 1945 году. Тибинг оказался прав в одном: Церковь действительно канонизировала четыре Евангелия и исключила все остальные, запрещая их использование и (иногда) уничтожая их, так что большая часть христиан на протяжении всей истории Церкви имела доступ только к тем сведениям о Христе, которые содержались в книгах Нового Завета. Однако это не говорит ни о том, что остальные евангелия — оставшиеся за рамками Нового Завета — более точны с исторической точки зрения, ни о том, что Христос изображен в них более человечным и женатым на Марии Магдалине. Совсем напротив: как было отмечено в предыдущей главе, в большинстве этих евангелий Иисус имеет еще больше божественных черт, нежели в четырех, входящих в канон, и ни в одном из неканонических евангелий ни разу не говорится о том, что у Него была жена, тем более о том, что Он был женат на своей ученице Марии Магдалине.

Мы вернемся ко многим из этих вопросов в последующих главах. А пока вкратце ознакомимся с некоторыми не входящими в канон евангелиями, чтобы понять, как в них изображается Христос — как человек или как божество. Здесь я не стремлюсь охватить все дошедшие до нас древнейшие неканонические евангелия; их можно найти в других местах[15]. Я намерен дать лишь краткие примеры того, какого рода книги можно найти за рамками канона. Начну с той, от которой можно было бы ожидать весьма человечного изображения Иисуса, поскольку в ней рассказывается о Его детстве и более поздних, юношеских, проделках. К несчастью для доводов Тибинга, даже этот ранний рассказчик стремится показать Иисуса скорее сверхчеловеком, чем человеком.

Евангелие детства от Фомы

В этом повествовании, названном Евангелием детства от Фомы (не путать с коптским Евангелием от Фомы, найденным близ Наг-Хаммади), отражена жизнь Иисуса в детские годы[16]. Некоторые ученые датируют эту книгу началом второго столетия, что ставит ее в ряд самых ранних из сохранившихся до наших дней евангелий, не вошедших в Новый Завет. Этот источник содержит увлекательное описание деяний Иисуса в нежном возрасте, пытающееся ответить на вопрос, который занимает некоторых христиан и в наши дни: «Если взрослый Иисус был вершившим чудеса Сыном Божьим, то каким Он был в детстве?». Оказывается, что Он был немалым проказником.

Повествование начинается с момента, когда пятилетний Иисус играет у ручья в день Субботы. Он огораживает немного грязной воды, построив маленькую дамбу, а затем приказывает воде стать чистой — и та немедленно очищается. Затем на берегу ручья Он лепит из глины воробьев. Но мимо проходит мужчина-иудей и видит, чем Он занимается, — что-то делает, таким образом нарушая закон Субботы (не работать). Мужчина убегает, чтобы сказать об этом Иосифу, Его отцу. Иосиф приходит и бранит Иисуса за осквернение Субботы. Но вместо того чтобы оправдываться или раскаиваться в совершении греха, дитя-Иисус хлопает в ладоши и велит воробьям лететь. Те оживают и с чириканьем упархивают, тем самым уничтожая улику преступления (Евангелие детства от Фомы 2). Иисус уже в детстве является подателем жизни и не связан человеческими нормами и ограничениями.

Можно было бы подумать, что, обладая такими сверхъестественными способностями, Иисус мог быть полезным и интересным партнером по играм для других детей в городе. Но, как оказывается, этот мальчик с характером, и ему лучше не переходить дорогу. Ребенок, с которым Он играет, решает сорвать ветку ивы и замутить чистую воду, которую огородил Иисус. Это огорчает юного Иисуса, и Он выкрикивает: «Ты нечестивый, непочтительный дурак! Чем эта лужа помешала тебе? Смотри, сейчас ты тоже увянешь, как эта ветка, и никогда не обретешь ни листвы, ни корня, ни плода». И слова Иисуса в точности сбываются: «и тотчас мальчик тот высох весь» (Евангелие детства от Фомы 3:1–3). Иисус возвращается домой, а «родители того мальчика, который высох, взяли его, оплакивая его юность, и принесли к Иосифу и стали упрекать того, что сын его совершает такое» (Евангелие детства от Фомы 3:3). Для современного читателя ответ очевиден: у Иосифа сверхъестественное дитя, которое еще не научилось контролировать свой гнев.

Мы снова видим это в следующем абзаце: когда другой ребенок случайно налетает на него на улице, Иисус гневно оборачивается и восклицает: ««ты никуда не пойдешь дальше», и ребенок тотчас упал и умер» (Евангелие детства от Фомы 4:1). (Позднее Иисус воскрешает его, как и других, которых проклял по тому или иному случаю.) И гнев Иисуса направлен не только на других детей. Иосиф отправляет Его в школу, чтобы Он научился читать, но Иисус отказывается повторять вслух алфавит. Учитель уговаривает его работать вместе со всеми, до тех пор пока Иисус не отвечает с насмешливым вызовом: «Если ты действительно учитель и хорошо знаешь буквы, — скажи мне, каково значение альфы, и я скажу тебе, каково значение беты». Немало возмущенный, учитель дает мальчику подзатыльник, совершая единственную непростительную ошибку в своей блистательной учительской карьере. Мальчик почувствовал боль и проклял его, учитель бездыханный упал на землю. Убитый горем Иосиф строго наказывает матери Иисуса: «не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает» (Евангелие детства от Фомы 14:1–3).

В какой-то момент повествования Иисуса, вследствие Его репутации, начинают обвинять во всем, что бы ни происходило. Он играет на крыше с детьми, и один из них, мальчик по имени Зенон, случайно спотыкается, падает с крыши и умирает. Остальные дети в испуге убегают; Иисус, однако, подходит к краю крыши, чтобы посмотреть вниз. В этот момент появляются родители Зенона, и что они должны подумать? Их ребенок лежит мертвым на земле, а Иисус стоит на крыше над ним. Это сверхъестественно одаренное дитя снова взялось за свое, думают они. Они обвиняют Иисуса в убийстве их ребенка, но на этот раз Он невиновен! «Иисус спустился с крыши, встал рядом с телом мальчика и закричал громким голосом — Зенон — ибо таково было его имя, — восстань и скажи, сбрасывал ли Я тебя? И тотчас он встал и сказал: нет, Господь, Ты не сбрасывал меня, но поднял» (Евангелие детства от Фомы 9:1–3).

Но прошествии времени Иисус начинает использовать свое могущество во благо. Он спасает своего брата от смертельного укуса змеи, исцеляет больных, возвращает здоровье и жизнь всем, кого когда-то иссушил или убил. И Он становится необыкновенно искусным в работах по дому и в плотницкой мастерской: когда Иосиф неправильно расщепляет доску, что грозит ему потерей покупателя, Иисус чудесным образом исправляет его ошибку. Повествование заканчивается эпизодом в Иерусалимском храме, когда мы видим двенадцатилетнего Иисуса в окружении книжников и фарисеев, — сюжет, знакомый читателям по Новому Завету, как он передан в главе 2 Евангелия от Луки.

Каким бы любопытным ни было это евангелие, оно не является попыткой одного из

первых христиан дать то, что мы могли бы назвать исторически точным отчетом о юных годах Иисуса. Трудно сказать, были ли эти истории предназначены для того, чтобы их понимали буквально, как произошедшие с Христом в Его детстве, или все они — лишь увлекательный полет фантазии. В любом случае, Иисус, который в них изображен, — не простой ребенок; Он вундеркинд со сверхчеловеческими способностями.

Евангелие от Петра

В совершенно ином повествовании, называемом Евангелием Петра, описываются не юные годы Иисуса, а Его последние часы. У нас нет полного текста этого Евангелия, только фрагмент, обнаруженный в 1886 году в могиле христианского монаха XVIII века в Верхнем Египте. Однако этот фрагмент очень древний, датирующийся, вероятно, началом второго века и относящий Евангелие Петра к самым ранним рассказам о жизни Христа (вернее, о Его смерти и воскресении), не входящим в состав Нового Завета. И опять, можно было бы ожидать встретить в этом рассказе очень человечного Христа, но вместо этого здесь делается еще больший акцент на его сверхчеловеческих качествах[17].

Имеющийся у нас фрагмент этого евангелия начинается словами: «Но ни один иудей не омыл своих рук, ни Ирод, ни кто-либо из его судей. Поскольку они не хотели совершить омовения, Пилат встал». Это примечательное начало по двум причинам. Оно свидетельствует о том, что непосредственно перед этим фрагментом в евангелии говорилось о Пилате, умывающем свои руки, а этот сюжет известен в Новом Завете только по Евангелию от Матфея. И в этом начале отчетливо проявляется отличие от описания Матфея, который ни слова не говорит о чьем-либо *отказе* умыть свои руки. Здесь же Ирод, «правитель иудеев», и его иудейские судьи (в отличие от римского наместника Пилата) отказываются объявить себя невиновными в крови Иисуса. Уже в этом проявляется важная особенность всего повествования, в том смысле, что здесь скорее иудеи, чем римляне, ответственны за смерть Христа. Это фрагментированное евангелие имеет гораздо более активную антииудейскую направленность, чем любое из тех, что вошли в Новый Завет.

Далее повествуется о просьбе Иосифа (Аримафейского) отдать ему тело Христа, о глумлении над Иисусом и о Его распятии (такая последовательность событий приведена у автора. — *Прим. редактора).* Эти рассказы и похожи, и не похожи на те, которые мы читаем в канонических евангелиях. Например, в стихе 10 говорится, как и в остальных евангелиях, что Иисус был распят между двумя разбойниками; но далее мы находим необычное утверждение: «Он не сказал ни слова, так, словно не испытывал никакой боли». Это последнее утверждение вполне может быть воспринято в докетском смысле — возможно, потому и казалось, что Иисус не испытывает боли, что Он действительно *не испытывал* ее. Другой ключевой стих мы находим в описании приближения смерти Иисуса; Он произносит «моление об оставленности» в словах близких, но не идентичных тем, что мы находим в рассказе Марка: «Сила моя, сила, зачем покинула меня!» (ст. 19; ср. Мк 15:34); затем говорится, что Он был вознесен, хотя тело Его и осталось на кресте. Оплакивает ли здесь Иисус исход Христа из своего тела перед его смертью, в соответствии, как мы уже видели, с представлениями христиан-гностиков?

После смерти Иисуса источник повествует о Его погребении, а затем, от первого лица, о горе Его учеников: «мы постились и сидели, скорбя и оплакивая Его, ночь и день, до самой Субботы» (ст. 27). Как и в Евангелии от Матфея, иудейские книжники, фарисеи и старейшины попросили Пилата поставить стражу у гроба. Однако это евангелие отличается

гораздо более тщательной проработкой деталей. Называется имя старшего центуриона — Петроний; он, вместе с другими стражниками, приваливает камень ко гробу и запечатывает его семью печатями. Затем они разбивают свою палатку и становятся караулом.

Далее следует, пожалуй, самый поразительный отрывок этого повествования — фактически описание Воскресения Христова и исхода Его из гроба; этих сведений нет ни в одном из ранних евангелий. Толпа приходит из Иерусалима и его окрестностей, чтобы посмотреть на гроб. Ночью они слышат ужасный шум и видят, как разверзаются небеса; в великом сиянии спускаются два мужа. Камень сам собой откатывается от гроба, и два мужа входят в него. Солдаты, стоящие на карауле, будят центуриона, который выходит, чтобы посмотреть на невероятное зрелище. Из гроба выходят три мужа; головы двух из них достигают небес. Они поддерживают третьего, чья голова «простиралась выше небес», а за ними… сам по себе движется крест. Затем голос с небес произносит: «Ты проповедовал спящим?» Крест отвечает: «Да» (ст. 41, 42).

Гигантский Иисус, двигающийся и разговаривающий крест, — вряд ли это можно назвать взвешенным повествованием, в котором особое внимание уделяется человеческим свойствам Христа.

Стражи бегут к Пилату и рассказывают ему обо всем, что произошло. Иудейские первосвященники из страха, что иудеи забьют их камнями, когда поймут, что сделали, приговорив Иисуса к смерти, умоляют его, чтобы он сохранил случившееся в тайне. Пилат приказывает стражникам молчать, но только после того, как напоминает первосвященникам, что именно они виновны в распятии Христа, а не он. На рассвете следующего дня, не ведая о том, что случилось, Мария Магдалина со спутницами идет к гробу, чтобы позаботиться о более достойном погребении тела Иисуса, но гроб пуст, если не считать посланца небес, который сообщает ей, что Господь воскрес и ушел. (Это единственное место в повествовании, где упоминается Мария Магдалина; здесь ничто не говорит о том, что она имела «особые» отношения с Иисусом.) Рукопись кончается на середине рассказа о явлении Христа некоторым из учеников (возможно аналогичного тому, что мы находим у Иоанна, 21:1-14): «Но я, Симон Петр, и Андрей, мой брат, взяли наши сети и отправились к морю; и с нами был Левий, сын Алфея (он же евангелист и Св. апостол Матфей), которому Господь…» (ст. 60). Здесь рукопись обрывается.

Этот текст называют Евангелием Петра именно из-за этой последней строки: она написана от первого лица кем-то, выдающим себя за Петра. Но совершенно очевидно, что она не могла принадлежать руке Симона Петра, поскольку рукопись датируется началом второго столетия (отсюда и преувеличенная антииудаистская направленность текста, о которой говорилось раньше), то есть появилась намного позже смерти Петра. Тем не менее это одно из древнейших неканонических описаний последних земных дней Христа. К несчастью для доказательств Лью Тибинга, в нем не выдвигаются на первый план человеческие свойства Христа и ничего не говорится о близости Иисуса и Марии, тем более об их браке. Просто Мария была первой (вместе со своими спутницами), кто пришел ко гробу после смерти Иисуса, — так же как и в Евангелиях, входящих в Новый Завет.

Разумеется, Лью Тибинг не ссылается непосредственно ни на Евангелие детства Фомы, ни на Евангелие Петра, известные еще до открытия библиотеки Наг-Хаммади, но он упоминает гностические евангелия, содержавшиеся в этой находке. Подтверждают ли эти сравнительно недавно обнаруженные евангелия его тезис о человеке Иисусе, женатом на Марии Магдалине?

Коптский Апокалипсис Петра

Одним из наиболее интересных свидетельств о смерти Иисуса оказывается среди рукописей Наг-Хаммади текст, называемый не евангелием, а апокалипсисом (т. е. откровением); он также якобы принадлежит руке Петра, хотя и здесь это псевдоним. Самой примечательной особенностью этого текста является то, что это гностический документ, явно написанный в возражение тем христианам, которые боролись с гностицизмом, — то есть тем, которые впоследствии решали, какие книги включить в канон Нового Завета. Однако оказывается, что вместо того чтобы выступать против их представления о Христе как об исключительно божественном существе, документ оспаривает их утверждение о том, что Христос был человеком. То есть эта книга идет абсолютно вразрез с утверждениями Лью Тибинга о том, что гностические евангелия изображают Иисуса больше человеком, чем Богом.

Эта книга начинается с поучений «Спасителя», который сообщает Петру, что многие будут лжепророками, «слепыми и глухими», извращающими истину и проповедующими то, что является пагубным[18]. Петру же дано будет тайное знание, то есть гнозис (Коптский Апокалипсис Петра 73). Иисус продолжает, говоря Петру, что его противники — «без понимания» (то есть без гнозиса). Почему? Потому что «они привержены имени мертвого мужа»[19]. Другими словами, они думают, что именно смерть человека Иисуса имеет значение для спасения. Для этого автора те, кто говорит такое, «хулят истину и проповедуют учение гибели» (Коптский Апокалипсис Петра 74).

В самом деле, те, кто верует в мертвого человека, стремятся к смерти, а не к вечной жизни. Эти души мертвы и были созданы для смерти.

> Не всякая душа принадлежит истине или бессмертию. Потому что всякая душа века сего несет в себе смерть. Следовательно, она всегда раба. Она создана для своих желаний и их вечного разрушения, для которого они существуют и в котором они существуют. Они (души) любят материальные создания, которые сопутствуют им. Бессмертная душа не такова, о Петр. Но поистине, пока час еще не пришел, она (бессмертная душа) будет походить на смертную (Коптский Апокалипсис Петра 75).

Гностики в мире сем, говоря иначе, могут походить на других людей, но они иные, не привязаны к тварному, не живут в соответствии со своими желаниями. Их души бессмертны, даже если об этом и не всем известно: «Другие не ведают тайн, хотя и говорят о том, чего не понимают. Несмотря на это, они кичатся тем, что тайна истины принадлежит им одним» (Коптский Апокалипсис Петра 76). Кто же они — не способные понять, не проповедующие истину? «И будут другие, не входящие в наше число, которые именуют себя «епископ», а также «диакон», так, словно получили свою власть от Бога… Эти люди — сухие русла» (Коптский Апокалипсис Петра 79).

Вряд ли лидерам христианской Церкви было лестно услышать, что они — не кладези знания и мудрости, а пересохшие речные русла.

Однако что же это за знание, доступное не приверженной материальному бессмертной душе и неверно воспринимаемое невежественными лидерами Церкви? Это знание об истинной природе Самого Христа и истинном смысле Его распятия, которое неверно истолковывается как принятие смерти человеком Христом во искупление грехов человечества. В действительности же истинный Христос не может испытывать ни боли, ни страданий, ни смерти. Он превыше всего этого. Распятый был не Богом Христом, а лишь Его

физической оболочкой.

В одном из захватывающих эпизодов Петру велят стать свидетелем распятия, и он признает, что его смущает то, что он видит:

> Когда Он сказал это, я увидел, что они, по-видимому [!], хватают Его. И я сказал: «Что я вижу, о Господи? Это Ты Сам, Которого они хватают?.. Кто же Тот, над крестом, радующийся и смеющийся? Это другой человек, руки и ноги которого они приколачивают гвоздями?»

И Иисус дает ему поразительный ответ, из которого становится ясен истинный смысл распятия:

> Спаситель сказал мне: «Тот, Которого ты видишь над крестом радующимся и смеющимся, — живой Иисус. Тот же, в чьи руки и ноги втыкают гвозди, — Его физическая часть, которая является заменой. Они подвергают поруганию Его оболочку. Но посмотри на него и на меня» (Коптский Апокалипсис Петра 81).

Не Самого Христа, а лишь Его физическую, человеческую оболочку предают смерти. Живой Иисус находится за пределами смерти — буквально за пределами креста, — вот почему Он над ним, и смеется над теми, кто думает, что может причинить Ему боль, над теми, кто думает, что божественный дух, заключенный в Нем, может страдать и умирать. Дух Иисуса превыше боли и смерти, как и дух тех, кто понимает, кем в действительности является, — заключенным в физическую оболочку духом, не подверженным ни страданию, ни смерти. Далее видение продолжается:

> И я увидел подходящего к нам, который выглядел как Он, даже Тот Он, который смеялся выше креста, и Он был исполнен чистого духа, и Он был Спаситель… И Он сказал мне: «Мужайся! Ибо именно тебе были вручены эти тайны, чтобы через откровение ты узнал, что тот, кого распяли, — первенец, и обиталище бесов, и глиняный сосуд, в котором они живут, принадлежащий Элохиму [то есть Богу мира сего], и принадлежащий кресту, который ниже закона. Но Тот, Который стоит рядом с ним, — живой Спаситель, вечная и нетленная часть того, которого они схватили. И Он был освобожден. Он стоит, радостно глядя на истязающих его… Поэтому Он смеется над отсутствием у них понимания. Воистину, поэтому останется одно страдание, поскольку это тело — замена. Но то, которое было освобождено, — Мое внутреннее, духовное тело (Коптский Апокалипсис Петра 82).

Это тело — всего лишь оболочка, принадлежащая творцу мира сего [= Элохиму; одно из именований Бога в Ветхом Завете]. Истинное «я» — внутри, и не подвержено физической боли. Такова правда об Иисусе и о тех из Его последователей, которые обладают истинным знанием. Лишенные этого истинного гнозиса думают, что они могут убить Христа. Живой Христос, однако, возносится над всем, презрительно смеясь над ними. Кто же в действительности является предметом Его насмешки? Те, кто думает, что смерть человека Иисуса — ключ к спасению. Абсурдное представление, смешное представление, смехотворное представление. Спасение не приходит *в* этом теле; оно достигается *исходом* из тела. Мертвый Иисус не спасает; спасает Иисус живой. Так называемым верующим, которые не понимают, смерть Иисуса ничего не дает; она является насмешкой над ними.

И, следовательно, это откровение не изображает Христа *более* человечным, чем Евангелия Нового Завета; истинная сущность Христа находится далеко за пределами Его

человеческой природы. А другие книги из библиотеки Наг-Хаммади, включая те, которые называют евангелиями, — подкрепляют ли они точку зрения, отстаиваемую Лью Тибингом?

Коптское Евангелие от Фомы

Несомненно, наиболее известным евангелием из библиотеки Наг-Хаммади является коптское Евангелие Фомы (не путать с Евангелием детства Фомы, о котором говорилось выше). Учитывая его важность, я уделю большее внимание разбору содержащегося в нем послания, чем делал это для евангелий, рассмотренных выше.

С самого момента своего обнаружения Евангелие Фомы вызывало немалые споры. Один из главных дискутируемых вопросов следующий: легче ли всего понять его, воспринимая как гностическое евангелие или нет? С моей точки зрения, даже несмотря на то, что Евангелие от Фомы целиком лежит в рамках системы гностических представлений и для его читателей это отчетливо ясно, оно *предполагает* гностическую систему почти в том виде, в каком я описывал ее в главе 2. Иисус в этом евангелии — божественное существо, носитель откровения о тайном знании, которое может освободить от этого порочного материального мира. Он изображен здесь не просто как человеческий пророк, а как божество, несущее откровение. В основе этого изображения лежит гностическое понимание мира и нашего места в нем.

Прежде чем описывать учение, содержащееся в Евангелии Фомы, я должен дать некоторое представление об этом евангелии в целом[20]. В отличие от Евангелия Петра, Евангелие Фомы представляет собой полный текст: у нас есть его начало, есть конец и все, что находится между ними. Оно содержит 114 изречений Христа, и почти ничего более: ни чудес, ни странствий, ни суда, ни смерти, ни воскресения — ничего повествовательного. За большинством речений, просто предваряемых словами: «Иисус сказал…», следует очередной стих, начинающийся точно так же. В некоторых случаях это обмен репликами между Иисусом и апостолами: они говорят что-то Иисусу или спрашивают у Него, а Он отвечает, или Он что-то говорит, а они отвечают. В этом собрании высказываний нет отчетливого плана; некоторые из них сведены вместе по общности темы или использованию тех же ключевых слов, но для большей их части последовательность кажется совершенно случайной.

Более половины изречений, содержащихся в Евангелии Фомы, аналогичны тем, что мы находим в Новом Завете (79 из 114, по некоторым подсчетам). В отдельных случаях это сходство очень близкое. Среди таковых, например, притча о горчичном зерне:

> Ученики спросили у Иисуса:. «Скажи, чему подобно Царствие Божие». Он ответил им: «Оно подобно горчичному зерну. Оно самое малое из всех семян. Но когда оно падает на вспаханную почву, из него вырастает большое растение, которое дает приют птицам небесным» (речение 20; ср.: Мк 4: 30–31)[21].

И, в несколько более сжатой форме, чем в Новом Завете, замечание о слепом, ведущем слепого:

> Иисус сказал: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (речение 34; ср.: Мтф 15: 14).

Но многие из этих речений совсем не похожи на те, что сходят с уст Христа в Новом Завете (за исключением отдельных устойчивых оборотов). Возьмем два довольно ярких

примера:

Иисус сказал: «Это небо прейдет, и то, что над ним, прейдет. Мертвые не живы, а живые не умрут. В дни, когда вы уничтожили смерть, вы постигли, что есть жизнь. Когда вы пребудете в свете, что вы станете делать? В тот день, когда вы были одним, вы стали двумя. Но когда вы становитесь двумя, что вы будете делать?» (речение 11).

Его ученики сказали: «Когда Ты станешь явным для нас, и когда мы увидим Тебя?» Иисус сказал: «Когда вы разоблачитесь, не устыдившись, и снимете свои одежды и положите их себе под ноги, как дети, и растопчете их, тогда вы увидите Бога Живого, и не убоитесь» (речение 37).

Что можно понять из этих необычных высказываний? Что они означают?

Мы можем приступить к разгадыванию этого евангелия, заглянув в его поразительное начало, в котором говорится о цели автора и его понимании значения этого собрания высказываний, и, что взаимосвязано, о том, как можно обрести жизнь вечную:

Это тайные слова, которые произнес Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома. И Он сказал: «Тот, кто обретет истолкование этих слов, не вкусит смерти» (речение 1).

Записанные здесь речения объявляются тайными; им не свойственны ни ясность, ни назидательность, ни здравомыслие. Они темны, таинственны, загадочны. Иисус произносит их, а Дидим Иуда Фома (Св. апостол Фома) записывает их. А путь к обретению вечной жизни лежит через истолкование их истинного смысла.

Это евангелие, в котором не придается большого значения смерти человека Иисуса и спасению через воскресение. Более того, смерть и воскресение Христа здесь практически не описываются. Спасение приходит не через веру в страсти Христовы, а через истолкование Его речений.

Если правильное понимание смысла этих высказываний — предварительное условие для обретения вечной жизни, как нам истолковывать их? Как я уже говорил, с моей точки зрения (которая, по-видимому, совпадает и с точкой зрения Лью Тибинга), в основе Евангелия от Фомы лежат некие гностические представления. Нельзя сказать, что Фома пытается развить эти представления, или выявить их мифологические основания, или объяснить их особенности. Но к изречениям, содержащимся в этом евангелии, на мой взгляд, лучше всего подходить, имея представление о гностической среде, окружавшей писавшего их автора.

Например, в речении 1 говорится, что тот, кто находит объяснение тайным высказываниям Иисуса, не вкусит смерти. Соответственно, эти речения тайные (не доступные для публики, но открытые для знающих), и их объяснение *(знание* того, что они означают) несет освобождение от смерти мира сего. В речении 2 говорится об ищущих и находящих. Предметом поисков является знание, и когда вы понимаете, что все казавшееся вам известным об этом мире — обман, вас охватывает тревога. Но когда вы* постигаете правду об этом мире, вы приходите в изумление. И когда такое случается, вы возвращаетесь в конце концов в область божественного бытия, из которой вышли, и господствуете над всем вместе с другими божественными созданиями.

Или, как это выражено в другом высказывании: «Тот, кто пришел к пониманию мира сего, нашел лишь труп, а тот, кто нашел [этот] труп, выше мира сего» (речение 56). Этот

материальный мир на самом деле мертв — в нем нет жизни. Жизнь — в духе. Когда вы понимаете, чем в действительности является этот мир — смертью, — вы становитесь выше этого мира, вы поднимаетесь над ним. Вот почему тот, кто приходит к этому пониманию, «не вкусит смерти» (речение 1).

Обретение понимания ничтожности этого материального мира, и затем избавление от него, напоминает снятие материальной одежды (тела) и освобождение от ее ограничений. Отсюда и эффектный образ спасения: «Когда вы разоблачитесь, не устыдившись, и снимете свои одежды и положите их себе под ноги, как дети, и растопчете их, тогда вы увидите Бога Живого, и не убоитесь» (речение 37). Спасение означает освобождение от тела.

В соответствии с этим евангелием, дух человеческий — не от этого материального мира, а от мира вышнего:

> Иисус сказал: «Если они спросят вас: «Откуда вы пришли?», ответьте им: «Мы пришли из света, места, где сам собою народился свет…» Если они скажут вам: «Это вы?», ответьте: «Мы его дети, и мы избранники Живого Отца»» (речение 50).

Таким образом, мы пришли из мира вышнего, мира света, где нет ни вражды, ни разделения, ни тьмы; мы сами произошли от одного Бога и являемся Его избранниками, и Он — наша конечная цель:

> Иисус сказал: «Блаженны отдельные и избранные, поскольку вы обретете Царство. Потому что вы — из него, и в него вы вернетесь» (речение 49).

Это действительно удивительно, что материальный мир возник как место заточения для божественных духовных элементов, но каким бы удивительным это ни было, совершенно невозможно обратное: чтобы человеческий дух возник в результате сотворения материи: «Если плоть возникает благодаря духу, это чудо. Но если дух возникает благодаря телу, это чудо из чудес. Воистину, мне удивительно, как такое великое богатство могло избрать своим домом такую нищету [т. е. материальные мир, тело]» (речение 29).

Дух, заключенный в материальном мире, похож на пребывающего в опьянении, который не в состоянии мыслить связно, или на ослепленного, утратившего способность видеть. В соответствии с этим евангелием, Иисус спускается свыше, чтобы дать отрезвляющее знание или безупречное видение, необходимые для спасения, а те, кто томится в заточении здесь, испытывают отчаянную нужду в этом:

> Иисус сказал: «Я занял свое место среди мира сего, и Я явился им во плоти. Я нашел, что все они пребывают в опьянении; Я нашел, что никто из них не испытывает жажды. И душа Моя огорчилась за сынов человеческих, потому что сердца их ослеплены и не способны видеть… Но сейчас они опьянены. Когда они избавятся от вина своего, они будут раскаиваться» (речение 28).

Чем же можно объяснить то, что «мертвые не живут, а живые не умрут» (речение 11)? Тем, что мертвые — это просто материя, а то, что не материя, а дух, не подвержено смерти. Что означает «в тот день, когда вы были одним, вы стали двумя» (речение 11)? То, что некогда вы были единым духом, но, заключенные в тело, стали двумя — телом и духом, — а не одним. Дух должен освободиться, и тогда он снова будет одним.

Это спасение, таким образом, не будет спасением, пришедшим *в* этот мир; это будет спасением *из* этого мира. Сам мир, эта материальная действительность, не был создан хорошим (вопреки догматам ортодоксального христианства). Это космическая катастрофа,

и спасение — это избавление от нее. По этой причине Царство Божие — это не то, что приходит в этот мир, не физическое существование, о котором на самом деле можно сказать: оно *есть* здесь, в этом мире материи. Это нечто духовное, внутреннее:

> Если те, которые ведут вас, говорят вам: «Смотрите, Царствие в небе!», — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно в море, тогда рыбы опередят вас. Но Царствие внутри вас и вне вас… Когда вы обретете знание самих себя… вы поймете, что именно вы — сыновья живого Отца (речение 3).

Поскольку этот мир — место, которого нужно бежать, никому не следует привязываться к материальному: «Не заботьтесь с утра до вечера и с вечера до утра о том, что вам надеть» (речение 36). Напротив, все, что может предложить мир, все блага, которые он может предоставить, следует отвергнуть, чтобы спастись от мира сего: «Тот, кто окажется в этом мире и станет богатым, пусть откажется от этого мира» (речение 110). Итак, не следует привязываться ни к чему в этом мире; как указывает самое лаконичное из высказываний этого евангелия, «Станьте прохожими» (речение 42). Далекие от того, чтобы придавать большое значение сиюминутной человеческой жизни — или человеку Иисусу, если уж на то пошло, — эти изречения подчеркивают необходимость избегать человеческих ловушек мира сего.

Ключ к спасению, принесенный Христом, — это владение специфическим знанием — гнозисом, знанием о том, кем вы на самом деле являетесь:

> Когда вы обретете знание самих себя, вы станете знающими, и вы поймете, что именно вы — сыновья живого Отца. Но если вы не познаете самих себя, вы останетесь в нищете [то есть в материальном мире/теле], и вы будете этой нищетой (речение 3Ь).

Сам Иисус является подателем этого знания, знания о том, что человеческий дух божествен, не менее божествен, чем сам Иисус, и на деле — одно с ним: «Тот, кто будет пить из моих уст, станет подобным мне. Я сам стану им, и то, что скрыто, откроется ему» (речение 108). Иисус — тот, кто несет знание, необходимое для того, чтобы божественные духовные элементы воссоединились со сферой божественного бытия, из которой они пришли. Вот почему Иисус — не «тот, кто разделяет» (речение 72), а тот, кто объединяет.

Это подчеркивание необходимости стать одним, воссоединившимся со сферой божественного бытия, в котором нет ни конфликта, ни разделения, объясняет, почему в этом тексте такое большое значение придается единичности, отдельности, единству: «Потому что многие из тех, кто сейчас первые, станут последними, и они станут одним и тем же» (речение 4); «Блаженны отдельные и избранные, поскольку вы обретете Царство» (речение 22). Или, как отвечает Иисус, когда ученики спрашивают у Него: «Войдем ли мы тогда, как дети, в Царствие?»:

> Когда вы станете из двух одним, и когда внутреннее станет для вас как внешнее, а внешнее как внутреннее, и верх как низ, и когда мужское и женское станет для вас одним и тем же, так что мужское не будет мужским, а женское женским; и когда вы приспособите глаза вместо одного из глаз, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, и подобие вместо подобия, тогда войдете вы в Царство (речение 22).

Возвращение всех вещей к их изначальному единству, в котором нет частей, но только целое, нет верха и низа, нет внешнего и внутреннего, нет мужского и женского. Вот что приносит спасение для тех, кто был отделен, отпал от сферы божественного бытия.

Возможно, именно эта идея поможет понять, наверное, самую странную и, разумеется, наиболее спорную часть Евангелия Фомы, речение 114, в котором ощутимо фигурирует Мария Магдалина, — хотя, конечно же, не в качестве жены и любовницы Иисуса:

> Симон Петр сказал им: «Пусть Мария оставит нас, потому что женщины не достойны жизни». Иисус сказал: «Я сам поведу ее, чтобы сотворить из нее мужчину, так что она тоже может стать духом живым, подобно вам, мужчинам. Потому что каждая женщина, которая сотворит из себя мужчину, войдет в Царство небесное».

Это изречение вызвало немалое замешательство, особенно среди феминистски настроенных историков раннего христианства, которым нравится думать, и не без причин, что гностицизм более благосклонно относится к женщинам и их ведущей роли в церкви, чем ортодоксальное христианство (см. главу 8 этой книги). Но этот стих? Женщины (включая Марию) должны превратиться в мужчин, чтобы войти в Царство небесное?!

Практически невозможно понять, что может означать этот стих, не зная, что в Древнем мире, мире, в котором был создан этот текст, люди в большинстве своем иначе, чем мы сейчас, воспринимали соотношение полов. В наши дни в мужчинах и женщинах видят две разновидности одного и того же. Есть люди, и они либо мужчины, либо женщины. В Древнем мире представление о полах было иным. Для древних мужчины и женщины были не двумя разновидностями человека; они были двумя ступенями развития человека[22].

Как нам известно из медицинских, философских, поэтических и других письменных трудов, женщин в греческом и римском мире воспринимали как несовершенных мужчин. Они — мужчины, но не до конца развившиеся. В утробе у них не образуются пенисы. После рождения они не достигают полноты развития — у них плохо выражена мускулатура, нет волос на лице, тонкий голос. Женщины в буквальном смысле слабый пол. А в мире, пронизанном идеологией силы и превосходства, это несовершенство делало женщин зависимыми от мужчин и, неизбежно, низшими по отношению к ним.

Древние рассматривали весь мир как некий континуум совершенствования. Неживая природа была для них менее совершенна, чем живая; растения менее совершенны, чем животные; животные менее совершенны, чем люди; женщины менее совершенны, чем мужчины; мужчины менее совершенны, чем боги. Для обретения спасения, для единения с Богом, требовалось, чтобы мужчины совершенствовались. Но совершенствование для женщин означало достижение сначала следующей точки этого континуума — превращения в мужчину[23]. Так же и в Евангелии Фомы, для спасения, предполагающего объединение всего таким образом, что нет ни верха, ни низа, ни внутреннего, ни внешнего, ни мужского, ни женского, требуется, чтобы все божественные духовные элементы вернулись в место своего происхождения. Но очевидно, что женщина, прежде чем обрести спасение, должна сначала стать мужчиной. То знание, которое несет Иисус, допускает такую трансформацию, поэтому каждая женщина, которая превратит себя в мужчину, через понимание Его учения, сможет войти в Царство небесное.

Несмотря на то что в некоторых гностических текстах прославляется божественное женское начало (как мы увидим в дальнейшем), этот, по всей видимости, делает акцент на том, что женское должно возвыситься над собой, для того чтобы стать мужским. Вряд ли Тибинг захотел бы заострять внимание на этом!

Следует подчеркнуть, что в данном тексте Христос изображается не как земной проповедник, а как носитель божественного откровения, который Сам является подателем

знания, необходимого для спасения, как для женщин, так и для мужчин. «Когда вы увидите Того, Кто не был рожден женщиной [т. е. Иисуса, только казавшегося человеком], падите ниц и поклонитесь Ему. Этот есть ваш Отец» (речение 15). Или, как он говорит далее в этом евангелии: «Я есть свет, который превыше всех. Я есть призыв. От Меня все началось и Мною все продолжилось. Расколите кусок дерева — и Я там. Поднимите камень, и вы найдете Меня» (речение 77). Иисус — все во всем, Он пронизывает этот мир и в то же время приходит в этот мир как свет этого мира, который может вывести дух человеческий из тьмы, с тем чтобы вернуть этот дух в его небесный дом путем приобретения самосознания, необходимого для спасения.

Заключение

В этой главе мы рассмотрели только четыре самых ранних евангелия из тех, что остались за пределами Нового Завета. Мы рассмотрим еще два весьма важных из них — Евангелия Филиппа и Марии — в одной из следующих глав, когда будем говорить о роли Марии Магдалины в жизни Иисуса и в истории ранней Церкви. Конечно, были и другие евангелия, которых мы не касались и касаться не будем, — хотя Лью Тибинг и ошибается, заявляя, что нам известно о существовании восьмидесяти, основанных на «тысячах» рассказов об Иисусе, записанных в течение Его жизни. Эти евангелия, однако, по преимуществу были написаны позже, чем рассмотренные здесь, и кажутся еще более легендарными и мифологизированными. Лью Тибинг прав в том, что существовало много евангелий, которые не были включены в Новый Завет, и что из всех книг, в то или иное время являвшихся священными для той или иной группы христиан, только четыре Евангелия впоследствии были признаны каноническими. Прав он также и в том, что впоследствии применение христианами других евангелий было запрещено отцами Церкви. Но его утверждение о том, что, будь эти евангелия включены в Новый Завет, мы имели бы иное, более человечное, представление о Христе, ошибочно. Фактически все обстоит совсем иначе. В неканонических евангелиях большее внимание акцентируется на божественной природе Христа.

Но как получилось, что четыре евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — были включены в Новый Завет, а остальные остались за его рамками? Было ли это, как утверждает Тибинг, в действительности делом рук Константина? К этому вопросу мы обратимся в следующей главе.

Глава четвертая

Константин и формирование канона

Нового Завета

Как мы уже видели, Лью Тибинг был прав, говоря о том, что четыре Евангелия Нового Завета — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — не были ни первоначальными записями о Его жизни, ни единственными Евангелиями, доступными ранним христианам. Другие евангелия имели широкое распространение, но не вошли в Новый Завет, — хотя Тибинг и ошибается, утверждая, что «восемьдесят евангелий» претендовали на место в каноне. Но как отбирались книги, оказавшиеся включенными в Новый Завет? Почему так получилось, что лишь четыре евангелия впоследствии стали частью канона, а все остальные были забыты? Как проходил этот процесс? Кто принимал эти решения? На каких основаниях? И когда?

Для Тибинга ответ очевиден: решения принимал император Константин, правивший в четвертом веке. Тибинг прямо говорит об этом в разговоре с Софи Невё, происходившем в его гостиной:

> — Для включения в Новый Завет рассматривались свыше *восьмидесяти* евангелий, но лишь несколько удостоились чести быть представленными в этой книге, — в том числе от Матфея, Марка, Луки и Иоанна.
>
> — Но кто же решал, какое Евангелие выбрать? — спросила Софи.
>
> — Ага! — Тибинг излучал энтузиазм. — Вот в чем кроется ирония! Вот что уязвляет христиан! Библия, как мы теперь знаем, была составлена из различных источников язычником, римским императором Константином Великим (с. 280).

Как Тибинг заявляет далее, Константину необходимо было создать «новую» Библию для того, чтобы иметь письменное подтверждение своего представления о скорее божественной, нежели человеческой, природе Иисуса. Это и привело к формированию канона (собрания священных книг) Нового Завета и уничтожению других священных книг, не прошедших этот отбор:

> — Константин понимал, что следует переписать эти исторические книги. Именно тогда и возник самый значимый момент в истории христианства… Константин финансировал написание новой Библии, куда не входили бы евангелия, говорившие о *человеческих* чертах Христа, а включались те, где подчеркивалась божественная Его сущность. Все более ранние евангелия были объявлены вне закона, затем собраны и сожжены на кострах (с. 283).

Взгляд Тибинга на формирование этого канона с точки зрения теории заговора любопытен, но для историков, которым известно, как в действительности происходил процесс включения одних книг в Новый Завет и отказа от других, представляется скорее результатом вымысла, чем знакомства с реальными фактами. Историческая правда заключается в том, что император Константин не имел никакого отношения к

формированию канона Священного Писания: он не выбирал, какие книги включать в него, а какие — нет, и он не приказывал уничтожать евангелия, не отнесенные к каноническим (не было никаких всеимперских сожжений книг). Формирование канона Нового Завета, напротив, было длительным и сложным процессом, который начался за столетия до Константина и не завершился после его смерти. Насколько нам известно из исторических источников, император не был участником этого процесса.

В этой главе мы проследим этот процесс от начала до конца, чтобы понять, как в действительности сложился канон христианского Священного Писания, когда проходил этот процесс и кто принимал в нем участие.

Взгляд Лью Тибинга на формирование христианского канона абсолютно верен в одном: этот канон действительно не был просто ниспослан с неба вскоре после смерти Иисуса. Сам Тибинг в одном из самых запоминающихся высказываний, адресованных Софи Невё, говорит об этом так:

> Тибинг улыбнулся.
>
> — …все, что вам надо о ней [Библии] знать, суммировал великий каноник, доктор теологических наук Мартин Перси. — Тут Тибинг откашлялся и процитировал: — «Библия не прислана к нам с небес по факсу».
>
> — Простите, не поняла?
>
> — Библия — это творение *человека*, моя дорогая, а вовсе не Бога. Библия не свалилась с небес нам на головы (с. 279).

Канон не явился христианам сразу в полном и законченном виде, он был результатом долгого процесса, в течение которого христиане внимательно рассматривали написанные книги и решали, какие следует включить в свой священный канон, а какие исключить из него. Это процесс занял многие годы — вернее, столетия. Решения (вопреки Тибингу) принимал не один человек, и даже не одна группа людей (например, церковный собор); они были результатом продолжительных и порой воинственных обсуждений, дискуссий и споров. Этот процесс еще долго продолжался и после эпохи Константина, но начался он за столетия до нее.

Начало процесса

Это может показаться странным в наши дни, но для религий Древнего мира было совсем не характерно неукоснительное следование священным книгам как руководствам в вопросах вероучения и религиозной практики. Помимо иудаизма, похоже, не было ни одной религии из множества распространенных на территории Римской империи, которая использовала бы книги подобным образом. Это не говорит о том, что в этих религиях не было вероучений или практик — они были, но не основывались на священных текстах, которые были бы признаны божественно данным сводом «правил». Даже такие основополагающие для культуры книги, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера, не воспринимались подобным образом. В них видели то, чем они были на самом деле: собрание интересных историй, полных мифологических описаний богов. Но они не рассматривались как руководящие указания по поводу того, во что нужно верить и как следует себя вести.

Единственным исключением из этого правила — отсутствия у древних религий священных книг — был иудаизм. У иудеев был набор книг (канон), данный им, как они полагали, Богом, книг, объяснявших им, кто есть Бог, как он на протяжении истории

взаимодействовал с людьми (иудеями), как им следует почитать Бога и как жить вместе в общине. В дни Иисуса канон Священного Писания иудеев (которое христиане впоследствии назвали Ветхим Заветом) еще окончательно не оформился: у разных групп иудеев считались авторитетными разные книги. Но почти единодушно признавалось ядро канона — Тора (это древнееврейское слово означает «закон», «руководство»), включавшая в себя то, что ныне является первыми пятью книгами Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Эти пять книг, иногда называемые Пятикнижием, всеми иудеями воспринимались как священное откровение, полученное от Бога. В этих книгах можно найти повествования о том, как Бог создал этот мир, как Он призвал народ Израилев стать Его избранным народом, как он взаимодействовал с предками иудеев, патриархами и матриархами веры, включая Авраама, Сарру, Исаака, Ревекку, Иакова, Рахиль, Моисея и так далее. Что еще более важно, эти книги содержат законы, которые Бог дал Моисею на горе Синай, законы, предписывающие, как следует иудеям почитать Бога, принося Ему жертвы в храме и соблюдая определенные правила, касающиеся пищи и праздников (в том числе Субботы), а также законы, регламентирующие их отношения между собой[24].

При взгляде назад кажется почти неизбежным то, что у христиан впоследствии должен был сложиться канон Священного Писания, потому что начало христианству положил Иисус, иудейский вероучитель, который признавал иудейскую Тору, следовал ее обычаям, придерживался ее законов и истолковывал ее смысл своим ученикам. Этими учениками Иисуса, разумеется, были первые христиане, и, следовательно, с самого начала у христиан был священный канон, признаваемый ими богоданными книгами, — канон иудейского Священного Писания. Это делало их необычными для Римской империи, — где книги, как правило, имели совершенно другую функцию, — но не уникальными: признавая канон, христиане просто следовали за иудеями.

Но христиане оторвутся от своих иудейских корней, и когда они сделают это, то, естественно, начнут сами собирать священные тексты, которые впоследствии будут сокращены и включены в отдельный, исключительно христианский, канон Священного Писания, который станет известен как Новый Завет[25].

Движение к канону Нового Завета началось в эпоху самого Нового Завета, то есть в первом веке христианской эры. Здесь, возможно, полезно было бы привести несколько основных дат, чтобы сверить наши хронологические часы.

Иисус из Назарета начал свою пастырскую деятельность, по-видимому, в 20-е годы н. э. Он был казнен римлянами, очевидно, около 30 года н. э. Первая христианская книга была написана вскоре после этого. Самое раннее писание первых христиан (около 50–60 гг. н. э.), дошедшее до нас, принадлежит перу апостола Павла. Евангелия Нового Завета — самые ранние из сохранившихся жизнеописаний Христа, написанные, возможно, между 70 и 95 годами н. э. Остальные книги Нового Завета написаны приблизительно в это же время; вероятно, последней из них было Второе послание Петра (не ранее 120 года н. э.). Следовательно, книги Нового Завета, так же как и некоторые другие произведения ранних христиан, не вошедшие в Новый Завет, были созданы приблизительно между 50 и 120 годами н. э.

Похоже, что уже в этот период христиане начали воспринимать некоторые явно христианские авторитетные письменные источники как равноценные книгам иудейской Библии. Свидетельства тому можно найти в некоторых текстах самого Нового Завета. Во-первых, существуют предположения о том, что начиная с самых ранних пор слова и

проповеди Иисуса считались не менее авторитетными, чем тексты Священного Писания. Возможно, такому их восприятию способствовал сам Иисус манерой своей проповеди. В соответствии с некоторыми из самых ранних наших свидетельств, такими как Евангелие от Матфея, когда Иисус толкует Закон Моисея, он сопровождает каждую из заповедей своими поучениями[26]. Моисей, например, говорит: «Не убий». Иисус интерпретирует это так: «Даже не гневайся на другого». Моисей наказывает: «Не прелюбодействуй». Иисус добавляет: «Не прелюбодействуй с женщиной даже в сердце своем». Моисей требует: «Не произноси ложной клятвы». Иисус еще более непреклонен: «Не клянись вовсе!». Собственные интерпретации Иисуса воспринимались Его учениками с не меньшим почтением, чем заповеди самого Моисея (см. Мтф 5:21–48).

Еще одно свидетельство тому можно найти в более поздний период Нового Завета. В Первом послании к Тимофею, якобы принадлежащем руке апостола Павла (многие ученые считают, что оно написано поздним последователем Павла от его имени), автор велит своим христианским читателям оказывать почести пресвитерам, а затем цитирует «Писание», чтобы подкрепить свои слова (1 Тим 5:18)[27]. Интересно то, что цитирует он два отрывка: один из Закона Моисея, а второй — слова самого Христа («Трудящийся достоин награды за труды свои» — см. Лк 10:7). Здесь слова Христа и строки Писания равнозначны.

То же мы находим и в писаниях Его последователей. Самым поздним по времени написания, как я уже отмечал, в Новом Завете было Второе послание Петра. Довольно интересно то, что его автор (который тоже явно выступал под псевдонимом, поскольку сам Петр умер задолго до того как оно было написано) говорит о ложных учителях, которые извращают «послания Павла», «как и прочие Писания» (2 Пет 3:16). Таким образом очевидно, что этот неизвестный христианский автор воспринимает послания Павла как «Писание».

По моему мнению, в конце первого — начале второго столетия, за сотни лет до Константина, христиане уже воспринимали некоторые книги как канонические и выбирали книги, которые следует включить в этот канон.

Мотивации отбора книг

Какие силы подталкивали процесс принятия определенной группы книг в качестве авторитетных канонических источников? Как можно видеть из цитат, приведенных выше, христиане начинали привыкать к цитированию определенных текстов для установления как принципов веры, так и норм общежития. После того как Иисус умер и не мог больше наставлять апостолов, появилась потребность в собрании Его изречений для потомства, а когда и сами апостолы начали умирать, понадобилось собрать и их писания — как хранилище истинных учений, которым нужно было следовать.

Это было особенно трудной задачей из-за поразительной разнородности христианства, которая начала проявляться в первом столетии, но с несомненной очевидностью обнаружилась во втором столетии. Христианство в современном мире кажется нам в высшей степени многообразным, и это верно, учитывая широкий спектр интерпретаций вероучения, распространенных среди тех, кто называет себя последователями Христа. Достаточно вспомнить о различиях между католиками и баптистами, последователями греческой православной церкви и мормонами, Свидетелями Иеговы и сторонниками епископальной церкви. Какими бы значительными ни были различия между христианскими группами в наши дни, они меркнут в сравнении с известными нам различиями христианских

групп в церкви первых веков.

Только во втором столетии, например, нам известны люди, объявлявшие себя последователями истинного учения Христа и при этом верившие в такие вещи, которые поразили бы большинство современных христиан своей крайней нелепостью. Были, конечно, и христиане, верившие в одного Бога, но другие говорили, что Бога два (Бог Ветхого Завета и Бог Иисуса), третьи же и так далее утверждали, что богов 12, или 30, или 365! Были христиане, считавшие, что этот мир был создан одним истинным Богом, но другие утверждали, что он создан второстепенным божеством; третьи же приписывали его создание и вовсе некому порождению злых сил. Были христиане, видевшие в Христе одновременно и «вполне» человека, и «вполне» Бога; другая группа, как уже говорилось, возражала, что Он настолько человечен, что не может быть божествен, третья же — что Он «вполне» божествен, и потому не может быть человеком, а четвертые различали в Нем два разных существа — человека Иисуса и Бога Христа. Были христиане, верившие, что через смерть Иисуса спасется этот мир; другие уверяли, что смерть Иисуса не имеет никакого отношения к спасению этого мира; еще одна группа утверждала, что Иисус вообще не умирал.

Как я отмечал ранее, эти различные христианские группы — особенно те, которые исповедовали наиболее странные из этих учений, — не могли просто взять и свериться со своим Новым Заветом, чтобы понять, кто прав, а кто нет, потому что Нового Завета *не было.*

У каждой из этих групп были священные книги, которые, как они утверждали, остались от апостолов Иисуса, — евангелия, деяния, послания, откровения, — и каждая группа настаивала на том, чтобы именно эти книги стали для остальных христиан, желавших знать, во что верить и как жить, непререкаемым письменным авторитетом. Борьба за Священное Писание была настоящей битвой — затяжным конфликтом между соперничающими группами христиан, вознамерившимися определить характер христианства на все грядущие века. Лишь одна группа победила в этой битве; именно эта группа установила (на Никейском соборе), каким должен быть христианский символ веры, и решила, какие книги следует включить в канон Священного Писания. Вопреки тому, что говорил Лью Тибинг, это решение не было следствием усилий императора Константина. Оно было следствием усилий христианских лидеров — тех, которые победили в этом раннем споре о христианском вероучении и религиозной практике[28].

Серапион и Евангелие от Петра

Мы можем получить представление о том, как происходил этот процесс, познакомившись с сюжетом, рассказанным Евсевием, «отцом церковной истории», с которым мы уже встречались в одной из предыдущих глав. Евсевий, как отмечалось там, написал десятитомную историю христианской Церкви, охватывавшую период от дней Христа до времени, в которое жил сам Евсевий (эпохи Константина). В этих книгах он много говорит о ранних христианах и их конфликтах, включая споры по поводу вопросов вероучения и канона Священного Писания. Одна из таких историй проливает свет на процесс формирования канона писания в целом.

В главе 3 я рассматривал одно из самых ранних дошедших до нас евангелий — Евангелие Петра. Еще до открытия этого евангелия в 1886 году о его существовании было известно из «Церковной истории» Евсевия. Евсевий сообщает о когда-то знаменитом епископе Антиохийском Серапионе, жившем во второй половине второго века. Под юрисдикцией

Серапиона находились церкви по всей Сирии, и время от времени он совершал пастырские инспекционные объезды. Однажды он посетил церковь в деревне Росс и узнал, что тамошние христиане в своих церковных службах используют евангелие, написанное Петром. Серапиона это ничуть не смутило: если апостол Петр написал евангелие, оно несомненно приемлемо для чтения в церкви. Но когда он вернулся в Антиохию из своего путешествия, некие информаторы сообщили ему, что так называемое Евангелие Петра содержит ложное учение. Более того, они утверждали, что это докетское евангелие, в котором Христос изображается не вполне человеком (см. наши предыдущие рассуждения о докетизме).

Узнав об этом, Серапион приобрел экземпляр этой книги и, прочитав ее, действительно встретил несколько пассажей, которые можно было истолковать в докетском смысле. Он написал небольшой памфлет «По поводу так называемого Евангелия Петра» и отправил его христианам Росса, сопроводив приказанием не использовать больше эту книгу в церковных службах общины.

Эта интересная история наглядно показывает, как христиане принимали решения о том, следует или нет воспринимать книгу как часть Священного Писания и приемлема ли она для использования церковью в качестве наставления и руководства. И христиане Росса, и Серапион были согласны в том, что апостольская книга — то есть написанная одним из ближайших учеников Христа (или, по меньшей мере, одним из спутников Его учеников) — приемлема. Но помимо этого книга должна была быть «ортодоксальной», то есть содержать верное толкование учения Христа. Книга, не соответствовавшая этому требованию, была явно не апостольской, поскольку сами апостолы, как считалось, могли передавать только истинные описание Христа и значение его учения. С точки зрения Серапиона, так называемое Евангелие Петра было не ортодоксальным; таким образом, оно не могло быть написано Петром. По этой причине его не следовало использовать в христианских богослужениях. Иными словами, его следовало исключить из канона.

Все это происходило за 150 лет до Константина.

Ириней и Четвероевангелие

Но соответствует ли правде то, что именно Константин ответствен за принятие *окончательного* решения о включении в Новый Завет четырех Евангелий, как утверждает Ли Тибинг? Действительно ли в начале четвертого века были широко распространены различные евангелия, из которых Константин выбрал четыре для включения в канон Священного Писания?

Даже это утверждение исторически неверно. Не только определенные «еретические» тексты, такие как Евангелие Петра, были отвергнуты большинством христиан уже во втором столетии, но и четыре Евангелия — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — утвердились в каноне задолго до Константина.

Мы можем проследить истоки канонизирования Четвероевангелия по произведениям бесспорно христианских писателей второго столетия. Одним из самых знаменитых авторов этого периода был человек, известный в истории как Юстин Мученик, которого казнили за исповедование христианства во второй половине второго века, приблизительно в то время, когда Серапион писал свое письмо христианам Росса. Нам повезло, что у нас есть пространные писания Юстина, в которых он пытается объяснить просвещенным противникам христианства, что, вопреки широко распространенному мнению, христианство не представляет угрозы единству империи и что христиане — не злостные возмутители

общественного порядка, каковыми их иногда изображают. На самом деле христиане, утверждает Юстин, — представители одной, истинной, религии, данной одним, истинным, Богом.

Доказывая свою правоту, Юстин иногда цитирует более ранние христианские тексты, включая евангелия. Но он никогда не называет так эти книги: он просто именует их «воспоминаниями апостолов». И он нигде не говорит о том, что таких книг было только четыре.

Около тридцати лет спустя, приблизительно в 180 году н. э., писал другой значительный христианский автор — Ириней. Тридцать лет, разделявшие Юстина и Иринея, имели огромное значение для истории христианства, поскольку именно в эти годы начали расцветать различные гностические ереси (каждая со своей теологией) и повсюду распространялось учение выдающегося христианского проповедника Маркиона (объявленное Юстином и Иринеем архиеретическим). Маркион утверждал, что есть два Бога — Бог иудеев и Бог Иисуса, который послал Иисуса в этот мир (как фантом: Маркион был докетом), чтобы спасти людей от гневного Бога иудеев[29].

Как могли оппоненты гностиков и Маркиона (а также других так называемых ложных учений) убедить читателей в «истинности» своей религии? Другими словами, как могли христианские лидеры оспорить иные теологические представления и доказать, что именно их взгляды те же, что у Христа и Его последователей? Легче всего, конечно, было подтвердить свои представления книгами, написанными апостолами самого Христа. Учитывая все возраставшую в период между временами Юстина и Иринея угрозу со стороны еретических ложных учителей, таких как гностики и Маркион, нет ничего удивительного в том, что у Иринея мы находим уже более четкое представление о том, какие книги относятся к Священному Писанию. В соответствии с Иринеем, это только четыре Евангелия — Матфея, Марка, Луки и от Иоанна. Любой, кто отдает предпочтение лишь одному из четырех Евангелий (например, Маркион использовал только Евангелие от Луки, а некоторые из гностиков — только от Иоанна) либо присоединяет к ним другие (например, Евангелие Петра или Евангелие Фомы), заблуждается.

Как Ириней аргументирует свою позицию? Он отмечает, что есть четыре стороны света, с которых дуют четыре ветра, несущие истину о христианском Евангелии, — которое, таким образом, должно строиться на четырех столпах — Матфее, Марке, Луке и Иоанне. Четыре стороны света, четыре ветра и четыре Евангелия — что может быть естественнее[30]?

Раннехристианские канонические списки

Приблизительно временем Иринея датируется первый известный нам канонический список — перечень книг, которые автор (в данном случае анонимный) считает приемлемыми для включения в христианский канон. Этот список, «Канон Муратори», назван по имени ученого восемнадцатого века Л.А. Муратори, который обнаружил его в одной из миланских библиотек. Рукопись, содержавшая этот перечень, была создана в восьмом веке, но сам список, судя по всему, был составлен в Риме приблизительно в конце второго столетия[31].

Начало текста рукописи, к сожалению, утрачено. Но то, как начинается имеющийся фрагмент, оставляет мало сомнений по поводу того, какие книги в нем первоначально рассматривались: «…при которых, тем не менее, он присутствовал, и поэтому он поместил [их в свое повествование]. Третья книга этого Евангелия соответствует таковой у Луки»[32].

Автор продолжает, рассказывая, кем был Лука, а затем говоря о «четвертом из Евангелий», «от Иоанна». Этот список, другими словами, начинается с рассмотрения четырех Евангелий, третьим и четвертым из которых были Евангелия от Луки и от Иоанна. Достаточно очевидно, что в утраченной части речь шла о Матфее и Марке, и сохранился только конец заключительного предложения от рассказа о последнем.

Таким образом, «Канон Муратори» включает те четыре Евангелия, которые впоследствии вошли в Новый Завет, и никакие другие. После Евангелия от Иоанна в каноне значатся Деяния Апостолов, послания Павла — упоминаются девять посланий к семи церквам (к коринфянам, ефесянам, филиппийцам, колоссянам, галатам, фессалоникийцам и римлянам), двум из которых (коринфянам и фессалоникийцам) он писал дважды, а затем четыре — к частным лицам (к Филимону, Титу и два к Тимофею). То есть в этот канон входят все тринадцать посланий Павла. Он, однако, решительно отвергает послания «к лаодикейцам» и «к александрийцам», которые были «подделаны от имени Павла, для того чтобы распространять ересь Маркиона». Эти послания, как образно говорится в «Каноне Муратори», «не могут быть приняты католической церковью, потому что не подобает желчь смешивать с медом». (Заметьте, что эти книги не подлежат сожжению; их просто не надлежит читать или, предположительно, копировать.)

Далее в каноне перечисляются как приемлемые послание Иуды, два послания Иоанна, «Премудрость Соломона» (книга, явно не входившая в Новый Завет), Откровение Иоанна, Откровение Петра (не путать с коптским Евангелием Петра, которое мы обсуждали в предыдущей главе), с примечанием о том, что некоторые христиане не хотят читать последнее в церкви. Затем автор списка замечает, что книгу Гермы «Пастырь» читать следует, но не в церкви, поскольку «Герма написал [ее] уже в наши дни в Риме, когда епископом был его брат Пий» (строки 73–76). Другими словами, это недавнее произведение (написанное почти «в наши дни»), и автором его является не апостол (а брат недавнего епископа). Следовательно, оно не может быть включено в канон. Список завершается перечислением других отвергнутых книг: «Но мы не принимаем ничего из того, что писали Арсиной, Валентин или Мильтиад, который также составил новую книгу псалмов для Маркиона, вместе с Василидом, азиатским основателем катафригийства…». На этом список обрывается так же, как и начинается, — в середине предложения.

Подведя итоги, можно сказать, что этот автор второго века считает приемлемыми для церкви двадцать две или двадцать три книги из двадцати семи, впоследствии вошедших в Новый Завет. Не включенными оказались Послание к евреям, Послание Иакова, 1 и 2 Послания Петра, и одно из посланий Иоанна (автор признает два Послания Иоанна из трех имеющихся ныне, но не указывает, какие именно). Кроме того, он признает «Премудрость Соломона» и условно, с некоторыми оговорками, Откровение Петра. И, наконец, он отвергает книги, которые считает либо еретическими (подделанные Маркионом Послания Павла к александрийцам и лаодикейцам и другие подложные книги, приписываемые гностикам и монтанистам), либо не соответствующими критериям, необходимым для включения в канон.

Критерии отбора

Какими же были эти критерии? Как оказывается, это те же четыре критерия, которых придерживался широкий круг авторов второго и третьего столетий. Для того чтобы войти в Новый Завет, книга должна была быть:

1) *древней.* Авторитетный священный письменный источник должен был датироваться временем, не слишком отдаленным от времени жизни Христа. И поэтому «Пастырь» Гермы, не соответствовавший этому требованию, поскольку был написан в относительно недавнее время, не мог пройти этого отбора;

2) *апостольской.* Для того чтобы быть авторитетной, книга должна была быть написана апостолом — или, по крайней мере, учеником апостолов. Поэтому «Канон Муратори» признает Евангелия от Луки (написанное спутником Павла) и от Иоанна, а также писания Павла, Но он отвергает подложные послания Павла, написанные последователями Маркиона. Действие того же критерия мы видим и в случае с Евангелием Петра: поначалу оно было признано христианами Росса вследствие своего апостольского происхождения; однако как только было сочтено, что Петр не мог написать его, от евангелия отказались;

3) *католической.* Чтобы быть включенной в канон, книга должна была иметь широкую поддержку в официальных церквах. Иными словами, она должна была быть «католической» (от греч. *katholikos*- всеобщий). Отсюда — разговоры по поводу статуса Откровения Петра в «Каноне Муратори»;

4) *ортодоксальной.* Однако куда более важным критерием из всех был критерий содержания. Другие критерии можно назвать в некотором смысле производными от него, поскольку если книга написана не с ортодоксальных позиций, значит она явно не апостольская («явно» для того, кто выносит это суждение), не древняя (ее, должно быть, подделали недавно), не католическая (учитывая все вышесказанное, ни одна из других ортодоксальных церквей не захотела бы иметь с ней ничего общего). Отсюда — история с Серапионом и Евангелием Петра. Как он мог *знать*, что Петр не писал его? Потому что она содержала нечто похожее на докетскую христологию, а Петр, разумеется, не мог написать ничего подобного.

Евсевий и канон в начале четвертого века

Неистовые споры по поводу точной структуры Нового Завета продолжали бушевать в церковных кругах еще долгое время после создания «Канона Муратори» в конце второго века. Тем не менее, вопреки заявлениям Лью Тибинга, почти каждый из принадлежавших к ортодоксальной церкви был убежден в том, что в него должны быть включены четыре Евангелия, Деяния Апостолов, тринадцать посланий Павла, Первое Петра и Первое Иоанна. Но по поводу остальных книг существовали серьезные разногласия.

То, что эти проблемы не были решены еще и в эпоху Константина, очевидно из писаний начала четвертого века самого «отца церковной истории» Евсевия, который в одном месте своей «Церковной истории» делает отступление, посвященное канону, из которого с полной очевидностью следует, что эти вопросы требовали решения даже через полтора столетия после появления «Канона Муратори»[33].

Евсевий заявляет о своем намерении «суммировать писания Нового Завета» («Церковная история» 3. 25. 1). Но это оказывается сложной задачей, поскольку, как замечает Евсевий, многие из важных вопросов еще продолжают дискутироваться. И поэтому он выделяет четыре категории книг. Книги первой категории он называет «признанными», имея в виду то, что они безоговорочно приняты ортодоксальной традицией (единственной, которая его на этот момент интересует): это четыре Евангелия, Деяния, послания Павла (в число которых он включает и Послание к евреям), Первое послание Иоанна, Первое послание Петра и, «если кто считает возможным», говорит он, Откровение Иоанна. Понятно, что

даже признанные книги признаны не повсеместно, продолжает он по поводу этого Откровения, «в связи с чем мы в свое время представим различные мнения».

Во вторую категорию Евсевий помещает книги «спорные», имея в виду то, что они вполне могут быть сочтены каноническими, но некоторыми их статус оспаривается. В эту группу попали Послания Иакова, Иуды, Петра (2-е), а также Иоанна (2-е и 3-е).

Затем Евсевий называет книги, которые он считает «подложными», что обычно означает «поддельные», но в этом контексте, по-видимому, — «не подлинные, хотя иногда рассматривавшиеся как канонические». Среди них — Деяния Павла, «Пастырь» Гермы, Откровение Петра, Послание Варнавы, Дидахе (Учение двенадцати апостолов) и Евангелие евреев. Довольно странно то, что Евсевий включил в эту группу, «если кто посчитает возможным», и Откровение Иоанна, — странно потому, что можно было бы предположить, что его причислят скорее к «спорным», чем к «подложным».

Наконец, Евсевий приводит список книг еретических и не принятых Церковью: Евангелия Петра, Фомы и Матфея, а также Деяния Андрея и Иоанна.

Константинов заказ на пятьдесят христианских Библий

Итак, канон не оформился окончательно даже к дням Константина, несмотря на то что все «ортодоксальные» христиане были согласны в том, что Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна являются каноническими писаниями. Константин не имел отношения к этому решению.

Фактически в древних источниках есть только один намек на то, что Константин мог сыграть какую-то роль в формировании канона, и, возможно, именно его имеет в виду Лью Тибинг, когда говорит Софи Невё о том, что «Константин финансировал написание новой Библии, куда не входили бы Евангелия, говорившие о *человеческих* чертах Христа» (с. 283).

В своем «Житии Константина» Евсевий сообщает нам, что в 331 году император обратился лично к Евсевию с просьбой о создании пятидесяти рукописных списков Библии для церквей, которые он строил в своей столице, Константинополе. Эти книги следовало «написать на хорошем пергаменте, четким почерком и в удобной компактной форме профессиональным переписчикам, изощренным в своем искусстве»[34]. Евсевий замечает, что, едва получив этот заказ на Библии, он тут же выполнил его, — по-видимому, использовав для переписки этих рукописей скрипторий (помещение для копирования от руки книг) своей домовой церкви в Кесарии.

Этот заказ на Библии не подразумевал со стороны Константина никаких требований касательно того, какие Евангелия исключать (те, в которых подчеркиваются человеческие свойства Христа), а какие — включать (делающие акцент только на Его божественности), и, вопреки утверждениям Тибинга, ничто не указывает на то, что это привело к сожжению остальных евангелий. Константину нужны были Библии для его церквей, и он заказал их Евсевию, чья домовая церковь была хорошо оборудована и могла обеспечить их производство. Их содержание не обсуждалось, поскольку и Константин, и Евсевий явно знали, какие книги следовало включить в эти Библии: разумеется, четыре Евангелия, которые уже были повсеместно приняты у ортодоксальных христиан, а возможно, и другие книги также. Как оказывается, у нас есть два великолепных списка Библии, относящихся именно к этому периоду, — Синайский кодекс и Ватиканский кодекс. Некоторые ученые высказывали мнение, что это — две из копий, которые подготовил Евсевий во исполнение приказа Константина-

Заключение: завершение формирования канона

Как мы видели, Лью Тибинг был прав, утверждая, что «Библия не свалилась с небес нам на головы». Новый Завет рождался в течение долгого времени, в процессе затяжных споров и разногласий между христианами nQ поводу состава входящих в него книг. Однако мнение Тибинга о том, что к этому процессу имел какое-то отношение Константин, — или что какая-либо отдельная личность, пусть даже император, могла за одну ночь «переписать» христианскую Библию, — глубоко ошибочно. Формирование канона началось задолго до Константина, а Четвероевангелие Матфея, Марка, Луки и Иоанна прочно утвердилось в нем фактически за 150 лет до его эпохи.

С другой стороны, не менее поразительно то, что даже в эпоху Константина окончательного решения по этому вопросу так и не было принято — ни самим Константином, ни Никейским собором, который он созвал (и который практически не обсуждал проблему канона). Об этом свидетельствует то, что даже у Евсевия не было представления об окончательном варианте канона Священного Писания: статус некоторых книг все еще не был защищен от нападок. И это положение сохранялось еще в течение последующих десятилетий.

Для некоторых людей это потрясение — узнать, что наш канон, состоящий из двадцати семи книг, не мог установиться в течение трехсот или более лет после того, как были написаны сами книги Нового Завета. Фактически первым (из тех, о ком мы знаем) перечислил все эти книги (эти двадцать семь, и никакие другие) как книги Нового Завета человек, живший в конце четвертого столетия, приблизительно через пятьдесят лет после смерти Константина. В одной из предыдущих глав мы уже говорили об Афанасии, который юношей сыграл важную роль на Никейском соборе. Позже он стал епископом Александрии и влиятельной фигурой во всем христианском мире. Ежегодно он писал епископские послания церквям Египта, находившимся под его юрисдикцией, в которых устанавливал дату Пасхи (это было еще до календарей, в которых даты праздников вычислены на годы вперед) и давал им пастырские наставления, какие считал нужными. В тридцать девятое такое послание, написанное в 367 году н. э., Афанасий включил, среди прочих наставлений, список книг, которые, на его взгляд, следовало читать в церкви в качестве канонического Священного Писания. Он перечислил двадцать семь книг нашего Нового Завета — ни больше, ни меньше. Это письмо знаменует собой завершение формирования канона христианской Библии. Споры по этому поводу продолжались еще в течение нескольких десятилетий, но со временем большинство христиан в конце концов согласилось с каноном, представленным Афанасием, так что в каком-то смысле именно он сказал последнее слово в споре о том, какие книги будут, а какие не будут составлять канон Нового Завета.

Часть вторая

ИИСУС И МАРИЯ МАГДАЛИНА

Глава пятая

Исторические источники об Иисусе

Как мы видели, в самом начале «Кода да Винчи» Дэн Браун утверждает как «факт», что «в книге представлены точные описания произведений искусства, архитектуры, документов и тайных ритуалов». В этой книге я веду речь не об искусстве, архитектуре или тайных ритуалах, а о тех документах, которые описывает Браун. Проблема в том, что большинство его читателей не обладают специальными знаниями для того, чтобы оценить то, что он говорит, например, о других евангелиях, которые не содержатся в Новом Завете, или о составлении Библии и роли в этом процессе Константина. Поэтому я считаю важным исправить эту ситуацию, насколько это возможно, опираясь на критическую историю и отделяя исторические факты от художественной фантастики. Как выясняется, многое из того, что говорит Браун о ранних христианских документах — по большей части устами своего эксперта по Граалю Лью Тибинга, — является не более чем частью сюжета его фантастического романа и не может считаться исторически достоверным.

Браун верно обращается к дошедшим до нас источникам для понимания исторической фигуры Иисуса. Многочисленные высказывания о том, каким в действительности был Иисус, и что он в действительности делал — а главное, тот факт, что он был женат на Марии Магдалине, имел с ней интимные отношения, результатом которых стало появление ребенка, — составляют историческую подоплеку романа. Без этих исторических ссылок сюжет потерял бы свое основание. Эти утверждения в отношении Иисуса предположительно основываются на документальных свидетельствах. Основной идеей романа является то, что четыре Евангелия Нового Завета не могут считаться предоставляющими исторически достоверную информацию о жизни Иисуса, в то время как существуют другие источники, которые *являются* достоверными. Их существованием мы обязаны тысячам свидетельств современников Иисуса. Как утверждает Лью Тибинг в разговоре с Софи Невё.

> — Иисус Христос был исторической фигурой, обладавшей огромным влиянием. Возможно, это самый загадочный и харизматический лидер, которого видел мир… Его жизнь была описана тысячами последователями по всему миру… Для включения в Новый Завет рассматривались свыше *восьмидесяти* евангелий, но лишь несколько из них удостоились чести быть представленными в этой книге, в том числе от Матфея, Марка, Луки, Иоанна (с. 280).

Мы уже имели возможность убедиться в том, что последнее утверждение — будто бы по меньшей мере восемьдесят евангелий состязались за право попасть в Христианскую Библию — неверно. Что насчет первого утверждения? Что случилось с этими тысячами свидетельств современников Иисуса? Тибинг чуть ниже утверждает, что все они были собраны вместе и уничтожены, когда Константин составлял Новый Завет.

> Поскольку Константин поднял статус Христа почти через четыреста лет после смерти последнего, успели накопиться тысячи документов, хроник жизни великого человека, где Он описывался как простой смертный. Константин понимал, что следует переписать эти исторические книги. Именно тогда и возник самый значимый момент в истории

> христианства… Константин финансировал написание новой Библии, куда не входили бы Евангелия, говорившие о человеческих чертах Христа, а включались те, где подчеркивалась божественная Его сущность. Все более ранние Евангелия были объявлены вне закона, затем собраны и сожжены на кострах (с. 283).

По версии Тибинга, выясняется, однако, что не все ранние документы были уничтожены. Таинственная секта, известная как Приорат Сиона, столетиями хранила тысячи свидетельств, а также останки Марии Магдалины. Эти тысячи документов хранились в «четырех огромных сундуках» и известны под названием «Бумаги пуристов». Как Тибинг позже поясняет Софи, это сокровище включает в себя тысячи страниц документов доконстантиновской эпохи, написанных самыми ранними последователями Христа. Там Иисус предстает как живой человек, учитель и проповедник. Ходят также слухи о том, что частью сокровища являются легендарные Q-документы — рукопись, существование которой признает даже Ватикан. Это книга проповедей Христа, предположительно написанная Его собственной рукой.

> Софи недоверчиво переспрашивает:
> — Написанная самим Христом?
> — Да, конечно, — кивнул Тибинг. — Почему бы Христу и не вести записей о своем пастырстве? Большинство людей в те времена так делали (с. 310).

Несмотря на утверждения Дэна Брауна, что его толкование документов достоверно, здесь мы вновь сталкиваемся с фантастикой, а не с исторической истиной. Я могу выделить следующие замечания по поводу наиболее очевидных надуманных утверждений: (1) Неправда, что тысячи современников Иисуса, являвшихся его последователями, оставили свидетельства о его жизни. Насколько нам известно, никто этого не сделал. Почти все его последователи были, по всей видимости, неграмотны. (2) Точно так же неверно, что большинство людей в те времена вели записи о своей жизни. Подавляющее большинство людей даже не умело писать. (3) Соответственно, нет никаких доказательств, что сам Иисус вел записи о своем пастырстве. Напротив, насколько нам известно, Иисус вообще никогда ничего не писал. (4) Q-документ не является источником, написанным Иисусом; это гипотетический документ, который, как предполагают ученые, содержал высказывания Иисуса, записанные примерно через двадцать лет после его смерти, и использовался в качестве источника для евангелий Матфеем и Лукой (что мы рассмотрим чуть позже).

Я хочу подчеркнуть, что не возражаю против фантазий Дэна Брауна по поводу ранних христианских документов как части сюжета; проблема в том, что он выдает свои фантазии за исторически достоверные факты, и читатели, незнакомые с историей раннего христианства, естественно, поверят ему на слово. Однако фантастика значительно преобладает над фактами не только в сюжете «Кода да Винчи», но и в рассуждениях Брауна о ранних документальных свидетельствах, касающихся Иисуса.

В следующей главе мы рассмотрим, что мы действительно знаем об Иисусе — что он говорил и делал (например, был ли он женат, имел ли интимные отношения с Марией Магдалиной и ребенка от нее). В этой же главе меня больше интересует вопрос об источниках, из которых мы можем почерпнуть эту информацию. Были ли свидетельства об Иисусе, написанные на протяжении его собственной жизни? Существуют ли источники, не вошедшие в Новый Завет, которые могут поведать факты из его жизни? А документы, содержащиеся в Новом Завете, — будут ли они нам хоть сколько-нибудь полезны в наших

поисках информации об исторической фигуре Иисуса? Являются ли Евангелия Нового Завета, к примеру, историческими свидетельствами — или и они представляют собой не более чем художественную фантастику? Нам лучше начать с того, чего мы *не* имеем в качестве источников для описания жизни исторической фигуры Иисуса, а затем рассмотреть доступные источники, причем рассмотреть критически, чтобы составить наиболее достоверную историческую картину.

Наша потребность в источниках

Прежде всего необходимо вновь заострить внимание читателя на том тезисе, который я выдвинул во введении: каждый, кто говорит что-либо об Иисусе (так же как и о любой другой исторической фигуре), должен обладать источником информации. Казалось бы, очевидная вещь — видимо, не для всех. Люди постоянно говорят множество вещей об Иисусе — священники, телепроповедники, историки, теологи, учителя воскресных школ, миссионеры, наши соседи. Откуда все они столько знают — или имеют такое разнообразие мнений — о том, кем в действительности был Иисус? В реальности люди не могут знать ничего об Иисусе, если не узнали это из какого-то источника. Вернее, здесь может быть два варианта (применимых, опять-таки, ко всему, что касается прошлого): либо они узнали что-то из какого-то источника, либо придумали это сами.

Проблема, конечно, заключается в том, что большинство людей в своих заявлениях по поводу Иисуса не опираются ни на какие древние исторические источники. Многие люди услышали то, что они знают, или думают, что знают, от других людей (например, от священника или из телепередачи). Но откуда тяг люди получили свою информацию? Как правило, от других людей. А они? Опять от других. И так до бесконечности.

В конечном итоге цепочка восходит либо к историческому источнику, либо к человеку, который это все придумал.

Даже исторические источники, однако, были написаны людьми. Откуда авторы этих исторических источников брали свою информацию? Те же варианты — либо от других, либо из собственного воображения. Тот факт, что источник древний, еще не говорит о его обязательной достоверности; он говорит лишь о том, что этот источник старше нынешних. Поразмыслив, вряд ли кто-то будет всерьез сомневаться в этом — просто многие люди никогда об этом не задумывались. Ведь мы знаем, вследствие конструктивного сомнения, что даже древние источники, близкие кое временам Иисуса, иногда излагали придуманную информацию (или опирались на свидетельства людей, придумавших ее). В противном случае, все истории, которые мы обсуждали в третьей главе, были бы исторически достоверными — и о том, что пятилетний Иисус действительно мог заколдовать товарищей по игре, и о том, как он восстал из гробницы, огромный, как небоскреб, а за ним следовал говорящий крест, как повествует нам Евангелие от Петра. Но все признают эти истории выдумкой. Что означает, что их когда-то кто-то придумал.

Поскольку все истории об Иисусе в конечном итоге восходят к тому или иному источнику, вопрос, естественно, заключается в том, какие из этих источников являются исторически достоверными. Существуют ли источники, действительно содержащие историческую информацию, а не полеты фантазии, питаемой обожанием? И как нам узнать, каким источникам можно доверять? Это те вопросы, с которыми сталкиваются историки при попытке установить факты из жизни Иисуса. Эти факты не могут быть основаны на простых слухах или историческом воображении. Они должны основываться на надежных

источниках. Но какие у нас есть источники, и как нам выявить из них историческую информацию?

Как мы вскоре увидим, древнейшими и лучшими источниками, которые имеются в нашем распоряжении для описания жизни Иисуса — несмотря на страстные уверения Лью Тибинга, — являются четыре Евангелия Нового Завета, от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Это не просто мнение христианских историков, которые вообще высоко ценят Новый Завет и его историческую достоверность; так считают все серьезные историки, изучающие древность, — от убежденных христиан-евангелистов до закоренелых атеистов. Другими словами, это мнение не является пристрастным воззрением кучки наивных мечтателей; это вывод, к которому пришел каждый из тех сотен (а может, и тысяч) ученых, которые занимались проблемой того, что же действительно произошло в жизни исторической фигуры Иисуса, ученых, которые (в отличие от Лью Тибинга и его создателя Дэна Брауна) изучали греческий и иврит — языки Библии, — а также другие имеющие отношение к делу языки, такие как латинский, сирийский и коптский, ученых, которые читали древние источники на древних языках и знают их вдоль и поперек. Можно сожалеть о том, что нет других, более надежных источников, но в конечном итоге именно канонические источники содержат наиболее полную и достоверную информацию. Я не хочу сказать, что при изучении этих источников не возникает проблем. На самом деле они напичканы проблемами, и читатель сам сможет в этом убедиться. Но при критическом подходе из них можно почерпнуть важную информацию о том, что Иисус действительно говорил и делал.

Однако прежде чем перейти к этим свидетельствам о жизни Иисуса, что мы можем сказать о других дошедших до наших дней источниках, не входящих в Новый Завет?

Неканонические источники

К сожалению, как я уже отмечал, в нашем распоряжении нет ни единого слова, написанного собственноручно Иисусом. И, несмотря на утверждения Лью Тибинга, у нас нет тысяч документов, написанных о нем его современниками. Нет даже сотен, даже десятков. У нас вообще нет *ни одного* документа, написанного каким-либо свидетелем жизни Иисуса. Это кажется нелогичным: тот, кто был так значителен — у кого было столько последователей, союзников и врагов, кто совершал такие невероятные поступки и распространял такое неординарное учение, кто создал великую мировую религию со многими миллионами последователей на протяжении веков, — должен был быть на устах всей Римской империи. И люди должны были писать о нем. До нас должно было дойти *что-то* из его дней!

Но нет, к несчастью, у нас нет ничего. Ни одного свидетельства ученика (мы вскоре рассмотрим Евангелия Нового Завета), ни одного свидетельства врага из фарисеев или саддукеев, ничего в свитках Мертвого моря, ни слова, записанного римским гражданином или представителем имперской власти. Нет данных о его рождении, нет записей очевидцев его чудес, нет протокола суда над ним, нет записей того времени о его смерти. Все наши источники более поздние.

Обычно эти (более поздние) неканонические источники, касающиеся жизни Иисуса, подразделяют на языческие (подразумевая, что их автор был греком, римлянином или кем-то еще, кроме иудея или христианина), иудейские и христианские.

Языческие источники

Многих людей удивляет, когда они узнают, что в дошедших до нас языческих источниках нет ничего о том, что Иисус говорил и делал. Как я уже указывал, проповедническая деятельность Иисуса приходится на 20-е годы первого столетия. Предположим, мы расширим сферу нашего исследования до всего первого столетия — то есть где-то до тридцати лет жизни Иисуса и последующих семидесяти лет. Что уцелевшие языческие источники могут рассказать нам о нем? Как выясняется, нет ни одного языческого источника того периода, в котором говорилось бы *хоть что-то* о нем. Это отнюдь не означает, что до нас не дошли языческие документы первого столетия. Напротив, у нас их множество — записи историков, экспертов по религии, философов, поэтов, ученых, лиц, занимавших административные должности; личные письма (сотни); предписания, висевшие в общественных местах. Ни в одном из этих многочисленных источников нет рассуждений об Иисусе. На самом деле, его имя вообще ни разу не упоминается ни в одном языческом источнике первого столетия.

Первое упоминание об Иисусе в языческом источнике датируется 112 г. н. э. и принадлежит перу правителя одной из римских провинций по имени Плиний. В письме, написанном им римскому императору Траяну, Плиний указывает на то, что в его провинции есть «христиане», которые незаконно собираются для «поклонения Христу как Богу»[35]. Это все, что он говорит непосредственно об Иисусе. Это первое упоминание о нем в языческом источнике, сделанное спустя восемьдесят лет после его смерти. Несколькими годами позже Иисус упоминается римским историком Тацитом, который действительно указывает несколько фактов о нем, а конкретно, что он жил в Иудеи, где и был распят за нарушение общественного порядка римским прокуратором Понтием Пилатом (который управлял Иудеей с 26 по 36 г.) в период правления императора Тиберия.

Если мы ограничиваем период нашего исследования первым столетием после жизни Иисуса, это единственные упоминания о нем в имеющихся языческих источниках. Очевидно, здесь не от чего оттолкнуться, если мы хотим знать, что Иисус действительно говорил и делал.

Иудейские источники

Вы, наверное, ожидаете, что Иисус чаще упоминается в нехристианских иудейских источниках первого века, поскольку он все-таки был евреем. К сожалению, и здесь не больше. Конечно, до нас дошло не так много иудейских источников того времени, как языческих, но некоторые имеются в нашем распоряжении. Среди них записи известного иудейского философа Фила Александрийского и иудейского историка Иосифа Флавия. Фил ни разу не упоминает Иисуса, как все остальные источники того времени, кроме Иосифа. Иосиф был автором ряда работ, часть из которых дошла до наших дней, в том числе история иудеев в двадцати томах, с самого начала (от Адама и Евы) до его дней, то есть до конца первого столетия (он написал этот труд в 93 г. н. э.). В этом трактате он описывает достаточно много выдающихся д ля иудаизма личностей, в том числе несколько своих современников (в том числе несколько людей по имени Иисус). И, как выясняется, он действительно дважды упоминает Иисуса из Назарета. В первом случае он пишет о мужчине по имени Иаков, который был «братом Иисуса, называемого мессией». Это все, что он говорит о нем в этом упоминании. Во втором случае, однако, он дает больше информации: что Иисус известен как творец «удивительных дел», что у него были последователи среди греков и иудеев, что он был доставлен к Понтию Пилату «лидерами» иудейского народа, что

он был распят и что на момент написания трактата у него все еще были последователи[36]. К сожалению, никакой другой информации о жизни Иисуса Иосиф не дает.

За сто лет, прошедших после смерти Иисуса, это все, что мы можем узнать из нехристианских источников. Так что, если мы хотим знать больше о том, что Иисус говорил и делал, нам придется довольствоваться христианскими источниками.

Христианские источники

Как мы видели, Лью Тибинг настаивает на том, что были тысячи таких источников, созданных при жизни Иисуса. Если они когда-то и были, то ни один не дошел до наших дней. Хотя у историков есть серьезные основания для того, чтобы считать, что такие источники никогда не существовали.

Необходимо задуматься на минуту о природе проповеднической деятельности Иисуса в той форме, в какой она нам известна из немногочисленных источников, дошедших до нас. Иисус был из галилейской деревни. Его последователи были по большей части сельскими жителями из низших иудейских слоев — возможно, крестьяне (вспомним все сравнения с семенами, растениями, деревьями и урожаем), рыбаки и тому подобный люд. И эти люди вели записи о его жизни? Проблема в том, что историки пришли к выводу, что подавляющее большинство населения во времена Иисуса было неграмотным, не умевшим ни читать, ни писать. Сейчас сложно установить уровень грамотности в древности, но в наиболее авторитетном современном исследовании, выполненном профессором Университета Колумбия Уильямом Харрисом, указывается, что даже в лучшие времена античности (например, в Афинах в пятом веке до Рождества Христова, когда творили Сократ и Платон) лишь 10–15 процентов населения были хоть отчасти грамотны (умели читать и, возможно, подписывать простые документы типа контрактов)[37]. Высокого уровня грамотности, такого как в современном западном мире, в античности не было — тогда правительственным или частным структурам не приходило в голову выделять значительные ресурсы, требуемые для того, чтобы все умели читать и писать (всеобщая грамотность начала распространяться лишь с промышленной революцией). Это означает, что в лучшие времена 85–90 % населения были неграмотны. Умели же читать и, возможно, писать (что требует более длительного обучения) лишь представители высших классов, обладавшие ресурсами и желанием обучать своих детей. Уровень грамотности был еще ниже в таких местностях, как галилейская деревня, где большинство населения составляли малообеспеченные крестьяне, рыбаки или ремесленники, которым не было необходимости учить свой алфавит[38].

Так что же насчет последователей Иисуса? Единственное ясное упоминание о степени их грамотности содержится в Деяниях святых апостолов, где указывается, что двое из основных учеников, Петр и Иоанн, были, по сути, неграмотны (Деян:13). Что насчет остальных? У нас нет причин полагать, что с ними дело обстояло по-другому. Так что у нас не только нет тысяч свидетельств об Иисусе, написанных его последователями при его жизни, у нас есть серьезные основания полагать, что этих тысяч свидетельств никогда не существовало — даже сотен, десятков, вообще… ни одного.

Все свидетельства, которые у нас есть, принадлежат более поздним авторам. Поражает, что эти авторы не входили в состав непосредственно приближенных к Иисусу последователей. Взять хотя бы четыре Евангелия Нового Завета, которые мы весьма вскоре рассмотрим. Они написаны на греческом, блестяще образованными авторами, где-то через тридцать-шестьдесят лет после смерти Иисуса. А последователями Иисуса были крестьяне

из Галилеи, говорившие по-арамейски и вряд ли знавшие греческий, и уж тем более не умевшие составлять повествования (или даже читать) по-гречески. Евангелия Нового Завета были, очевидно, написаны не ближайшими последователями Иисуса при его жизни, а десятилетия спустя, более образованными христианами, которые основывались на устных рассказах, бытовавших в те годы после его смерти[39].

Но прежде чем обратиться к этим Евангелиям, какие у нас есть еще христианские источники, не входящие в Новый Завет?

Наиболее важными являются другие евангелия, в том числе те, которые мы уже обсуждали — относительно ранние копии таких текстов как Евангелие детства от Фомы, Евангелие от Петра, Коптское Евангелие от Фомы и т. д. И когда я говорю «относительно» ранние, я имею в виду, что они были написаны в течение примерно двухсот лет после смерти Иисуса. Это даже близко не свидетельства современников. Они появились через многие десятилетия, возможно, более чем через сто лет, после смерти Иисуса. Более того, как мы видели, эти свидетельства носят характер легенды, а не исторического описания, которое мы хотели бы получить, чтобы понять, каким был Иисус, что он говорил и делал. Это относится также и к документам, которые мы будем обсуждать в следующей главе, — Евангелиям от Филиппа и Марии, в которых действительно упоминается об отношениях Иисуса с Марией Магдалиной, но которые также были более поздними работами второго (или третьего) века, а не записями свидетелей событий жизни Иисуса.

Таким образом, историки, изучающие жизнь Иисуса, вынуждены ограничиваться — по большей части вследствие природы наших источников — теми, что являются каноническими. Возможно, можно еще прибавить несколько неканонических свидетельств, таких как Евангелия от Фомы и Петра. В следующей главе мы увидим, как эти источники могут быть использованы для установления того, что говорил и делал Иисус. Однако прежде чем перейти к ним, мы должны сказать еще несколько слов об источниках, которые попали в Новый Завет.

Канонические источники

Возникает естественный вопрос: могут ли другие книги Нового Завета быть использованы для установления фактов из жизни Иисуса. В конце концов, в Новом Завете двадцать семь книг, и лишь четыре из них являются Евангелиями. Что насчет остальных двадцати трех?

К сожалению, эти книги содержат очень мало информации о жизни Иисуса, поскольку они написаны по другим причинам и на другие темы. Есть *малочисленные* упоминания о вещах, которые Иисус говорил и делал, принадлежащие перу Павла (этим именем подписаны тринадцать посланий Нового Завета). Он сообщает нам, что Иисус был рожден от женщины (что представляет для нас не особенный интерес, поскольку вряд ли можно предположить другой вариант), что у него было двенадцать последователей и несколько братьев (одного из которых звали Иаков), что он вел проповедническую деятельность среди евреев, что созвал Тайную Вечерю, был передан властям и распят[40]. Еще Павел упоминает пару высказываний Иисуса: одно о том, чтобы платить священникам, другое о том, чтобы не разводиться (1 Кор. 9:14; 7:11). Но кроме этого Павел ничего не говорит о жизни и учении Иисуса. Другие авторы Нового Завета говорят еще меньше: у них были другие задачи, не связанные с изложением деталей жизни Иисуса.

Таким образом, нравится нам это или нет, являемся мы убежденными христианами или

нет, являемся ли мы историками, телепроповедниками, священниками, учителями воскресных школ или простыми обывателями, испытывающими интерес к жизни Иисуса (и к таким вещам, как его предположительный брак с Марией Магдалиной), независимо от нашей жизненной ситуации и личных убеждений, — мы практически ограничены Евангелиями Нового Завета в нашей попытке узнать, что говорил и делал Иисус.

Евангелия Нового Завета

Но даже эти свидетельства, как мы уже видели, не лишены проблем для историков, пытающихся понять, что же в действительности произошло. В этом смысле Лью Тибинг абсолютно прав: эти Евангелия не являются беспристрастными историческими записями, которые просто сообщают, что на самом деле имело место. Евангелия Нового Завета — хотя и являются древнейшими и лучшими свидетельствами о жизни Иисуса — были написаны более поздними его последователями, которые стремились внести свою собственную лепту в события, о которых рассказывали.

Большинство людей — читатели «Кода да Винчи», наряду со многими другими, впрочем, — не осознают этого, просто принимая на веру, что Матфей, Марк, Лука и Иоанн представляют исторически достоверные повествования о вещах, которые говорил и делал Иисус. Но ученые уже давно установили, что это не так, что даже эти Евангелия проблематичны как исторические источники (хотя они и *не являются* проблематичными как теологические документы Церкви, предписывающие верующим, *что* они должны думать об исключительности жизни Иисуса и значении его смерти).

Но разве эти свидетельства не были записаны очевидцами, людьми, которые действительно присутствовали при тех событиях из жизни Иисуса, которые они излагают? Как я уже отмечал, похоже, что это не так. Напротив, авторы этих Евангелий и не заявляют, что они были очевидцами.

Мы, конечно, называем эти книги Евангелиями от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. На протяжении веков христиане верили, что они действительно были написаны этими людьми: двумя учениками Иисуса — Матфеем, сборщиком податей (см. Мф 9:9), и Иоанном, «любимым учеником» (Ин 21:24), — а также двумя спутниками апостолов — Марком, записывавшим за Петром, и Лукой, странствовавшим с Павлом. В конце концов, ведь именно эти имена содержатся в названиях данных книг. Но многие не знают, что эти названия были приписаны позже, христианами второго века, спустя десятилетия после того, как были написаны сами книги, чтобы утвердить их апостольское происхождение. Зачем это было сделано? Вспомните то, что я говорил о создании Нового Завета: лишь апостольские книги могли в него войти. Так что же оставалось делать с Евангелиями, которые все читали и считали авторитетными, но которые на самом деле были написаны анонимно — все четыре Евангелия Нового Завета? Их пришлось связать с апостолами, чтобы включить в канон, поэтому их подписали апостольскими именами.

Но сами книги были анонимными (не подписанные никакими именами). Если теперь вы их прочтете, вы это увидите. Нигде в этих книгах нет повествования от первого лица, когда автор говорит что-нибудь вроде «Потом Иисус и я пошли в Иерусалим, где мы…». Эти книги всегда ведут рассказ от третьего лица, о том, что *другие* люди делали — даже Евангелия от Матфея и Иоанна, которые предположительно были написаны спутниками Иисуса[41]. И названия, очевидно, не являются изначальными составляющими книг. Кто бы ни назвал первое Евангелие «Евангелием, составленным Матфеем», это был явно не автор, а

другой человек, который говорит нам, кто, по его мнению, написал эту книгу. Если бы автор давал своей книге название, он бы не говорил, кем «составлена» книга; он бы назвал ее как-нибудь вроде «Евангелие о жизни Иисуса Христа».

Более того, как я уже отмечал, все эти четыре автора — высоко образованные, говорящие по-гречески христиане, жившие примерно в конце первого века, а не говорящие по-арамейски крестьяне, которые были учениками Иисуса.

Это, конечно, не говорит о том, что Евангелия излагают недостоверную информацию. Они могли быть написаны позже, не очевидцами, но при этом содержать исторические факты из жизни Иисуса. Но есть также серьезные основания полагать, что, наряду с предоставлением ряда исторических фактов, эти книги также изменяют факты, чтобы обосновать важные религиозные заявления по поводу Иисуса. В данный момент, однако, нам достаточно просто отметить, что эти книги были написаны не спутниками Иисуса, а более поздними христианами.

А поскольку даже они должны были обладать источниками, содержащими информацию об Иисусе (поскольку каждый, кто говорит что-либо о нем, или имеет источник или придумал это), возникает вопрос: где они брали информацию? К счастью, один из авторов, Лука (я продолжу называть их традиционными именами, хотя истинную личность этих людей мы установить не можем), указывает в начале своего Евангелия, какие источники он использовал: более ранние письменные свидетельства об Иисусе и устную традицию (Лк 1:1–4). К сожалению, большинство этих более ранних источников исчезли. Но они исчезли не бесследно. Ученые убеждены в существовании двух источников, которые были доступны Луке и Матфею[42]. Первым источником, как это ни странно, является Евангелие от Марка. В девятнадцатом веке ученые, занимающиеся Новым Заветом, установили, что Марк первым написал свое Евангелие, вероятно около 65 или 70 г. н. э., а также что и Матфей, и Лука, писавшие десять или пятнадцать лет спустя, использовали произведение Марка при изложении многих из своих рассказов об Иисусе. Вот почему все три Евангелия так часто рассказывают те же истории, порой в тех же самых словах. Разве могло быть так много негласного согласия между этими тремя биографами Иисуса? Двое из них копировали третьего для написания ряда своих историй.

Но у Матфея и Луки есть другие общие истории, которые не содержатся в Евангелии от Марка. Откуда взялись они? Вот здесь в игру вступает гипотеза о существовании ныне утерянного Евангелия — Q. Это не было, как утверждает Лью Тибинг, Евангелием, написанным собственноручно Иисусом как хроники его пастырской деятельности. Q является условным названием, используемым учеными, занимающимися Новым Заветом, для обозначения гипотетического источника, доступного Матфею и Луке (но недоступного Марку и Иоанну), который содержал наиболее знаменательные места из учения Иисуса, в том числе Молитву Господню и учение о Благодати, упомянутые Матфеем и Лукой, но не Марком. (Q является аббревиатурой немецкого слова *Quelle*, означающего «источник».)

Таким образом, истории Матфея, Марка и Луки столь похожи оттого, что они использовали ряд одних и тех же источников. Наряду с этим, однако, и у Матфея, и у Луки есть истории, не встречающиеся больше ни в одном другом Евангелии. Это позволило ученым утверждать, что у каждого из этих авторов был доступ к другим источникам, написанным ранее и не дошедшим до нас, а также к устным рассказам о жизни Иисуса. Эти источники условно названы M (источник, использовавшийся Матфеем) и L (источник, использовавшийся Лукой).

Но что насчет Иоанна? Евангелие от Иоанна очень отличается от трех других. Оставляя в стороне рассказ о страстях (о страданиях и смерти Иисуса), мы можем отметить, что большинство остальных деяний и высказываний Иисуса описаны Иоанном, и только им, равно как деяния и высказывания, описанные тремя более ранними Евангелиями, не упоминаются Иоанном. Таким образом, Иоанн использовал другие письменные и устные источники, также не дошедшие до наших дней[43].

Итак, я высказал мои мысли по поводу письменных источников, легших в основу четырех Евангелий. Но на чем основывались *эти*, ныне утерянные источники? В конечном итоге, если спутники Иисуса не записывали то, что он говорил и делал на протяжении своей жизни, истории об Иисусе должны восходить к устной традиции. Другими словами, после (или еще до) смерти Иисуса, его ученики рассказывали истории из его жизни так, как они их запомнили; затем люди, которым они рассказывали эти истории, передавали их другим, а эти другие дальше, и так далее. Устные рассказы о жизни Иисуса продолжались годами — десятилетиями, — пока кто-то не догадался записать их (например, Марк или Q). Таким образом, в конечном итоге наиболее ранние письменные свидетельства, дошедшие до нас, и те письменные источники, на которых они были основаны, восходят к историям, передававшимся из уст в уста год за годом, десятилетие за десятилетием.

Именно это вызывает серьезные проблемы для историков, которые пытаются установить, что именно происходило в жизни Иисуса. У нас нет свидетельств, записанных при его жизни, — лишь более поздние свидетельства, записанные людьми с устных рассказов, на протяжении стольких лет передававшихся из уст в уста. Но что, однако, происходит при этом с историями? Вы или ваши дети наверняка играли в испорченный телефон. Дети садятся в круг, один ребенок рассказывает шепотом историю своему соседу, тот пересказывает ее другому, и дальше по кругу, пока история не вернется к первому ребенку, — и теперь это уже совершенно другая история. (Если бы история не становилась другой, не было бы смысла играть.)

А теперь представьте, что игра в испорченный телефон происходит не в комнате между десятком детей, которые все принадлежат одной эпохе и говорят на одном языке, а между сотнями людей, живущих в разных странах, говорящих на разных языках, находящихся в разных жизненных ситуациях, имеющих различные проблемы и потребности, — и все они рассказывают истории в контексте личного мировосприятия. Что произойдет с этими историями? Некоторые из них могут остаться относительно нетронутыми, но многие из них будут изменены, и изменены коренным образом. А еще ряд историй люди просто придумают по случаю, и они будут рассказываться и пересказываться, пока и их не изменят.

Могло ли подобное произойти с историями об Иисусе, передававшимися из уст в уста на территории всей Римской империи, на протяжении десятилетий после его смерти, до того, как они были записаны? Ученые, занимающиеся античностью, не просто уверены, что подобное могло произойти, у них есть доказательства того, что это действительно произошло. Эти доказательства основаны на самих историях в том виде, в котором они записаны. Как я уже отмечал, некоторые Евангелия рассказывают одни и те же истории об Иисусе, слово в слово (поскольку в них использованы одни источники). Многие истории различны. Некоторые истории лишь слегка отличаются друг от друга, в них изменены одна-две детали. Но некоторые истории отличаются сильно. А ряд историй вообще придуман. По этому поводу соглашаются все — в противном случае, пришлось бы признать, что Иисус действительно зачастую заколдовывал товарищей, или что он действительно восстал из

гробницы, и был при этом высоким, как небоскреб. Но ведь этого не было. Откуда тогда взялись эти истории? Их, очевидно, придумали.

Даже Евангелия Нового Завета содержат истории, которые были коренным образом изменены или даже придуманы. Это становится очевидным, когда читаешь разные евангелия и в деталях сравниваешь истории, содержащиеся в них. Вот Иисус родился, а была ли его семья из Назарета (как у Луки) или из Вифлеема (как у Матфея)? Иосиф и Мария бежали в Египет после его рождения (как у Матфея) или вернулись в Назарет месяц спустя (как у Луки)? Если проходила всеобщая перепись населения (как у Луки), почему ни один другой древний источник не упоминает об этом (в том числе, Матфей)? И как мы можем представить, что перепись проходила так, как описывает ее Лука, когда каждый должен был вернуться в местность, где жили его предки, чтобы записаться, — так что Иосифу пришлось вернуться в Вифлеем, где был рожден его предок Давид, за тысячелетие до этого? Если бы сегодня проходила такая перепись, и вам надо было бы вернуться на родину предков, живших за тысячелетие до вас, куда бы *вы* пошли? А взять рассказы о смерти Иисуса! Почему Иоанн указывает, что Иисус умер в день, когда готовились к Пасхе (Ин 19:14), а Марк указывает, что он умер на следующий день после Пасхи (Мк 14:12; 15:25)? Почему Марк говорит, что Симон Киринеянин нес крест Иисуса (Мк 15:21), а Иоанн — что Иисус весь путь нес крест сам (Ин 19:27)? Почему Марк пишет, что Иисус ничего не говорил на протяжении всей казни, как если бы был в шоке, а Лука — что он неоднократно вступал в разговоры, как по дороге на место распятия, так и на кресте? А как быть с пастырской деятельностью Иисуса? Почему Матфей указывает, что Иисус отказывался производить знамения, чтобы доказать, кто он (Мф 12:38–39), когда, согласно Иоанну, Иисус большую часть своего времени именно это и делал (Ин 4:54; 20:31)? Почему ученики никогда не понимают, кто такой Иисус в Евангелии от Марка, но сразу же понимают это в Евангелии от Иоанна? Почему Иисус никогда не говорит о том, кто он, у Марка, а у Иоанна не говорит практически больше ни о чем? Почему Иисус очищает Храм в конце своей жизни, согласно первым трем Евангелиям, а у Иоанна это буквально первое, что он делает, приступив к пастырству?

Мы можем бесконечно продолжать разговор о различиях между Евангелиями, но нам лучше оставить его[44]. Здесь я хочу лишь подчеркнуть, что, поскольку наши Евангелия основываются на устных традициях, свидетельства, которые у нас есть, отражают истории, измененные по мере того, как они пересказывались, год за годом, пока христианские авторы конца первого века не записали их.

Это относится ко всем историям о Иисусе и его спутниках — не только о мужчинах, двенадцати учениках, но и о женщинах, в том числе о Марии Магдалине. Принимая во внимание природы наших источников, как мы можем узнать о взаимоотношении Иисуса с окружающими? Как мы можем, например, узнать о его отношении к женщинам? Или о степени его близости с Марией Магдалиной? Или о том, был ли он когда-либо женат? Или о том, занимался ли он когда-нибудь сексом и был ли у него ребенок? Учитывая, что Евангелия Нового Завета являются нашими самыми надежными источниками, но даже они проблематичны с исторической точки зрения, как нам установить, что Иисус действительно говорил, делал и испытывал в жизни?

Очевидно, нам необходимы некоторые точные исторические критерии, если мы хотим получить достоверную информацию из подобных источников. В следующей главе я объясню, какие критерии выработали ученые для установления фактов из жизни Иисуса, а в

седьмой главе я сопоставлю эти факты с заявлениями «Кода да Винчи» о том, что Иисус был близок со своими последовательницами, в том числе с Марией Магдалиной, на которой он был якобы женат и от которой якобы имел ребенка.

Глава шестая

Фигура Иисуса в наших источниках

На протяжении всего «Кода да Винчи» делаются заявления об исторической фигуре Иисуса — говорится, что он был смертным пророком, был женат на Марии Магдалине, имел от нее ребенка, дал ей инструкции по поводу того, как управлять Церковью после его смерти, и т. п.

Как сообщает Тибинг Софи в начале их разговора в его гостиной: -

> — Моя дорогая, — торжественно объявил Тибинг, — до этого исторического момента Иисус рассматривался Его последователями как смертный пророк… человек, безусловно, великий и влиятельный, но всего лишь *человек.* Простой смертный.
>
> — Не сын Бога?
>
> — Да! — радостно воскликнул Тибинг. — Только на Никей-ском соборе Христос был провозглашен и официально признан сыном Божиим. В результате голосования (с. 282).

Затем он указывает, что Иисус не был просто смертным пророком, а был человеком, в полном смысле этого слова, с серьезными межчеловеческими отношениями, наиболее значительными из которых были его отношения с Марией

Магдалиной, несмотря на попытки более поздних христианских авторов скрыть этот факт:

> — Как я уже говорил, — принялся объяснять сэр Тибинг, — церковники старались убедить мир в том, что простой смертный, проповедник Иисус Христос, являлся на самом деле *божественным* по природе своей существом. Потому и не вошли в Библию Евангелия с описанием жизни Христа как *земного* человека. Но тут редакторы Библии оплошали, одна из таких земных тем до сих пор встречается в Евангелиях. Тема Марии Магдалины. — Он сделал паузу. — А именно: ее брак с Иисусом (с. 296).

Гарвардский специалист по символике Роберт Лэнгдон также разделяет убеждение, что Иисус был, по всей видимости, женат:

> — Иисус как человек женатый наделен куда большим значением и смыслом, нежели привычный нам стандартный библейский образ Иисуса-холостяка.
>
> — Это почему? — удивилась Софи.
>
> — Потому что Иисус — еврей, — ответил Лэнгдон… — А негласные социальные законы того времени запрещали еврейскому мужчине ходить в холостяках. Согласно иудейской традиции, безбрачие не поощрялось, долгом каждого добропорядочного еврея было найти себе жену, чтобы та родила ему сына. Если бы Иисус не был женат, то по крайней мере хотя бы в одном из библейских Евангелий должен быть упомянут этот факт, а также приведено объяснение, почему Иисус оставался холостяком (с. 297).

В соответствии со словами Тибинга и Лэнгдона, Иисус был не только женат на Марии Магдалине, но и планировал, что она, а не Петр, возглавит христианскую Церковь после его смерти. Тибинг следующим образом интерпретирует ключевой абзац одного из неканонических Евангелий:

> Во многих Евангелиях сказано, что именно в тот момент Иисус и заподозрил, что скоро Его схватят и распнут на кресте, И он наказывает Марии, как править Его Церковью после того, как Он уйдет… Согласно всем этим изначальным Евангелиям, Христос давал указания о том, как строить Церковь, вовсе не Петру. А Марии Магдалине (с. 300).

Мария должна была не только продолжить дело Иисуса, она еще была той, благодаря которой сохранилось потомство Иисуса. Потому что она якобы носила его ребенка:

> — Согласно Приорату, — продолжил Тибинг, — Мария Магдалина была беременна, когда Христа распяли. Чтоб спасти еще не рожденное дитя Иисуса, она покинула Святую землю (с. 309).

Есть ли хоть доля исторической правды в этих утверждениях об Иисусе и Марии, или это лишь часть художественной фантастики «Кода да Винчи»? Единственный способ разрешить эту проблему — задаться вопросом: а как вообще мы можем узнать что-то об исторической фигуре Иисуса?

Как мы поняли из предыдущей главы, единственным способом узнать что-либо об Иисусе или о ком-либо другом из прошлого, является изучение источников информации. Как мы видели, основными источниками в данном случае являются Евангелия Нового Завета и, возможно, ряд неканонических евангелий, которые также могут содержать ценную информацию о его жизни. Но эти источники нельзя изучать некритически, поскольку, как мы видели, даже наиболее ранние источники (например, Марк и гипотетический документ Q) были написаны через десятилетия после событий, которые в них описываются, к тому же они основывались на устной традиции, передававшейся годами людьми, которые перевирали истории из жизни Иисуса. Это означает, что ко *всем* имеющимся у нас источникам необходимо относиться со здоровым скептицизмом. Мы должны подходить к ним осторожно и методично, если хотим получить достоверную информацию. Ведь нам нужны не *измененные* свидетельства о жизни Иисуса, а *изначальная* информация: что Иисус действительно говорил, делал и испытывал в своей жизни.

Как мы можем получить такую информацию, чтобы оценить заявления, сделанные Лью Тибингом, Робертом Лэнгдоном (или Дэном Брауном или кем-либо еще, пытающимся утверждать что-то об исторической фигуре Иисуса)? Ведь есть ученые, которые посвятили всю свою жизнь тому, чтобы понять, что же произошло в жизни Иисуса. Это высоко образованные ученые, которые читали все источники на оригинальных языках (греческом, арамейском, латинском и т. д.). Им известно о каждом упоминании об Иисусе в древних источниках. И они разработали методы оценки всей информации с целью определить, что является исторически достоверным, а что нет. Большая часть их теории не представляет для нас интереса. Но выводы, к которым они пришли, для нас крайне важны. Здесь я попытаюсь изложить в доступной форме те методы, которые разработали ученые для восстановления событий из жизни Иисуса, напоминая читателю о том, что за всем этим лежит скрупулезный труд этих самых ученых.

Методы реконструкции жизни Иисуса

Ученые единодушно соглашаются по поводу ряда критериев, которые должны быть применены к нашим источникам, если мы хотим понять, что же происходило в жизни Иисуса. Нижеприведенные четыре критерия являются одними из наиболее важных[45].

Самое раннее

Все истории об Иисусе — в том числе те, в которых описываются его отношения с Марией Магдалиной и другими людьми, — были изменены по мере того, как их пересказывали люди, обладавшие своими убеждениями и мировоззрением, поэтому более ранние источники содержат информацию в менее измененном виде, чем более поздние. Причина очевидна: до написания ранних источников было меньше времени, чтобы изменить события, чем до написания более поздних. Именно поэтому ученые, занимающиеся жизнью Иисуса, в большей степени используют Евангелие от Марка и Q, чем Евангелия от Иоанна и Фомы. Два последних были созданы спустя десятилетия после двух первых, поэтому вероятность того, что в них содержится достоверная информация, снижается.

Тем не менее, поскольку все наши источники являются *относительно* поздними (то есть не написаны при жизни Иисуса), мы не можем просто принять то, что в них сказано, как исторически достоверную информацию. И в них есть истории, видоизмененные в процессе пересказа. Поэтому нам нужны дополнительные критерии.

Основанное на совпадающих свидетельствах

Ученым, которые занимаются реконструкцией событий из жизни Иисуса, очень помогает, когда они обнаруживают ранние источники, которые *независимо друг от друга* излагают одну и ту же информацию. Если два или более не связанных между собой источника содержат одни и те же свидетельства о жизни Иисуса, это говорит о том, что ни один из авторов не придумал информацию, — она в этом случае должна была поступить из еще более раннего источника, возможно, из современного Иисусу описания его жизни. Очень важно, однако, отметить, что для применения этого критерия необходимо, чтобы источники были независимыми друг от друга. Если, например, у Матфея, Марка и Луки описаны одни и те же события, это *не* является информацией, независимо описанной тремя источниками, поскольку Матфей и Лука заимствовали свои истории у Марка. В данном случае у нас лишь *один* источник, описывающий эти события, а не несколько. Но если история описана, скажем, Марком, Q и Фомой, которые *являются* независимыми друг от друга, то можно сделать вывод, что история заимствована из еще более раннего источника, доступного им всем.

Позвольте привести пару примеров. (1) В независимых друг от друга источниках — у Павла, Марка, Иоанна и даже Иосифа — говорится, что у Иисуса были братья. Вывод? У Иисуса, по-видимому, были братья. (2) Иисус связан с Иоанном Крестителем у Марка, Qh Иоанна. Таким образом, получается, что Иисус действительно был связан с Иоанном. (3) Марк, L (источник, которым пользовался Лука), Иоанн и Фома говорят, что Иисус публично общался с женщинами. Вывод?

Вступающее в противоречие

Истории об Иисусе, очевидно, были изменены под воздействием убеждений, мировоззрения и интересов людей, которые их писали. Но как же нам быть с той информацией в наших источниках, которая *в корне противоречит* этим самым убеждениям, мировоззрению и интересам? Традиции такого типа, которые представляются противоречащими тому, что христиане хотели бы сказать об Иисусе, очевидно, не являются придуманными. Поэтому такие традиции особенно ценны, поскольку не являются

изобретенными, а, по всей видимости, действительно отражают реальные события из жизни Иисуса.

Например, в независимых источниках указывается, что Иисус был родом из Назарета (Марк, Иоанн). И это противоречит тому, что христиане хотели бы сказать о нем, поскольку мессия должен был прийти из *Вифлеема* (именно по этой причине некоторые источники утверждают, что он был рожден там). Но зачем христианам говорить, что он пришел из Назарета? До христианства Назарет был маленьким захолустным городком, о котором вообще мало кто слышал. Христианам, рассказывавшим истории об Иисусе, не было никакой выгоды утверждать, что он пришел из такого крошечного, неизвестного и невлиятельного места на задворках Галилеи. Поэтому истории, которые помещают его туда, по всей видимости, являются аутентичными — он действительно был родом оттуда. Или возьмем крещение Иисуса Иоанном: ранние христиане понимали, что в ритуале крещения человек, который крестит, духовно превосходит того, кого он крестит. Зачем, в таком случае, христианам придумывать, что Иисус был крещен кем-то другим? Не становилось ли очевидным, что Иоанн имел превосходство перед Иисусом? Поскольку христиане вряд ли придумали *бы* подобное, эти события, вероятно, действительно имели место.

Контекст — (почти) все

Наконец, ученые очень серьезно относятся к выводу, по поводу которого соглашаются сегодня *все,* кто изучает историческую фигуру Иисуса: что он был евреем, жившим в Палестине в первом веке. Если описания того, что Иисус говорил и делал, не вписываются в этот контекст, они считаются исторически недостоверными. (Сам Лэнгдон, в конце концов, привлекает в качестве аргумента этот исторический критерий, когда утверждает, что Иисус вряд ли мог быть евреем-холостяком.) Описания событий из жизни Иисуса, которые больше соответствуют какому-то *другому* контексту, по всей видимости, происходят именно из этого другого контекста, а не из жизни самого Иисуса.

Например, ряд высказываний Иисуса, содержащихся в Коптском Евангелии от Фомы и в других свитках библиотеки Наг-Хаммади, носят определенный налет гностицизма. Проблема же заключается в том, что у нас нет оснований предполагать, что гностицизм мог быть распространен в первые двадцать лет первого столетия — особенно, в галилейской сельской местности. Эти гностические высказывания должны быть более поздними добавлениями, высказанными якобы устами Иисуса, но только в другом контексте (например, во втором веке, где-нибудь в Египте или Сирии).

Это не означает, что все высказывания Фомы должны быть сброшены со счетов. Даже в этом Евангелии Иисус, например, рассказывает притчу о горчичном зерне — эту же притчу (независимо от него) повествует Марк. В этой истории нет ничего гностического, и она встречается в двух независимых источниках, один из которых очень ранний. Вывод: Иисус, по всей видимости, рассказывал эту притчу.

Таковы основные критерии, которыми пользуются ученые для исследования ранних источников о жизни Иисуса, которыми мы располагаем. Если мы хотим понять, что он говорил и делал, мы не можем просто принять на веру чью-то версию, не можем мы и принимать все, что о нем говорится в Евангельских источниках. Каждое слово Иисуса, все, что он предположительно делал, все, что о нем говорят (в том числе, например, что он был женат), должно быть увязано с этими критериями, чтобы понять, соответствует это историческим обстоятельствам его жизни или нет. Высказывания и поступки Иисуса, не

отвечающие этим критериям, не могут считаться исторически достоверными. Короче говоря, реконструкция жизни Иисуса — не игра в угадывание, не применение богатого воображения, не повод принимать желаемое за действительное. Это критическое исследование источников.

В следующей главе мы рассмотрим утверждения «Кода да Винчи» о том, что Иисус был женат, имел интимные отношения с Марией Магдалиной и хотел, чтобы она возглавила Его Церковь. Прежде чем перейти к этому вопросу, однако необходимо обобщить, что мы знаем о жизни Иисуса в более широком смысле, поскольку характер его жизни в целом будет нам очень важен для определения частностей.

Иисус как апокалиптический пророк

Лью Тибинг неоднократно утверждает, что до Константина Иисус считался «смертным пророком», несмотря на то что Евангелия Нового Завета изображают его божественным. Как мы видели, Тибинг кое в чем не прав. Он ошибочно полагает, что Новый Завет изображает Иисуса лишь божественным, в то время как в ряде случаев Иисус изображен здесь и смертным. И он ошибочно полагает, что изначальное восприятие Иисуса изменилось под влиянием Константина: Константин практически не имел отношения к развивающемуся чувству, что помимо человеческой сущности, Иисус обладал и божественной. Это произошло за столетия до Константина. Но Тибинг прав в одном ключевом вопросе: наши наиболее ранние и лучшие источники на самом деле изображают Иисуса как смертного пророка. Более того, в них он считается пророком, сделавшим определенный набор предсказаний. Иисус был апокалиптическим иудеем, который понимал, что Бог должен вскоре вмешаться в ход истории, чтобы уничтожить силы зла в этом мире и установить новое царство на земле, в котором больше не будет боли и страданий. Этот апокалиптический образ Иисуса является следствием тщательного изучения наиболее ранних источников, дошедших до нас, что я продемонстрирую чуть позже. И ключевой момент заключается в оценке ряда утверждений Кода да Винчи — например, что Иисус был женат и имел интимные отношения с женщинами.

Во второй главе я рассказывал об особенностях иудейского апокалиптического мировоззрения. Иудеи, придерживавшиеся его, полагали, что существует два основных элемента бытия: силы добра и силы зла, Бог и его ангелы с одной стороны, а дьявол и его демоны с другой. Из этого дуализма возникла историческая схема, согласно которой на смену современной эпохе зла придет эпоха добра, когда Бог создаст свое царство и сам будет править в нем. Наступлению этой эпохи будет предшествовать катаклизм, когда Бог уничтожит силы зла в ходе суда, и люди тоже будут судимы, в зависимости от того, были ли они с Богом или с силами зла в эту жестокую эпоху. Более того, иудеи, разделявшие эту теорию, считали, что все это произойдет очень скоро.

С начала двадцатого века большинство ученых признают, что именно таковым было мировоззрение самого Иисуса. Доказательства этого можно обнаружить в ранних источниках — дошедших до наших дней христианских Евангелиях, — если исследовать их с учетом критериев, о которых я говорил[46]. Иисус описан как апокалиптический пророк в наиболее ранних источниках — у Марка, в источниках Q, M, и L, независимых друг от друга (правда, в более поздних источниках, например у Иоанна и Фомы, эта традиция уже исчезает). Согласно этой традиции, Иисус предсказывает, что вскоре Бог пошлет судью с Небес — того, кого он называет загадочным именем «Сын Человеческий», того, кто нападет

на силы зла, разрушая все, что враждебно Богу, и забирая тех, кто в этот век зла был с Богом, в Божье царство добра. Давайте посмотрим, что говорит Иисус в самых ранних (независимых друг от друга) источниках:

> «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами… Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Марк 8:38-9:1).
>
> «Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба… Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет» (Марк 13:24–27, 30).
>
> «Ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой… И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Q, цит. по Лк 17:24; 26–27, 30; сравн. Мф 24:27, 37–39).
>
> «Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, приидет Сын Человеческий» (Q, цит. по Лк 12:40; Мф 24:44).
>
> «Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (M, цит. по Мф 13:40–43).
>
> «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого» (L, цит. по Лк 21:34–36).

Таких высказываний множество — я привел здесь лишь несколько примеров. Хочу подчеркнуть, что эти апокалиптические высказывания Иисуса содержатся в наиболее ранних источниках, независимых друг от друга, кроме того, они полностью вписываются в контекст (схожие взгляды были отражены в свитках Мертвого моря, написанных при жизни Иисуса). Более того, некоторые апокалиптические высказывания Иисуса противоречат мировоззрению ранних христиан. Рассмотрим следующее высказывание из Q:

> «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19:28; сравн. Лк 22:30).

Почему мы полагаем, что более поздние христиане не придумали это высказывание? Обратите внимание на то, что Иисус обращается ко всем своим двенадцати ученикам и указывает, что *все* они будут правителями в будущем царстве. Но вряд ли поздние христиане стали бы говорить о двенадцати учениках после событий, окружавших смерть Иисуса, поскольку христиане знали, что один из учеников Иисуса, Иуда Искариот, предал его. И что, этот Иуда будет одним из правителей в будущем царстве? Конечно, христиане так не

считали. Тогда почему они сохранили высказывание Иисуса о том, что так и будет? Очевидно, Иисус действительно это говорил, и они сохранили его высказывание неприкосновенным, не изменив его под влиянием собственного мировоззрения.

Особенности апокалиптического учения Иисуса

Чуть позже мы рассмотрим, как апокалиптическое учение Иисуса связано с утверждениями о нем, содержащимися в «Коде да Винчи». А теперь нам важно несколько более детализировано рассмотреть то, что установили ученые по поводу его учения. Еще раз напоминаю, что я сейчас не просто обобщаю все, что сказано об Иисусе в Евангелиях. Авторы Евангелий создали несколько искаженный образ Иисуса, поскольку основывались на рассказах, передававшихся из уст в уста на протяжении десятилетий, прежде чем их записали. Меня же интересует, что Иисус на самом деле говорил и делал, и при этом я основываюсь на критическом изучении наиболее ранних источников, с применением критериев, о которых я говорил. Традиции, встречающиеся в более поздних источниках, — например, утверждение Евангелия от Иоанна, что Иисус называл себя божественным, — не встречаются в самых ранних источниках, кроме того, они не противоречат тому, что ранние христиане хотели бы сказать о нем. Таким образом, они не являются исторически достоверными. Но есть в наших источниках и достоверная информация. Именно ее я хочу здесь обобщить.

Ясно, что Иисус говорил о приближающемся царстве Бога. Его учение обобщено одной фразой в одном из наиболее ранних евангелий, от Марка:

> «Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Марк 1:15).

Когда Иисус говорит о приближающемся Божьем царстве, в этом и в других высказываниях, которые можно с уверенностью приписать ему, он имеет в виду не духовное царство (или не то, что после смерти мы попадем на небо), а реальное, физическое присутствие Бога на земле. Вот что гласит его высказывание, сохраненное в Q:

> «Там будут плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божием, а себя изгоняемыми вон. И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием» (Q, цит. по Лк 13:28–29; сравн. Мф 8:11–12).

Подобные указания на реальное, физическое царство Бога постоянно встречаются во всех ранних свидетельствах об Иисусе. Как и другие мыслители, верившие в апокалипсис, до и после него, Иисус, очевидно, считал, что Бог распространит свою власть не только на небесное царство, но и на землю. Здесь будет реальное, физическое царство, рай, в котором сам Бог будет управлять верными ему людьми, где будут еда, питье и беседы, где люди-правители будут восседать на престолах (двенадцать учеников), а люди-подданные будут наслаждаться пышными трапезами.

Наступление грядущего царства потребует широкомасштабного суда на земле, как говорит Иисус в ряде своих притч — в том числе в этой, содержащейся в слегка различных формах у Матфея и Фомы:

> «Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят

злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов» (Мф 13:47–50).

Другой вариант мы обнаруживаем в М, источнике, к которому имел доступ Матфей:

«Как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф 13:40–43).

Этот грядущий суд, как мы видели, будет событием космического масштаба, осуществленным тем, кого Иисус называет Сыном Человеческим:

«Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба» (Мк 13:24–27).

Но кто те избранные, которые выживут в грядущей катастрофе и попадут в новое царство? Поскольку мы живем в эпоху зла, и злые силы стоят у руля, люди, которые сейчас стоят высоко и являются влиятельными, будут осуждены с приходом Сына Человеческого. А бедные и униженные унаследуют грядущее царство добра. Потому что Бог на стороне тех, кто верен ему, то есть унижен силами зла, правящими этим миром. Иисус говорит:

«И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием. И вот, есть последние, которые станут первыми, и есть первые, которые станут последними» (Лк 13:29–30; возможно, Q — см. Мф 20:16).

Вот почему Иисус защищал изгоев общества во время своей пастырской деятельности. Именно они должны были унаследовать царство Бога, когда оно придет. Это царство не богатых и могущественных, а бедных и униженных. Именно поэтому Иисус призывал своих последователей не стремиться к богатству и влиятельному положению, а посвятить свои жизни служению другим, потому что именно униженные получат грядущее царство. Так, в наших ранних источниках записано, что Иисус говорил:

«Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк 9:35).

И еще:

«Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом» (Мк 10:42–44).

Эти высказывания пригодятся нам, когда мы станем в следующей главе рассматривать отношение Иисуса к женщинам. Потому что женщины во времена Иисуса были как раз среди униженных, они считались людьми второго сорта, обязанными подчиняться мужчинам (отцам или мужьям), которые единственные обладали властью в том мире. Но Иисус считал, что как раз слабые и униженные унаследуют царство.

Эта идея того, что все перевернется с ног на голову, красной нитью проходит по многим широко известным высказываниям Иисуса. Это характерно и для учения о благодати,

которое, к сожалению, часто оказывается вырванным из контекста людьми, которые его цитируют. Учение о благодати — это собрание высказываний, приписываемых Иисусу многими из наших источников, в которых он благословляет определенные группы людей. Наиболее известные из этих высказываний приводит Матфей в Нагорной проповеди, которая начинается так:

> «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф 5:3–6).

Интересно, что многие читатели не обращают внимания на времена глаголов в этих высказываниях. В них описано, что определенные группы людей испытывают в настоящем и что они *будут* испытывать в будущем. *Будут* испытывать? Когда? Ведь не в какой-то туманный, отдаленный и неизвестный момент. Это произойдет, когда придет царство. Те, кто слабы, бедны и унижены сейчас, получат свою награду тогда.

Ряд этих высказываний у Матфея заимствован из Q. Интересно, что, по версии Луки, в них в большей степени подчеркиваются физические, а не духовные страдания. Например, у Луки Иисус благословляет не «нищих духом», а просто «нищих». Вместо того чтобы говорить об «алчущих и жаждущих правду», у Луки Иисус говорит просто об «алчущих». У нас есть серьезные основания полагать, что в этих случаях версия Луки ближе к тому, что мог сказать сам Иисус. Начнем с того, что в независимом Евангелии от Фомы мы находим эти высказывания в очень схожем виде:

> «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (Евангелие от Фомы 54).
>
> «Блаженны алчущие ныне, ибо чрево того, кто жаждет, насытится» (Евангелие от Фомы 69).
>
> «Блаженны те, кто ненавидимы и преследуемы; вас более не будут преследовать» (Евангелие от Фомы 68).

Интересно, что, по версии Луки, эти апокалиптические благословения сопровождаются своими противоположностями, апокалиптическими проклятиями:

> «Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лк 6:24–26).

Это апокалиптическое осуждение не является подтвержденным независимыми источниками, но однозначно совпадает с основными темами, рассмотренными нами в этой главе. Иисус учил, что день суда придет вместе с появлением Сына Человеческого, который кардинальным образом изменит все: те, кто сейчас процветает, будут осуждены, а те, кто страдает, будут блаженны. В состав этого апокалиптического послания входило также предупреждение о неизбежном уничтожении всех, кто не прислушается к словам Иисуса и не обратится к Богу, как он хотел.

Но когда это произойдет? Когда придет Сын Человеческий? Когда придет это царство? Это произойдет в отдаленном будущем, спустя годы, десятилетия, столетия или тысячелетия? Нет, напротив, как и многие другие пророки апокалипсиса его дней, Иисус считал, что царство Бога наступит вот-вот. Он говорит в наиболее ранних евангелиях:

«Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет во славе Отца Своего со святыми Ангелами. Истинно говорю вам: есть *некоторые из стоящих здесь*, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк 8:38-9:1; курсив автора).

«Истинно говорю вам: не прейдет *род сей*, как все это будет» (Мк 13:30; курсив автора).

«Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Мк 13:33–37).

Или, как записаны его слова в Q:

«Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, приидет Сын Человеческий» (Лк 12:39–40; Мф 24:43–44).

Идея неизбежности окончания эпохи будет важна для нас в следующей главе, где мы посмотрим, как она влияла на понимание Иисусом социальных отношений в настоящем — в том числе на его восприятие семьи и брака. Мы также рассмотрим жизнь непосредственно Иисуса, а также вопрос о том, можно ли предположить, что он был женат и вступал в интимные отношения с женщинами.

Подводя итоги, основанные на критическом исследовании наиболее ранних источников, Иисус, как и члены общины, создавшей свитки Мертвого моря до него (и как Иоанн Креститель, чью личность мы здесь не рассматриваем), был пророком апокалипсиса, предсказывавшем, что Бог вскоре вмешается в ход истории путем акта суда, который уничтожит все зло, что восстает против него, и установит светлое царство утопии здесь, на земле.

Заключение

Я посвятил эту главу тому, чтобы объяснить, как историки выделяют из доступных нам источников достоверную информацию, оставляя в стороне то, что было видоизменено христианами, пересказывавшими эти истории до того, как они стали записываться со второй половины первого века последователями Иисуса второго поколения. Важно, чтобы читатель понял мою основную мысль: знания об Иисусе не являются результатом угадывания или работы богатой фантазии. Любой может высказать спекулятивное или сенсационное утверждение об Иисусе: Иисус был женат! У Иисуса были дети! Иисус был магом! Иисус был марксистом! Иисус был вооруженным революционером! Иисус был гомосексуалистом! [47] И я не отрицаю право людей говорить об Иисусе все, что они хотят, будь то сенсационное утверждение или осторожное. Но историкам для того, чтобы принять то или иное утверждение, нужны доказательства. Единственные заслуживающие нашего доверия доказательства содержатся в самых ранних источниках, и мы не можем ни просто принять их на веру, ни читать между строк, чтобы заставить источники звучать так, как мы хотим. К ним необходимо подходить критически, с учетом существующих критериев и исторических принципов.

Применив все это, мы придем к пониманию исторической фигуры Иисуса, когда его слова, поступки и переживания впишутся в рамки его собственной эпохи. Не стоит пытаться вписать его личность в рамки нашего времени. Картина, которая предстанет нашим глазам, может показаться странной для современного человека. Ведь Иисус предстает пред нами иудейским пророком апокалипсиса, предсказывавшим окончание эпохи зла еще при жизни его поколения. Возможно, это не тот Иисус, о котором нам рассказывали в воскресных школах. Возможно, его образ не соответствует тому, что был создан произведениями литературы и кинематографии, основанными на сенсационных утверждениях. Но этот Иисус — такой, каким он был на самом деле.

В следующей главе я постараюсь совместить этот исторический образ Иисуса с заявлениями, сделанными Лью Тибингом и Робертом Лэнгдоном в «Коде да Винчи». С заявлениями о том, что у Иисуса не просто были последовательницы — у него якобы была жена и любовница, Мария Магдалина, которая родила от него ребенка после его казни.

Глава седьмая

Иисус, Мария Магдалина и брак

Одним из ключевых исторических персонажей «Кода да Винчи» является последовательница Иисуса Мария Магдалина. По сюжету, Мария была не просто одной из последователей Иисуса — она была его женой и любовницей, родившей ему ребенка, который положил начало его роду, причем потомки Иисуса живы по сей день и находятся под защитой тайного общества, Приората Сиона. Хочу подчеркнуть, что подобное понимание отношений Марии Магдалины и Иисуса не является оригинальным изобретением Дэна Брауна. Большую часть своей «информации» Браун заимствовал из бестселлера 1980-х, книги под названием *Святая кровь, святой Грааль*, которую Браун прямо упоминает в своем романе, хотя и не признает, что она была основным источником его рассказа о Марии Магдалине (и о Приорате Сиона)[48]. Тем не менее каждый, кто знаком с обеими книгами, заметит между ними сильное сходство. Книга *Святая кровь, святой Грааль* была написана не учеными-специалистами по античности или Средневековью, а независимыми исследователями Майклом Байгентом, Ричардом Ли и Генри Линкольном, которые высказали сенсационную, но исторически не подтвержденную гипотезу о Марии, Иисусе, Граале и Приорате Сиона[49]. Поскольку я в этой книге рассматриваю, прежде всего, «Код да Винчи» и теорию, изложенную в нем, я не буду рассматривать непосредственно *Святую кровь, святой Грааль*, ограничившись лишь замечанием о том, что Дэн Браун просто заимствовал большую часть своих идей для создания сюжета о поисках Грааля Робертом Лэнгдоном и Софи Невё.

Большинство этих идей связаны с Марией Магдалиной и «ее браком с Иисусом Христом» (с. 296). В качестве доказательства этого брака британский аристократ и искатель Грааля Лью Тибинг апеллирует к Евангелию, которое не было включено в Новый Завет, трактат из Наг-Хаммади, известный под названием Евангелие от Филиппа. В нем сказано: «А спутница Спасителя — Мария Магдалина». И Тибинг заявляет: «Любой специалист по арамейскому скажет вам, что слово «спутница» в те дни буквально означало «супруга»» (с. 298).

Далее Тибинг цитирует еще одно неканоническое гностическое евангелие, Евангелие от Марии, где апостолы Петр и Леввей (он же Фаддей или Иуда, сын или брат Иакова) спорят о том, открыл ли Иисус правду Марии. Тибинг объясняет:

> Во многих Евангелиях сказано, что именно в тот момент Иисус и заподозрил, что скоро Его схватят и распнут на кресте. И Он наказывает Марии, как править Его Церковью после того, как Он уйдет… Согласно всем этим изначальным Евангелиям, Христос давал указания о том, как строить свою Церковь, вовсе не Петру. А Марии Магдалине (с. 300).

Чтобы подчеркнуть значимость Марии в истории христианской церкви, Тибинг показывает Софи Невё генеалогическое древо иудейского «рода Вениамина». Она видит там имя Марии Магдалины и выражает свое удивление: «Так она из дома Вениаминова?» «Вот именно, — говорит Тибинг, — «Мария Магдалина — женщина царского происхождения» (с. 301). А это, в соответствии с его логикой, означает, что ребенок Христа и Марии

Магдалины может быть только чистейшей царской крови. Вот почему церковные лидеры пытались скрыть ее отношения с Иисусом:

> Угроза, которую Мария Магдалина представляла церковникам раннего христианского периода, была нешуточной. Она не только была женщиной, которой Христос доверил создание Своей Церкви, уже само ее существование доказывало: Церковь умалчивала о том, что у Христа, как и у всякого смертного, могло быть потомство. Более того — Церковь в стремлении защититься от власти Марии Магдалины объявила ее шлюхой и похоронила все свидетельства о женитьбе Христа на Марии, удушив в зародыше саму мысль о потомстве Христа и об исторических свидетельствах Его земного, а не божественного происхождения (с. 307).

Но Церковь не смогла уничтожить все — традиция якобы сохранялась на протяжении столетий таинственным Приоратом Сиона:

> Согласно Приорату, — продолжил Тибинг, — Мария Магдалина была беременна, когда Христа распяли. Чтоб спасти еще не рожденное дитя Иисуса, она покинула Святую землю, другого выхода у нее просто не было. С помощью дяди Иисуса, верного Иосифа Аримафейского, Мария Магдалина тайно бежала во Францию, известную тогда под названием Галлия. Там она нашла убежище в еврейской общине. Там же, во Франции, родила дочь. Девочку назвали Сарой (с. 309).

С этими утверждениями «Кода да Винчи» дело обстоит так же, как с другими: в них больше фантастики, чем исторической истины. А некоторые из них откровенно ошибочны. Возьмем самый очевидный пример: неверно утверждать, что арамейское слово «спутница», которым в Евангелии от Филиппа названа Мария, означает «супруга». Во-первых, это слово не арамейское. Евангелие от Филиппа написано на коптском. И хотя слово, использованное на том, заимствовано из другого языка, этот язык не арамейский, а греческий. Другими словами, арамейский язык вообще не имеет никакого отношения к этой фразе. А использованное греческое слово (*koinonos)* на самом деле не означает «супруга» (или «любовница»), а лишь «спутница» (употребляется для обозначения друзей и товарищей).

Остальные утверждения Тибинга так же ошибочны или, по крайней мере, не имеют исторического основания. Но это приводит к возникновению широкого круга вопросов. Изучая исторические факты, что мы можем сказать об отношениях Иисуса с женщинами? Был ли он женат? Была ли его женой Мария Магдалина? Если так, вступал ли он с ней в интимные отношения? Был ли у них ребенок?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны оставить в стороне область литературной фантастики и придерживаться исторических фактов, а это означает, что вместо сенсационных заявлений мы должны обратиться к исторической методологии. Как мы видели в предыдущей главе, восстановить события из жизни Иисуса крайне сложно. Нельзя просто процитировать наугад выбранные строки из того или иного евангелия и объявить это исторически достоверной информацией. Историческая наука намного более сложна. Необходимо принимать во внимание природу наших источников и применять к ним жесткие критерии, чтобы отделить факты от вымысла. То есть, даже если в наших ранних источниках и *было* бы сказано, что Иисус и Мария были любовниками и/или были женаты, нам пришлось бы провести исследование, чтобы установить, так ли это на самом деле. Но как выясняется, несмотря на уверения Тибинга, ни в одном из древних источников не

указано, что Иисус был женат, не говоря уже о том, что его женой была Мария Магдалина. Все подобные заявления являются современной попыткой фантастической реконструкции жизни

Иисуса, не находящей подтверждения непосредственно в источниках. Исторический подход к источникам приводит к не столь впечатляющим и сенсационным результатам, как фантастические утверждения об Иисусе (у него была любовница! он занимался сексом! у него были дети!), но именно такой подход необходим для того, чтобы понять, что же действительно происходило, даже если это не так захватывающе, как то, что описано в романах.

Исходя из этого, я сформулировал ряд вопросов по поводу Иисуса, на которые нам необходимо ответить, переходя от общего к частному: Как он относился к женщинам вообще? Какую роль они играли среди его последователей? Был ли он в близких отношениях с кем-нибудь из них? Можно ли предположить, что он был женат? Каким конкретно были его отношения с Марией Магдалиной? Есть ли хоть какие-то исторические свидетельства, что они были женаты? Что у них были интимные отношения?

Последователи Иисуса: мужчины

Прежде всего представляется, что подавляющим большинством последователей Иисуса, особенно самыми близкими его последователями, были мужчины. Большая часть историй об Иисусе — и те, что можно назвать исторически аутентичными, и те, по поводу которых остаются сомнения, — рассматривает его отношения с мужчинами. Это неудивительно: женщины в первом веке находились под властью мужчин — отцов и/или мужей, — и вряд ли им было бы разрешено бродить по полям со странствующим учителем, когда дома было так много дел: приготовить еду, сшить и починить одежду, присмотреть за детьми[50]. Это было занятием женщин; у мужчин же вне дома была намного более ярко выраженная общественная роль. Женщина могла проявлять активность вне дома, как правило, только если не находилась под властью мужчины (отца или мужа), потому что была, скажем, одинокой и пожилой, или если принадлежала к высшему классу, и ее домашние обязанности исполняли другие, например рабы. И хотя несколько отдельных последователей Иисуса вполне могли принадлежать высшему классу — и, как мы увидим, таковые, вероятно, действительно были, — подавляющее большинство были крестьянами. А крестьянки Галилеи большую часть своего времени проводили за домашней работой; у них не было времени на досуг, например на то, чтобы сходить послушать проповедь.

Поэтому неудивительно, что большинство последователей Иисуса составляли мужчины, которые, по всей вероятности, проводили основную часть своего времени вне дома. Более того, в наших источниках указывается, что все *самые близкие* последователи Иисуса были мужчинами. Это двенадцать учеников, чей пол едва ли можно подвергнуть сомнению, — это двенадцать мужчин, избранных из более широкой компании, окружавшей Иисуса, тоже преимущественно мужской по своему составу. Это не просто действительность, окружавшая Иисуса, но еще и идеальная ситуация, которую он, по всей видимости, сам спроектировал. Ведь, как мы уже видели, одной из основных идей учения Иисуса было ожидание скорого наступления царства Бога, в котором Бог будет управлять своими подданными через людей-посредников. А кто будут эти люди-посредники? Вспомним высказывание Иисуса из Q, высказывание, отвечающее нашим критериям аутентичности: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы

Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф 19:28; сравн. Лк 22:30). А будущими правителями подданных Бога, конечно, должны были быть мужчины.

Последователи Иисуса: женщины

Это не означает, что у Иисуса не было последовательниц. Напротив, даже несмотря на то, что женские образы выписаны в историях об Иисусе не так четко, как мужские, они появляются регулярно, намного чаще, чем можно предположить, учитывая патриархальное общество, ограничивавшее общественную активность женщин в первом веке. Представляется, что Иисус, в большей степени, чем другие учителя, в том числе иудейские, привлекал женщин к своей пастырской деятельности. Такой вывод можно сделать, тщательно проанализировав наши источники с применением критериев, о которых я говорил в предыдущей главе.

Обобщая весь этот материал, я могу сказать следующее[51]. В двух независимых друг от друга ранних источниках, у Марка и в L (источник, которым пользовался Лука), указано, что Иисуса во время странствий сопровождали женщины (Мк 15:40–41; Лк 8:1–3). Эта же традиция, опять-таки независимо, прослеживается в Евангелии от Фомы (напр. Евангелие от Фомы 114), а также в других параграфах, где упоминается, что Иисус общался с женщинами (напр. Лк 10:38–42; Мф 15:21–29). Марк и L также указывают, что женщины оказывали Иисусу финансовую поддержку в период его пастырской деятельности, очевидно, играя роль его покровителей (Мк 15:40–41; Лк 8:1–3). Другими словами; поскольку Иисус в этот период не имел источников дохода, эти женщины (одну из которых называют Марией Магдалиной) фактически содержали его и его учеников. Это, очевидно, были обеспеченные женщины, которым не было необходимости оставаться дома и заниматься хозяйством. Возможно, некоторые из этих женщин, в том числе и Мария Магдалина, были не замужем, но определенно не все. Одну из них называют «Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова» (Лк 8:2). Другую называют Сусанной, но, как и в случае с Марией, мы не можем определить ее семейное положение. Лука говорит, что были «и многие другие, которые служили Ему имением своим». В числе других, названных Марком, — женщина по имени Саломия и другая Мария, которая описана как «мать Иакова меньшего и Иосии». Возможно, что это не кто иная, как сама мать Иисуса, у которой, как сказано ранее (Мк 6:3), было двое сыновей, Иаков и Иосия. В любом случае, очевидно, что Иисуса в его странствиях сопровождали не только двенадцать учеников-мужчин, но и женщины, причем некоторые из них помогали ему материально.

Женщины были не только теми, кто сопровождал Иисуса, они были также и теми, к кому он обращался в ходе своей пастырской деятельности. У Марка и Иоанна, Иисус вступает в прилюдную беседу и спор с женщинами, которые не входили в число его непосредственных последовательниц (Ин 4:1-42; Мк 7:24–30). В обоих Евангелиях, независимо друг от друга, также зафиксировано, что у Иисуса был физический контакт с женщиной, которая прилюдно омыла его миром (Мк 14:3–9; Ин 12:1–8). По версии Марка, это неназванная женщина в доме прокаженного по имени Симон (тот же рассказ в несколько другой вариации содержится и у Луки, который, по всей видимости, заимствовал его у Марка, но видоизменил в ряде ключевых моментах; см. Лк 7:36–50); по версии Иоанна, это Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря, а дело происходит в ее доме. Кроме того, есть свидетельства, что Иисус в раде случаев оказал помощь женщинам, нуждавшимся в ней

(напр. Мф 15:21–29).

Во всех четырех канонических Евангелиях сказано, что женщины, которые сопровождали Иисуса на пути из Галилеи в Иерусалим в последнюю неделю его жизни, присутствовали при его казни (Мф 27:55; Мк 15:40–41; Лк 23:49; Ин 19:25). По Марку, наиболее ранней версии, лишь они остались преданны ему до конца: все его последователи-мужчины бежали. Кроме того, из всех четырех канонических Евангелий, а также из неканонического Евангелия от Петра, ясно следует, что последователи-женщины первыми поверили, что тело Иисуса больше не в гробнице (Мф 28:1—10; Мк 16:1–8; Лк 23:55–24:10; Ин 20:1–2; Ев. от Петра 50–57). Правда, эти источники дают разные свидетельства касательно количества женщин у пустой гробницы: была ли Мария Магдалина там одна, как утверждает Иоанн? Или там были Мария Магдалина и другие женщины, как говорится в остальных Евангелиях? И если были и другие женщины, то кто именно? Это зависит от того источника, к которому вы обратитесь. В любом случае, именно эти женщины первыми объявили, что Иисус воскрес. Как утверждают некоторые историки-феминисты, сложно переоценить значимость этой идеи женщин у гробницы: без этих женщин о воскресении могли так и не узнать — а значит, не было бы и христианства.

Есть и другие любопытные рассказы о контактах Иисуса с женщинами, содержащиеся, правда, лишь в одном или другом Евангелии и не отвечающие, таким образом, нашему критерию, что неоднократно повторяющиеся истории с большей вероятностью можно признать аутентичными. К ним откосится запоминающаяся история, содержащаяся только в Евангелии от Луки, о том, что Иисус поддерживает своего друга, Марию из Вифании, в ее решении обратиться к его учению, а не посвящать всю себя традиционно «женским» домашним хлопотам (Лк 10:38–42).

Что мы можем сказать о соответствии этих историй историческому контексту — Палестине первого века? Это правда, что женщины в целом воспринимались в Древнем мире как люди второго сорта по сравнению с мужчинами. Но были и исключения: греческие философские школы, например эпикурейцы и циники, выступали за равенство мужчин и женщин. Конечно, в непосредственном окружении Иисуса в Палестине вряд ли было много эпикурейцев или циников, а наши немногочисленные источники говорят, что женщины, как правило, были еще более ограничены в сельской части империи в том, что касалось их возможностей участвовать в общественной жизни вне дома и вне власти их отцов или мужей. Может ли быть такое, что иудейский учитель побуждал их к этой деятельности?

У нас нет серьезных оснований предполагать, что у других иудейских проповедников того времени были последовательницы. Но нам известно, что фарисеи пользовались поддержкой и покровительством влиятельных женщин при дворе царя Ирода Великого. К сожалению» в наших немногочисленных источниках практически нет данных о женщинах низших классов, у которых не было состояния и положения в обществе, которые сделали бы их независимыми от отцов или мужей.

Есть, однако, одно соображение, которое подтверждает, что рядом с Иисусом могли быть женщины, следовавшие за ним во время его проповеднической деятельности. Оно связанно с особым характером его предсказания о наступлении царства Бога. Давайте вспомним: Иисус говорил, что Бог вмешается в ход истории и перевернет судьбы. Первый станет последним, а последний первым. Богатые станут бедными, а бедные богатыми. Те, кто сейчас процветает, будут унижены, а униженные будут процветать. Венцом этого

послания является то, что Иисус обращался прежде всего к изгоям и маргиналам, очевидно желая подчеркнуть свое предсказание о том, что будущее царство будет принадлежать таким, как они. И если учесть, что мужчины, управлявшие всем в обществе, смотрели на женщин сверху вниз, как на людей второго сорта, тот факт, что Иисус свободно общался с женщинами и что именно они были наиболее заворожены его предсказанием о грядущем царстве, уже не кажется таким маловероятным.

Некоторые ученые двадцатого века пошли еще дальше, предположив, что Иисус сделал намного больше: что он проповедовал «радикально эгалитарное общество» — то есть, что он решил реформировать общество, разработав новые правила социальных отношений, которые образуют сообщество, где к мужчинам и женщинам будут относиться как к равным[52]. Однако это, скорее всего, преувеличение, у нас нет оснований предполагать, что Иисус хотел провести какие-либо фундаментальные социальные реформы в эту эпоху зла. Он полагал, что современное общество вместе со всеми его условностями вскоре будет разрушено — когда Сын Человеческий спустится с небес на землю, чтобы судить. Иисус абсолютно не собирался трансформировать общество изнутри — он готовил людей к разрушению общества. Лишь с приходом царства Бога установится совершенно новый миропорядок, в котором основным законом будут мир, равенство и справедливость. Однако это царство нельзя установить с помощью новых программ социальных реформ. Оно придет вместе с космическим судьей, Сыном Человеческим, который уничтожит злые и подавляющие силы этого мира.

В этой мере (и я подчеркну, *только* в этой мере), даже несмотря на то, что Иисус не призывал к социальной революции, в его послании действительно был значительный революционный подтекст Он мог призывать своих последователей воплотить этот подтекст в жизнь (и отсюда его общение с женщинами). Но в любом случае, мы должны понимать, что для одних людей его послание было более привлекательно, чем для других, — особенно привлекательно оно было для тех, кто считал себя униженным и ждал награды в будущем царстве. Допуская, что были женщины, чувствовавшие себя таким образом, и учитывая патриархальную структуру общества, в котором они жили, неудивительно, что апокалиптическое послание Иисуса и надежда на счастливую жизнь в грядущем царстве, которую оно несло, были для них так привлекательны.

Был ли Иисус женат?

Теперь мы можем перейти к пресловутому вопросу, был ли сам Иисус женат. В «Коде да Винчи» это не ставится под сомнение, поскольку и Роберт Лэнгдон, и Лью Тибинг с уверенностью говорят о семейном положении Иисуса.

Тибинг говорит Софи Невё:

> — Иисус как человек женатый наделен куда большим значением и смыслом, нежели привычный нам стандартный библейский образ Иисуса-холостяка.
>
> — Почему? — спросила Софи.
>
> — Потому что Иисус — еврей, — ответил Лэнгдон… — А негласные социальные законы того времени запрещали еврейскому мужчине ходить в холостяках. Долгом каждого еврейского отца было найти подходящую жену для своего сына. Если бы Иисус не был женат, то по крайней мере хотя бы в одном из библейских Евангелий должен быть упомянут этот факт, а также приведено объяснение, почему Иисус оставался холостяком (с. 297).

И вновь мы сталкиваемся с сенсационными фантастическими утверждениями, а не с исторической реальностью. Я вскоре рассмотрю ключевой вопрос, были ли еврейские мужчины всегда женаты и «запрещалось» ли безбрачие. Но прежде мы ответим на вопрос, что историки говорят о семейном положении Иисуса.

Действительно, было несколько историков (не писателей или «независимых исследователей»), которые утверждали, что вероятность того, что Иисус был женат, крайне высока[53]. Но подавляющее большинство ученых, изучавших Новый Завет и раннее христианство, пришли к прямо противоположному выводу. Для этого у них был ряд серьезных оснований.

Наиболее значительным является факт, который невозможно проигнорировать или переоценить: *ни в одном* из ранних христианских источников нет указаний на брак Иисуса или его жену. Это относится не только к каноническим Евангелиям от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, но и ко всем остальным евангелиям и другим ранним христианским документам. В посланиях Павла, Евангелии от Петра, Евангелии от Филиппа, Евангелии от Марии, Евангелии назареян, Евангелии египтян, Евангелии евреев и других источниках нет ни одного упоминания об Иисусе как о женатом человеке.

А подумайте, сколько было бы случаев, в которых каждый из этих авторов должен был бы упомянуть брак или жену Иисуса, если бы он действительно был женат. В этих документах упомянуты мать Иисуса, его «отец» (Иосиф), братья и сестры. Почему тогда его жена ни разу не упомянута? Упомянуты его ученики, другие его последователи (в том числе, женщины). Почему жена — ни разу? Более того, несколько раз упомянуты супруги его последователей. А в одном месте упоминаются жены апостолов и земных братьев Иисуса (IКор 9:5). Почему бы тогда не упомянуть жену Иисуса? (То, что это не просто замалчивание фактов, нам сейчас станет ясно.)

Еще интереснее обстоит дело с Марией Магдалиной: если Иисус действительно был женат на ней, почему об этом нет никаких упоминаний? Почему ни в одном из канонических Евангелиях она не занимает особого места? Почему, если так разобраться, кроме Евангелия от Луки 8:1–3, где она названа по имени вместе с другими женщинами (Иоанной, Сусанной и несколькими неназванными), она ни разу не упоминается во время его пастырской деятельности, и уж тем более не говорится о том, что она состояла в особых отношениях с Иисусом? Почему она не фигурирует ни в одной из историй об Иисусе в этих Евангелиях? И даже в Евангелиях, где она занимает особое место, например в Евангелии от Марии, почему она — та, кому Иисус делает важное признание, а не та, на ком он был женат?

Еще интереснее вопрос, почему она идентифицирована именно таким образом, как Мария Магдалина, Ученые единодушно соглашаются, что ее называют Магдалиной, чтобы отличить от других Марий, упоминающихся в Новом Завете, в том числе от Марии, матери Иисуса, и Марии из Вифании, сестры Марфы и Лазаря. Прозвание *Магдалина* указывает на место ее рождения — Магдалу, рыболовецкую деревушку на берегу Галилейского моря. Но если было необходимо отличить эту Марию от других Марий, почему бы просто не указать, что она та, на которой женат Иисус, а не говорить, откуда она родом? Более того, если они были женаты, как получается, что Иисус, в соответствии с источниками, никогда не покидал свой родной город до начала пастырской деятельности, а эта женщина родом из *другого* города (из Магдалы, а не из Назарета)?

Это непреодолимые трудности для большинства ученых, пытающихся ответить на

вопрос, был ли Иисус женат, не говоря уже о том, был ли он женат на Марии Магдалине. Она просто практически не фигурирует в наших ранних источниках, кроме самого конца истории об Иисусе, когда она с другими женщинами приходит помазать его тело перед погребением. И как я уже подчеркивал, даже в более поздних евангелиях, например в Евангелии от Филиппа, не сказано, что они были женаты (более подробно эти евангелия будут рассмотрены в следующей главе).

Но если Иисус на самом деле не был женат, как мы можем это объяснить? Прав ли Роберт Лэнгдон, утверждая, что еврейские мужчины *должны* были быть женаты, а безбрачие осуждалось?

К сожалению, это очередной полет фантазии Дэна Брауна, не имеющий исторических оснований (или, возможно, основанный на пристрастном изучении намного более поздних иудейских источников). На самом деле, у нас есть данные об иудейских мужчинах-холостяках, живших во времена Иисуса в той же местности, и вполне ясно, что они не осуждались за это. И самое интересное, что эта традиция оставаться холостым характерна именно для того круга, к которому принадлежал Иисус, — для пророков апокалипсиса первого века, считавших, что мир, в котором они живут, вскоре будет разрушен, когда Бог вмешается в историю, чтобы уничтожить силы зла и установить царство добра.

У нас есть данные об одной из иудейских сект, верившей в апокалипсис и принадлежавшей той же эпохе и местности. Это секта ессеев, создавших свитки Мертвого моря. Как свидетельствуют древние источники, эти ессеи были преимущественно мужчинами, не вступавшими в брак. Об этом сказано, с одной стороны, в иудейских источниках того времени: у философа первого века Фила, который указывает, что «ни один ессей не берет жену», а также у историка Иосифа, который указывает, что ессеи не вступают в брак. Эта же информация подтверждается и неиудейскими источниками: например, римский мыслитель Плиний старший указывает, что ессеи отрицали секс и жили «без женщин»[54].

Современные ученые не считают, что сам Иисус был ессе-ем. Но у него было поразительно схожее с ними апокалиптическое мировоззрение. Поэтому совсем неудивительно, что он тоже был неженат. И на самом деле, само его учение дает нам основания полагать, что он был холостяком. В одном из наших ранних евангелий описано, как Иисус вступил в спор с правящей иудейской группировкой, саддукеями, которые не верили в жизнь после смерти в грядущем царстве, а настаивали, что смерть несет с собой полное прекращение существования. Иисус пытался убедить их в том, что они не правы, что, когда наступит царство, жизнь продолжится для тех, кто жив, и даже для тех, кто уже умер. Но он утверждает, что жизнь станет другой и будет отличаться от нынешней, по крайней мере, одним: люди «не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Мк 12:25).

Но как связаны эта идея воскрешения и нынешняя, земная жизнь? Не является ли это лишь описанием того, как *будут* обстоять вещи в грядущем царстве? Здесь необходимо подчеркнуть, что важную часть учения Иисуса занимала убежденность в том, что идеалы царства должны начать воплощаться в жизнь здесь и сейчас. В царстве не будет ненависти, поэтому люди должны любить друг друга сейчас; в царстве не будет страданий, поэтому люди должны стараться облегчить страдания сейчас; в царстве не будет голода, поэтому люди должны накормить голодных сейчас; в царстве не будет войн, поэтому люди должны бороться за мир сейчас; в царстве не будет сил зла, поэтому люди должны противостоять злу

сейчас (например, изгоняя демонов); в царстве не будет болезней, поэтому люди должны исцелять больных сейчас. Вот почему Иисус сравнивал царство Бога с «горчичным зернышком», которое, как бы крошечно оно ни было, когда его сажают, набрав силу, становится огромным растением (см. Мк 4:30–32). Царство сравнивается с этим зернышком, потому что теперь люди лишь начинают воплощать в жизнь стандарты царства, но когда Сын Человеческий придет судить на землю, уничтожит силы зла и установит царство Бога, это маленькое начало принесет огромные плоды, и царство вступит в полное могущество.

Иисус считал, что идеалы царства должны реализовываться в настоящем. И он считал, что в царстве не будет брака и сексуальных отношений. Так же полагали и ессеи, его товарищи по апокалиптицизму. Их мировоззрение находило выражение в том, что они не вступали в брак. И вполне допустимо — я бы даже сказал, крайне вероятно, — что Иисус поступил так же.

Дальнейшие доказательства этому мы находим в записях последователей Иисуса, сделанных после его смерти. Нашим наиболее ранним христианским автором является апостол Павел, который не входил в состав двенадцати учеников Иисуса, но стал лидером христианства — движения, основанного после смерти Иисуса. Как и Иисус (а до него ессеи), Павел начинал с иудейского апокалиптицизма. Обратившись к вере в Христа, он не отказался от своего апокалиптического мировоззрения, а видоизменил его под воздействием своей убежденности в том, что конец эпохи уже настал, вместе со смертью и воскресением Иисуса. Павел ожидал, что еще при его жизни Иисус вернется с небес и будет судить, и установится царство Бога (см. 1 Фес. 4:13–18; IКор 15:50–57). Другими словами, он был *христианским* пророком апокалипсиса.

А как он смотрел на брак? Примерно так же, как Иисус: в свете неизбежного конца человек должен полностью посвятить себя грядущему царству, а не отвлекаться на брак и сексуальные отношения. Давая христианам города Коринфа совет по поводу брака и сексуальных отношений, Павел говорит: «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я» (IКор 7:8). А почему? Для Павла, причина кроется в «настоящей нужде» (IКор 7:26) — другими словами, в приближающемся конце всех вещей. Поэтому те, кто женат, не Должны искать развода, а те, кто не женат, не должны искать брака (7:27). Вместо этого все люди должны посвятить себя обращению в Христову веру других людей, чтобы подготовить их к предстоящему разрушению нынешнего социального порядка и установлению царства Бога, в котором, по словам Иисуса, «не будут ни жениться, ни замуж выходить».

В свете апокалиптического послания, таким образом, не представляется удивительным, что он оставался безбрачным. Именно такую позицию занимали современные ему ессеи и его последователь Павел — всех их объединяла вера в апокалипсис. Принимая во внимание тот факт, что нет никаких доказательств тому, что Иисус был женат, не говоря уже о женитьбе на Марии Магдалине, можно сделать лишь один разумный вывод: Иисус, пророк апокалипсиса, был холостяком.

Иисус и Мария Магдалина

В свете того обстоятельств, что Иисус, по всей видимости, был не женат, что мы можем сказать о его отношениях с Марией Магдалиной? Из этих отношений с годами сделали многое, и не только в романах типа «Кода да Винчи» или сенсационных трудах вроде «Святая кровь, святой Грааль», но и в фильмах — например, в фильме режиссера Скорцезе

«Последнее искушение Христа» (по роману Казантзакиса), где Иисус показан женатым на Марии Магдалине, проститутке, и регулярно вступающим в сексуальные отношения с ней. Это мнение, что у Иисуса были особенно близкие отношения с Марией Магдалиной, уходит корнями в некоторые источники второго и третьего веков, такие как Евангелия от Филиппа и Марии, которые я уже упоминал и которые я более подробно рассмотрю в следующей главе (хотя следует подчеркнуть, что даже в этих источниках не говорится, что Иисус был женат на Марии Магдалине или когда-либо занимался с ней сексом). Но здесь меня интересует *историческая* ситуация, и эти более поздние легенды не имеют к ней отношения. Вопрос заключается в том, что мы можем узнать о Марии Магдалины из наших ранних источников.

Как я уже указывал, Мария не слишком часто появляется в наших евангелиях: в Новом Завете ее имя упомянуто лишь тринадцать раз (Петр, например, упоминается свыше девяноста раз), причем зачастую в параллельных абзацах (то есть, например, Матфей и Марк говорят о ней одно и то же в истории, которую Матфей заимствовал у Марка). Если же основываться на историях, содержащихся более чем в одном независимом источнике (вспомним, что неоднократно повторяющиеся истории с большей вероятностью можно признать аутентичными), о Марии Магдалине можно сказать следующее. Имя «Магдалина», как я уже указывал, используется для того, чтобы отличить ее от других Марий, в том числе от матери Иисуса и его знакомой Марии из Вифании (сестры Йарфы). В двух независимых источниках говорится, что она сопровождала Иисуса в его путешествиях по Галилее (Мк 15:41; Лк 8:1–3) и предоставляла финансовые ресурсы для его пастырской деятельности (наряду с другими женщинами, ряд из которых не назван по имени). В трех наиболее ранних Евангелиях, от Матфея, Марка и Луки, указано, что она (вместе с другими женщинами) пришла с Иисусом в Иерусалим в последнюю неделю его жизни и присутствовала при его распятии и погребении (Мф 27:56, 61; Мк 15:40, 47; Лк 23:55). И во всех четырех канонических Евангелиях, а также в Евангелии от Петра указывается, что именно она обнаружила пустую гробницу Иисуса и узнала — в зависимости от источника, от человека, который там был, от ангела или от двух ангелов, — что он воскрес. По версии одного из источников (Евангелие gt Иоанна), она узнает об этом одна, по версии других, она приходит к гробнице в компании женщин, некоторые из них иногда названы по именам. Она (и другие) затем рассказали о пустой гробнице и стали, таким образом, первыми свидетелями воскресения. Согласно некоторым источникам, Иисус после воскресения является ей прежде, чем ученикам.

И я боюсь, это все, что мы можем извлечь о ней из наших источников. Конечно, хотелось бы, чтобы информации было больше, и всегда есть искушение *придумать* то, чего не было (Иисус был женат на ней! Иисус занимался с ней сексом! у Иисуса был от нее ребенок!). Но историки могут опираться лишь существующие доказательства, они не должны придумывать исторические факты. У нас нет оснований предполагать, что она была «из рода Вениаминова» (как утверждает Лью Тибинг), а даже если бы и была, это не указывало бы на ее царскую кровь (многие люди были из рода Вениамина, в том числе апостол Павел; Флп 3:5). Нет оснований предполагать, что Иисус вверил ей свою церковь (этого не сказано даже в Евангелии от Марии), что он был женат на ней, занимался с ней сексом, или что она когда-либо была во Франции.

Есть другие упоминания о Марии Магдалине, которые содержатся только в одном источнике. Лука, например, единственный, кто указывает, что Иисус изгнал из нее «семь

демонов». К сожалению, допуская, что Лука прав, мы не знаем природу ее демонической одержимости. Идея, что эти демоны толкнули ее на путь проституции, является явным преувеличением; большинство демонов в Евангелиях не позволяют людям говорить, или делают их больными, или пытаются нанести им вред, толкая в огонь или в воду. Более того, ни одно из упоминаний о ней — даже у Луки — не указывает на то, что Мария была проституткой. Эта идея возникла примерно через 500 лет после написания Евангелий, когда папа Григорий Великий произнес проповедь, в которой сказал, что Мария Магдалина — не кто иная, как та женщина дурной репутации, которую упоминает Лука (7:36–50). Но современные ученые не признают такую идентификацию достоверной. Лука рассказывает, как не названная по имени женщина помазала ноги Иисуса миром; эту историю Лука заимствовал у Марка и слегка видоизменил. У Марка эта женщина не связана с Марией Магдалиной и не называется женщиной сомнительной репутации. У Луки эта женщина тоже не является Марией Магдалиной, поскольку последняя упомянута непосредственно в следующей истории, и Лука называет ее имя, вводя в повествование *новый* персонаж (Лк 8:2). Интересно, что в Евангелии от Иоанна есть похожая история о помазании Иисуса (правда, дело происходит в иудейской Вифании, а не в Галилее, как у Луки); однако у Иоанна речь идет о Марии из Вифании, а не о безымянной женщине (и не о Марии из Магдалы), которая помазала Иисуса миром в своем доме, а не в доме фарисея Симона (как у Луки). В любом случае, Мария из Вифании и Мария Магдалина были родом из разных городов, их нельзя идентифицировать как одного человека.

Заключение

Короче говоря, мы немногое можем узнать о Марии Магдалине из наших наиболее ранних и исторически достоверных источников. Неудивительно, что мучимые любопытством христиане второго и третьего столетий, изменявшие рассказы об Иисусе и иногда придумывавшие новые, приложили свое богатое воображение к этой названной по имени женщине, которая сопровождала Иисуса, и стали говорить о ней исторически не достоверные вещи.

И естественно, что эти придуманные истории нашли отклик в сердцах современных читателей, которые хотят знать о Марии Магдалине больше, чем это возможно. И опять-таки неудивительно, что о ней продолжают создавать современные легенды, в том числе легенду о том, что она была замужем за Иисусом, вступала с ним в регулярные интимные отношения и родила ему ребенка. Это легенда бестселлера «Святая кровь, святой Грааль», практически в неизмененном виде заимствованная Дэном Брауном для написания «Кода да Винчи».

Глава восьмая

Женское начало в раннем христианстве

Один из ключевых вопросов, поднятых в Коде да Винчи, связан с ролью женщины в христианстве. В соответствии со словами Лью Тибинга и Роберта Лэнгдона, тайное общество, известное как Приорат Сиона, верно полагало, что изначально христианство было религией, восхвалявшей женское начало — как человеческое, так и божественное — и включало в себя ритуалы поклонения именно женщине. Эту теорию Лэнгдон излагает Софи Невё, объясняя исключительную природу ритуалов, которые Приорат Сиона продолжает исполнять по сей день:

> — Дело в том, Софи, — сказал Лэнгдон, — что традиция поклонения богине была основана у братства на веровании, что могущественные люди эпохи раннего христианства «обманывали» мир, пропагандируя лживые идеи… Приорат Сиона считал, что Константину и его преемникам по мужской линии удалось отвратить мир от языческого матриархата и насадить патриархальное христианство. И делали они это, развернув пропагандистскую кампанию, где демонизировалось священное женское начало, что привело к исчезновению богини из современной религии (с. 151–152).

Впоследствии мы узнаем из романа, что один из способов поклонения Приората богине заключается в ритуале *Хиерос гамос* — буквально, «священный брак», — в котором собравшиеся наблюдают за соединением своих лидеров, мужчины и женщины, в священном половом акте. Софи сама невольно становится свидетельницей таинственного ритуала за десять лет до этого: ее дедушка, Жак Соньер, куратор Лувра, занимается любовью в подвале их загородного дома, в окружении распевающих заклинания мужчин и женщин в ритуальных платьях и масках. Не зная, что это за ритуал, она подумала худшее и разорвала с ним все отношения, Однако от Роберта Лэнгдона и Лью Тибинга она узнает, что то, чему она стала свидетельницей, было не отправлением какого-то эксцентрического сексуального культа, а священным таинством людей, которые понимали истинное значение женского начала и необходимость мужчины и женщины соединиться, чтобы постичь истинную божественную сущность мироздания.

Лэнгдон и Тибинг утверждают, что этот ритуал уходит корнями в древность, что ранние христиане делали основной акцент на понимании женского принципа и поклонении ему. И только с приходом к власти патриархального императора Константина в четвертом веке женское начало стало демонизироваться христианством, женщины с тех пор стали играть вторые роли, а мужское начало — как человеческое, так и божественное — стало абсолютно господствующим и священным.

Является ли это объективным изображением доконстан-тиновского христианства? Отводились ли женщинам ведущие роли в ранних христианских церквях? Действительно ли мужчины и женщины чтили божественный принцип и поклонялись женскому аспекту божества? Включало ли в себя это поклонение тайные сексуальные ритуалы? Правда ли, что женщина была демонизирована Константином и его религиозными сподвижниками?

На некоторые из этих вопросов сложно ответить. Мы можем начать с рассмотрения

практической стороны дела: отводилась ли женщинам значимая роль в раннем христианстве и продолжали ли они занимать высокое положение (и даже обладать властью) вплоть до времен императора Константина?

Роль женщин в раннем христианстве

Действительно, женщины, по всей видимости, играли более значительную роль в ранней христианской церкви, чем в обществе в целом. Как мы уже видели, сам Иисус много общался с женщинами. Были женщины, в том числе Мария Магдалина, которые спонсировали его путешествия в рамках пастырской деятельности. Иисус прилюдно вступал в разговоры и споры с женщинами. Он прилюдно исцелял женщин. У него были последовательницы, и некоторые из них сопровождали его и его учеников в путешествии из Гклилеи в Иерусалим в последнюю неделю его жизни. Женщины присутствовали при его распятии, когда его ученики-мужчины бежал и, затем они присутствовали при его погребении. И согласно всем самым ранним источникам, именно женщины обнаружили на третий день, что его гробница пуста, и первыми возвестили, что он воскрес. То есть женщины явно играли значительную роль при жизни и после смерти Иисуса.

А что мы можем сказать о церквях, появившихся после его смерти и названных его именем? По правде говоря, как мужчины играли наиболее важные роли при жизни Иисуса, так и продолжили их играть после его смерти. Лидерами самой ранней христианской общины в Иерусалиме были в основном его апостолы — особенно апостол Петр, а также один из братьев Иисуса, Иаков, обратившийся в веру в Иисуса вскоре после его распятия (IКор 15:7). Мужчины возглавляли процесс непосредственного устройства церквей (Деян 6). Большинство ранних христианских миссионеров, известных нам из таких источников, как Деяния Апостолов, были мужчинами — Варнава (Иосия, прозванный Варнавой), Филипп и недавно обращенный Савл из Тарса (Деян 8–9). Наибольшее внимание уделяется обращению в веру именно мужчин, таким как римский сотник Корнилий (Деян 10–11). И на собрании, созванном для решения ключевой проблемы, вставшей перед новой церковью, — должны ли неиудеи соблюдать иудейский закон, чтобы считаться последователями Иисуса — основными ораторами были мужчины (Деян 15). Таких примеров множество.

Могла ли эта ориентация на мужской принцип быть сфальсифицирована под влиянием пристрастий автора Деяний, а не отражать исторические реалии? Скорее всего, нет: этот автор, чьему перу принадлежит также Евангелие от Луки, напротив, постоянно подчеркивает роль женщин в жизни самого Иисуса, в большей степени, чем авторы других Евангелий. Поэтому, по всей видимости, картина, созданная им в Деяниях, достоверна (или, по крайней мере, не является целенаправленной пропагандой патриархата). Тем не менее есть указания и на то, что женщины действительно играли важную роль в зарождающихся христианских общинах первого века. Эти указания мы находим у апостола Павла, самого раннего христианского автора, который написал ряд посланий церквям, посвященных обсуждению различных проблем и их решению. Из посланий Павла ясно, что женщины, хотя и не были так значимы в общинах, как мужчины, изредка все же занимали высокое положение и обладали властью.

Женщины в церквях Павла

Самый яркий пример мы находим в Послании Павла к римлянам[55]. В нем Павел приветствует некоторых членов общины по именам, и мы с удивлением обнаруживаем, что

женщины занимают значительную часть этого приветствия. Хотя Павел называет больше мужских имен, чем женских, мужчины в этой общине не представляются превосходящими женщин. Павел называет Фиву, диакониссу (или настоятельницу) церкви Кенхрейской, которая была покровительницей лично Павла и которой он доверяет передать его Послание к римлянам (16:1–2). Он упоминает Прискиллу, которая, как и ее муж Акила, была сотрудником Павла в его миссии и содержала домашнюю церковь (16:3–4; обратите внимание, что она упомянута прежде своего мужа). Он приветствует Мариам, которая выполняла ту же работу, что и он, среди римлян (16:6). Он упоминает Трифену, Трифосу и Перейду, женщин, которых Павел называет своими соратницами в служении Господу (16:12). Он упоминает также Юлию, и мать Руфа, и сестру Нирея — все они, очевидно, занимали высокое положение в общине (16:13, 15). Но больше всего впечатляет, что он упоминает Юнию, которую называет «прославившейся между Апостолами» (16:7). То есть круг апостолов явно был шире и разнообразнее, чем те двенадцать мужчин, которые известны большинству людей.

Из других посланий Павла также можно сделать вывод об активном участии женщин в жизни христианских церквей. Например, из его Послания к коринфянам мы узнаем о женщинах, которые активно участвовали в церковных ритуалах, применяя свой «духовный дар», который, среди прочего, позволял им передавать общине божественные пророчества (IКор 11:4–6). А в Послании к филиппийцам Павел называет по именам только двух членов общин — и это две женщины, Еводия и Синтихия, чье инакомыслие несколько беспокоит апостолов, видимо, вследствие высокого положения, которое они занимают в общине (Флп 4:2).

Если бы христианство было религией со строго мужской ориентацией, как утверждают некоторые, было бы сложно найти объяснение тому, что женщины играли такую важную роль в церквях Павла. Но как нам объяснить эту ситуацию в свете учения Павла о мужчинах и женщинах? В случае с Иисусом мы видели, что женщин, по всей видимости, побуждало становиться его последовательницами, апокалиптическое послание: в грядущем царстве судьбы перевернутся, униженные будут возвеличены. Женщины, естественно, слышали в этом учении надежду — особенно те, кто находился в абсолютном подчинении у мужчин своей семьи в древнем патриархальном обществе. Как мы видели, Павел тоже разделял учение об апокалипсисе. Может быть, этим вновь можно объяснить ту важную роль, которую играли женщины в его церквях, — тем, что они уже в какой-то мере начали воплощать идеалы царства здесь и сейчас, меняя патриархальные устои общества и занимая равное положение с мужчинами в небольших церковных общинах?

Ключевым стихом для понимания взгляда Павла на женщин является стих 3:28 Послания к галатам, где он утверждает, что каждый христианин, «во Христа крестившийся», уже начал испытывать свободу от социального неравенства нашей эпохи: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе». Основываясь на этом стихе, можно сделать вывод, что в христианских общинах не было социального неравенства на почве социального положения или статуса: все люди равны «во Христе». И все же, из других посланий Павла следует, что он, как и Иисус, никогда не призывал к социальной революции, в которой будет сметено социальное неравенство и установится лучшее общество. Павел ни разу не призывает, например, к упразднению рабства; он, напротив, полагает, что оно будет продолжать существовать как социальный институт, пока существует этот мир (см. его Послание к Филимону). И хотя «во

Христе… нет мужеского пола, ни женского», в реальности люди, в том числе христиане, продолжают жить в этом мире, пока не наступит царство. Поэтому даже несмотря на утверждение Павла, что в конечном итоге различия между полами не будет, в настоящее время оно продолжает существовать.

Вот почему Павел говорит женщинам Коринфа, что когда они молятся и пророчествуют в церкви, они должны покрывать голову (1Кор 11:2-16). Некоторые женщины из общины, видимо, восприняли всерьез его слова о том, что во Христе не будет разницы между полами, и стали появляться на людях с непокрытыми головами (социальный вызов для женщины того времени). Павел же, напротив, настаивает, что различия *продолжают* существовать в настоящем, даже если в конечном итоге их не станет. Поэтому женщины не должны одеваться или вести себя, как мужчины; их головы должны быть покрыты (в отличие от мужских).

Роль женщин в церковной общине после Пазла

Позиция Павла в отношении женщин может показаться современному читателю по меньшей мере двойственной: женщины и мужчины теоретически равны во Христе, но не в действительности. Мужчины должны вести себя, как мужчины, а женщины, как женщины. Любопытно, что впоследствии различные церковные лидеры подчеркивали либо одну, либо другую сторону двойственной позиции Павла. Нам, например, известны более поздние христиане-последователи Павла, которые подчеркивали равноправие для женщин и считали, что женщины должны быть также активны в христианских общинах и миссиях, как мужчины. Наиболее четко эта мысль прослеживается в легендах, окружающих предположительную ученицу Павла по имени Фекла.

Истории о Фекле были широко распространены среди христиан второго и третьего веков. Из них мы узнаем, что Фекла была помолвленной язычницей, случайно услышавшей проповедь Павла. В этой проповеди, согласно легенде, Павел говорил, что все люди, как мужчины, так и женщины, должны жить в абсолютном целомудрии. Те, кто женат, не должны заниматься сексом; те, кто не женат, должны таковыми и остаться. Целомудренный человек унаследует царство Бога.

Феклу трогает это учение, и она разрывает помолвку, чем вызывает ярость и гнев своего бывшего жениха, который от горя передает ее римским властям как христианку, заслуживающую наказания. В нескольких волнующих и захватывающих эпизодах Фекла получает сверхъестественную защиту, когда ее бросают к диким зверям и чуть не сжигают на костре. В конце концов, ей удается присоединиться к Павлу, и на всю жизнь она остается защитницей его учения о целомудрии. Она сама возглавляет христианскую миссию для распространения этих благих вестей и обращения других в веру Павла.

Трудно определить, сколько исторической истины в этих историях, но они, очевидно, нашли широкий отклик в сердцах многих читателей. Некоторые ученые полагают, что большинство читательской аудитории тогда, по всей видимости, составляли женщины, и целомудрие воспринималось ими как синоним свободы — свободы от ограничений патриархального брака, в котором женщина была подчинена воле и прихотям своего мужа. Обращение к учению Павла, таким образом, могло означать освобождение в мире мужского владычества. И естественно, что многие христиане второго и третьего веков считали, что именно такого освобождения желал Павел для женщин.

Но другие христиане воспринимали Павла прямо противоположным образом, как

человека, поддерживающего подчиненность женщины как в браке, так и в церковной общине. Такое толкование слов Павла можно обнаружить уже в самом Новом Завете. Я уже упоминал о том, что в состав Нового Завета входят тринадцать посланий, подписанных именем Павла. Но начиная с девятнадцатого века, ученые стали приводить серьезные доказательства того, что некоторые из этих посланий были написаны не Павлом, а его более поздними последователями от его имени. В частности, большинство ученых соглашаются, что Павел не писал Первого и Второго посланий к Тимофею и послания к Титу[56]. Интересно, что в этих посланиях слова Павла толкуются противоположно версии легенд о Фекле. В них мужчины должны возглавлять церкви; женщины должны подчиняться мужчинам во всем. Наверное, в наиболее печально известном отрывке из этих посланий «Павел» (то есть анонимный автор, пишущий от имени Павла) говорит следующее:

> Жена да учится в безмолвии, со всякое покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде был создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием (1Тим 2:11–15).

В посланиях, которые написал сам Павел, как и в более поздних легендах о Фекле, упоминаются женщины, принимающие активное участие в жизни общины: они молятся, пророчествуют и учат (а в рассказах о Фекле, например, даже крестят). Но согласно этому отрывку из Первого послания к Тимофею, все это запрещено. Женщины должны молчать и подчиняться; они могут получить спасение, лишь рожая детей[57].

Здесь я должен подчеркнуть два ключевых момента: (1) именно этот взгляд в конце концов победил в борьбе между женщинами, которые хотели играть более значимую роль в христианской общине, и мужчинами (а еще, что спорно, женщинами), которые хотели, чтобы женщины подчинялись мужчинам, и (2) это ограничение роли женщин появилось не во времена Константина, оно уже существовало за столетия до него. Это взгляд на вещи, который содержится уже в самом Новом Завете.

Но как получилось, что Павел, написавший в стихе 3:28 Послания к галатам о равенстве полов во Христе, превратился в «Павла», писавшего в посланиях к Тимофею и Титу о превосходстве мужчин? Многие ученые полагают, что это произошло следующим образом. В ранних церквях была апокалиптическая лихорадка: все ждали скорого конца света. А в грядущем царстве будет абсолютное равенство, и это равенство должно проявляться до некоторой степени здесь и сейчас, в преддверии нового миропорядка. Но царство все не наступало, и церкви приготовились долго ждать. Это привело к тому, что христиане вернулись к своим обычным жизням в соответствии с моделями, которые уже давно установились в обществе — что означало, среди прочего, что женщины смещались с престижных позиций и вновь отдавались в подчинение мужчинам. Религия стала патриархальной с течением времени, потому что не приходило царство. Это произошло относительно быстро, так что в большинстве христианских церквей второго века женщины уже не играли значимых ролей. Опять-таки, это не было решением Константина; в его время это решение уже было давней историей.

Это не означает, что все христиане второго века отрицали роль женщин. Напротив, истории о Фекле и ей подобных были так популярны именно потому, что в ряде мест были мощные контрдвижения. Здесь я могу назвать два таких движения.

Женщины в движении мэнтанистов

Движение монтанистов названо по имени пророка конца второго века Монтана, который предсказывал скорое наступление царства Бога (апокалиптическое движение в христианстве никогда не исчезало окончательно — на самом деле, оно продолжает свое существование по сей день) и предупреждал христиан, что они должны посвятить свои жизни подготовке к этому, следуя строгим моральным принципам. Практически в начале своей деятельности Монтан принял в качестве последовательниц двух женщин-пророков по имени Максимилла и Присцилла, которые стали считаться такими же значимыми, как мужчины, благодаря божественным откровениям, которые они передавали, предположительно будучи вдохновленными Святым Духом. Эти женщины, очевидно, считали себя ключевыми фигурами в предстоящем апокалиптическом сценарии. Как однажды предсказала Максимилла: «После меня более не будет пророчеств, будет лишь Конец»[58].

Учитывая центральное положение этих женщин в движении, логично предположить, что в монтанистских кругах должно было быть хотя бы подобие равенства полов. Но, как выясняется, нет никакой связи между социальной реальностью (женщины-пророки) и идеологическими акцентами (второсортность женщин). Наиболее известным человеком, обратившимся в монтанистскую веру, был знаменитый христианский апологет, полемист и охотник на еретиков Тертуллиан из Карфагена (160–225 гг. н. э.), один из величайших женоненавистников древности. Тертуллиан был беспощаден в своей атаке на женщин, которые считали, что могут быть церковными лидерами. Его взгляд на женщин в целом ясно выражен в начале трактата, который он написал, чтобы запретить женщинам украшать себя изящной одеждой или драгоценностями в попытке стать привлекательными (ибо пред Господом они таковыми не являлись). Здесь он отмечает, что каждая женщина является потомком Евы, и каждая, как и ее прародительница, несет персональную вину за весь грех, который был выпущен в мир, чтобы терзать мужчину (то есть всех мужчин):

Разве вы не знаете, что каждая из вас — Ева? Приговор Господа вашему полу в силе до сих пор: должна быть в силе и вина.

> Вы врата дьявола: *вы* сорвали запретный плод: вы первые отступили от божественного закона: это она, которая убедила его (то есть Адама), к которому дьявол не имел достаточно смелости подступиться. Бы так легко разрушили образ и подобие Господа, мужчину. Именно потому, что *вы* были отступницей, — то есть вы разбудили смерть — даже Сын Божий должен был умереть. И вы еще помышляете о том, чтобы себя украшать?[59]

Не слишком либеральный взгляд. Я считаю, что даже если были женщины, игравшие значимую роль в религии, это еще не означает, что женщин почитали за то, что они были женщинами, или что кто-то поклонялся священному женскому началу там, где были выдающиеся женщины. Зачастую происходило совсем наоборот.

Женщины в гностицизме

За столетия до Константина, возможно, единственным ответвлением христианства, в котором женщины играли значимую роль, был гностицизм во всех своих направлениях. Мы уже рассматривали этот вопрос, но я хочу еще раз подчеркнуть, что гностицизм не был чем-то *единым,* — это был целый ряд различных религий, которые объединяли несколько ключевых пунктов. Например, дуалистическое верование в то, что наш материальный мир

— зло, а духовное царство — добро, или идея о том, что только божественно переданное знание (гносис) может избавить от существования во зле. В ряде гностических ответвлений женщины играли значимую роль, и, в какой-то степени, существовало поклонение священному женскому началу. Есть даже свидетельства о проведении ритуалов, похожих на Хиерос гамос, описанный в «Коде да Винчи». Но эти свидетельства в большинстве случаев двусмысленны и сложно поддаются интерпретации.

Оппонентами гностических форм религии были отцы церкви, чьи работы впоследствии были объявлены ортодоксальными[60]. Эти авторы иногда нападали на гностиков за их странное (для ортодоксов) понимание божественного царства — которое населялось не единственным истинным Богом, а многочисленными богами, как мужского, так и женского пола. Более того, они нападали на гностиков за то, что женщинам позволялось занимать значимые, лидирующие позиции в их общинах. Даже в самих гностических свитках, дошедших до нас, периодически встречаются намеки на значимость женщин и женского принципа. Некоторые из этих рукописей, как мы видели, процитированы в «Коде да Винчи», особенно два евангелия, необоснованно причисляемые к наиболее ранним, — Евангелие от Марии и Евангелие от Филиппа. Здесь нам следует поближе познакомиться с этими рукописями.

Евангелие от Марии

Евангелие от Марии, по всей видимости, было написано где-то во втором веке (в конце?) [61]. Даже несмотря на то, что у нас нет полного текста, оно явно было любопытным Евангелием, поскольку в нем, среди прочего, Марии Магдалине отводится высокий статус среди апостолов Иисуса. На самом деле в конце текста апостол Леввей признается своим товарищам, что Иисус «любил ее больше, чем нас». Особые отношения Марии с Иисусом видны прежде всего из ситуации, когда он открывает ей одной, в видении, объяснение природы вещей, скрытых от апостолов.

Евангелие разделено на две части. В первой части Иисус, после своего воскресения, открывает всем своим апостолам природу греха, в последний раз благословляет, дает последние напутствия, посылает их проповедовать Евангелие и уходит. Они огорчены его уходом, но Мария утешает их и призывает поразмышлять над его словами. Затем Петр просит ее рассказать, что Иисус сказал непосредственно ей. Во второй части Евангелия она описывает видение, которое ей было послано. К сожалению, четыре страницы из рукописи утеряны, и нам известны только начало и конец ее описания. Но по всей видимости, видение включало в себя ее разговор с Иисусом, в котором он описывает, как человеческая душа может миновать четыре правящие стихии мира, чтобы найти вечный приют. Это описание судьбы души связано с рассказами о спасении, содержащимися в других гностических текстах.

Далее, по сюжету Евангелия, два апостола — Андрей и Петр — оспаривают видение Марии и ее утверждение, что оно вообще у нее было. Спор, однако, останавливает Леввей, указав, что она была любимой ученицей Иисуса и что им необходимо отправляться проповедовать Евангелие, как он приказал. Они так и поступают, на чем Евангелие заканчивается[62].

Таким образом, перед нами текст, в котором подчеркивается значимость Марии — женщины, которой Христос открыл, как получить спасение. Мне, наверное, следует отметить, что Лью Тибинг абсолютно неверно толкует этот текст в «Коде да Винчи», когда

говорит:

> Во многих Евангелиях сказано, что именно в тот момент Иисус и заподозрил, что скоро Его схватят и распнут на кресте. И Он наказывает Марии, как править Его Церковью после того, как Он уйдет… Согласно всем этим изначальным Евангелиям, Христос давал указания о том, как строить Церковь, вовсе не Петру. А *Марии Магдалине* (с. 300).

На самом деле, это неверное описание. Разговор, о котором написано в Евангелии от Марии, состоялся *после* распятия Иисуса, а не до, и откровение, данное Марии, — не о том, как править Его Церковью, а о том, как спасти душу. Тем не менее у нас есть по крайней мере один гностический текст, в котором женщине отводится особая роль. В то же время я должен подчеркнуть, что эта особая роль не является неоспоримой и воспринимается двояко. Строго говоря, большая часть книги посвящена тому, можно ли доверять видению Марии, поскольку оно было дано женщине. Очевидно, некоторые члены гностической общины, создавшей этот свиток, отвечали на этот вопрос утвердительно, другие отрицательно.

Евангелие от Филиппа

Вторым гностическим текстом, на котором построен сюжет «Кода да Винчи», является Евангелие от Филиппа[63]. Эта книга была обнаружена лишь в 1945 году, среди прочих документов библиотеки Наг-Хаммади. Хотя ее несложно идентифицировать как гностическую работу, вероятно, начала третьего века, ее очень трудно понять в деталях. Отчасти это обусловлено тем, как она составлена: это собрание мистических размышлений, взятых из ранее существовавших проповедей, трактатов и теологических диспутов, подписанных именем ученика Иисуса Филиппа. А поскольку эти размышления относительно изолированы друг от друга, без какого-либо контекстуального сюжета, их очень сложно интерпретировать[64].

Один из наиболее ясных акцентов текста сделан на контрасте между теми, кто может понять, и теми, кто не может, между экзотерическим знанием (доступным всем) и эзотерическим (доступным избранным), между неподготовленными прихожанами (обычными христианами, называемыми «Иудеи») и подготовленными адептами (гностиками, называемыми «Неиудеи»). Те, кто не понимает, обычные прихожане, обладающие только экзотерическими знаниями, ошибаются во многих своих суждениях — например, буквально воспринимая такие понятия, как непорочное зачатие (стих 17) или воскресение Иисуса (стих 21), которые на самом деле являются не историческими фактами, а символическим выражением глубинных истин.

Во всем тексте фигурируют христианские таинства. Пять таинств ясно названы: крещение, помазание, Евхаристия, спасение и венчание (стих 68). Сложно понять, какое глубинное значение эти ритуалы имели для автора. Однако особый интерес вызывает таинство венчания. Возможно, это является указанием на своего рода союз между мужчиной и женщиной, ритуальную церемонию полового акта, в которой принимают участие члены общины, как в *Хиерос гамосе*, описанном в «Коде да Винчи»? Мнение ученых по данному вопросу разделилось. Учитывая, что в самом Евангелии отсутствует какое-либо объяснение этого таинства, мы не можем с уверенностью сказать, о чем идет речь.

Два отрывка из Евангелия от Филиппа процитированы в «Коде да Винчи». Один я уже

упоминал:

> Господа всегда сопровождали трое: Мария, его мать, и его сестра, и Магдалина, которую называли его спутницей. Его сестру, его мать и его спутницу звали Мариями.

Лью Тибинг утверждает, что арамейское слово «спутница» на самом деле означает «супруга» и используется здесь для того, чтобы показать, что Иисус и Мария Магдалина были женаты. Но, как мы уже видели, текст был написан не на арамейском, а на коптском языке, и слово «спутница» (*koinonos*, заимствовано из греческого) в действительности означает не «супруга», а лишь «спутница», «друг», «товарищ».

Второй отрывок вызывает еще больше любопытства, но с ним связана одна проблема, о которой я должен упомянуть, прежде чем процитировать его. Свиток, на котором записано Евангелие от Филиппа, местами порван, и на месте многих слов дыры. Особенно это затронуло один отрывок:

> Спутница (повреждение свитка) Мария Магдалина (повреждение свитка) более, чем (повреждение свитка) учеников (повреждение свитка) целовал ее (повреждение свитка) в (повреждение свитка).

Очевидно, что Иисус целует Марию куда-то — но куда, сказать невозможно. Дальше в Евангелии описано примерно то же, что и в Евангелии от Марии, в том числе спор между учениками-мужчинами, почему Иисус любит Марию больше, чем их:

> Они сказали ему: «Почему любишь ее больше всех нас?» Спаситель ответил и сказал: «Почему я не люблю вас, как ее?»

Конечно, кому-то бросится в глаза, что Христос любил женщину больше, чем мужчин, но было бы ошибочно полагать, что его любовь к Марии по своей *природе* отличается от любви к ученикам-мужчинам (то есть это не романтическая любовь); речь здесь идет о разной *степени* любви.

В любом случае, вполне понятно, почему ортодоксальные отцы церкви, которые выступали за патриархальную религию и видели самого Бога как «отца» (не как отца и мать, например), считали, что гностики зашли слишком далеко, как в своем видении божественного царства, состоящего из ряда богов, мужского и женского пола, так и в возвышении роли женщин в своем движении. Но самое главное в корне неверно утверждать, что этот акцент на женском принципе был присущ христианству в целом до прихода Константина (как утверждают Лью Тибинг и Роберт Лэнгдон в «Коде да Винчи»); этот акцент присутствовал лишь в одной ветви христианства — в нескольких направлениях, объединенных названием «гностицизм», — а не повсеместно. И эти взгляды свелись на нет за много лет до того, как на исторической арене появился Константин. На него нельзя возложить ответственность за демонизирование священного женского начала в христианстве.

Но это приводит нас к новым вопросам: оставив в стороне спорную роль женщин в ранней христианской Церкви, есть ли у нас доказательства, что священному женскому началу когда-либо поклонялись или что христиане проводили священный ритуал *Хиерос гамос*?

Принципы женственности в раннем христианстве

Это тоже вопрос, на который сложно найти ответы, поскольку наши источники так

скудны и двусмысленны.

Начнем с того, что едва ли можно предположить, что большинство ранних христиан поклонялись священному женскому началу. Как указывают наши ранние источники, сам Иисус называл Бога «отцом» и поклонялся ему именно в качестве такового. В канонических евангелиях Иисус постоянно употребляет эпитет «отец» (сорок пять раз только в Евангелии от Матфея, например); он никогда не говорит о Боге как о «матери», «сестре» или другом существе женского пола. И это неудивительно: Иисус был евреем, пророком апокалипсиса, мужчиной, который считал, что в грядущем царстве не будет ни брака, ни секса. Иисус не уделял внимания разнице полов, потому что считал, что в конце концов она будет упразднена.

Так же обстоит дело и с Павлом, которого так любили гностики. Павел считал, что во Христе не будет ни мужчин, ни женщин. По его мнению, в новом веке различие между полами будет устранено. Возможно, он полагал, что все люди вернутся к изначальному состоянию, когда Бог создал человека, но еще не отделил мужское от женского (что произошло позже, когда он сотворил Еву из ребра Адама). Другими словами, люди станут однополыми. Здесь тоже нет поклонения женскому принципу, есть лишь ожидание упразднения женского пола (так же, как и мужского).

Такие же акценты можно обнаружить даже в гностических источниках, в которых женщинам в целом отводится более значимая роль — ведь гностики полагали, например, что божественное царство состоит из богов обоих полов, а также что божественная искра в некоторых людях является на самом деле частью богини Софии, которая заключена в ловушку этого суетного мира (см. мои рассуждения во второй главе). Но даже здесь нет восхваления женского начала как такового. Вспомним высказывание из гностического Евангелия от Фомы:

> Симон Петр сказал им: «Пусть Мария оставит нас, ибо женщины не заслуживают жизни».
>
> Иисус ответил: «Я сам поведу ее, чтобы она стала мужчиной, и тогда она тоже сможет стать живым духом, как вы, мужчины. Ибо каждая женщина, сделавшая себя мужчиной, сможет войти в Царствие Небесное» (Евангелие от Фомы 114).

Здесь мы (вновь) сталкиваемся со спорами по поводу роли женщин в спасении, но здесь даже в большей степени нет восхваления женского начала, а есть стремление его уничтожить: лишь мужчины могут войти в царство (см. мои рассуждения в третьей главе).

Или возьмем другое высказывание из Евангелия от Фомы, которое перекликается с убеждением Павла, что в конце не будет ни мужчин, ни женщин, а только целостное человеческое существо:

> Иисус сказал им: «Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделает внутреннее таким же, как внешнее, а внешнее, как внутреннее… и когда вы сделаете мужское и женское одним и тем же, так что мужчина уже не будет мужчиной, а женщина женщиной… тогда вы войдете в царство» (Евангелие от Фомы 22).

Некоторые гностические секты, без сомнения, восхваляли женское начало, но мнения ученых по поводу того, как читать эти тексты, сильно разделены[65]. Указывает ли наличие богинь и высокий статус женщин на то, что богине поклонялись? Не следует сбрасывать со счетов примеры из таких христианских направлений, как монтанизм, где высокое

положение женщин абсолютно не означало важность женского начала.

Ритуальные поклонения богине

И наконец, были ли ритуальные поклонения богине, например, какие-либо древние эквиваленты ритуала *Хиерос гамос*? Мы видели, что какой-то подобный ритуал, возможно, существовал в общине, создавшей Евангелие от Филиппа, где проводилось таинство венчания. Однако наиболее ясное упоминание о подобном ритуале не восхваляет женское начало, а, очевидно, порочит его. К сожалению, это упоминание необходимо воспринимать со здоровой долей скептицизма, поскольку оно содержится в работе ортодоксального отца церкви четвертого века по имени Епифаний, который прежде всего боролся с «ересями», в том числе с гностицизмом.

В ходе длинного порицания практики одной из гностических сект фибионитов (называемой и другими именами), Енифаний в деталях описывает сексуальный ритуал, который, в некотором отношении, очень похож на то, свидетелем чему стал Софи Невё в подвале собственного дома[66]. Как пишет Епифаний, в ходе тайного ритуала, проводимого ночью и только для адептов секты, фибиониты выбирают себе пару (но не своих супругов) и соединяются в ритуальном сексе; но в момент оргазма мужчина выходит из женщины, и они собирают его семя в руки. Затем они поглощают его вместе, говоря: «Это тело Христово». Когда это возможно, они также собирают менструальную кровь женщины и поглощают ее вместе со словами: «Это кровь Христова». Если женщина случайно беременеет (когда не удается прервать половой акт), производится аборт, и зародыш поедается на общей трапезе, которую они называют «идеальной Пасхой».

Епифаний утверждает, что эти люди, совокупляющиеся в ритуальном сексе, делают так, чтобы сдублировать события, происходящие в небесном царстве, и таким образом получить возможность вернуться в свой небесный дом, откуда они пришли и оказались запертыми в смертных телах. Интересным в этом описании является то, что, вместо того чтобы восхвалять женское начало, как, предположительно, происходит в ритуале Приората Сиона, этот ритуал принижает его. Здесь отрицаются именно женские функции зачатия и деторождения, поскольку смысл полового акта для женщины в том, чтобы не забеременеть, и дети *не* должны рождаться. Таким образом, роль женщины в половом акте заключается не в том, что делает их женщинами (если, конечно, не учитывать факт, что у них есть менструальная кровь); неудивительно, что Епифаний далее указывает, что некоторые из их наиболее высокопоставленных лидеров (все они были мужчинами) занимаются ритуальной мастурбацией, чтобы вкусить тело Христово в тиши своих комнат.

Сложно поверить в то, что Епифаний говорит об этом ритуале — некоторые ученые вообще сомневаются, есть ли для этого исторические основания[67]. Непонятно, откуда он взял такие детали — ведь это тайные ритуалы для адептов, а не для обозрения публики: и даже книги секты (которые, как утверждает Епифаний, он читал) вряд ли были инструкцией к действию. Возможно, что-то наподобие этих ритуалов и имело место — но так же возможно, что это лишь плод воображения Епифания, причем довольно извращенного.

Заключение

Историкам очень сложно оценить роль женщины и важность «женского принципа» в раннем христианстве. Но некоторые вещи мы можем утверждать с уверенностью. В начале христианского движения женщины играли более значимую роль, чем впоследствии. Они

были широко представлены среди последователей самого Иисуса и в ранних христианских общинах времен Павла. Но в конце концов патриархальные силы напомнили о себе в христианстве, и уже в посланиях лже-Павла женщинам наказывается подчиняться мужчинам. Однако даже эти письменные наказы не заставили молчать всех христианских женщин, что нашло выражения в легендах о Фекле, в движении монтанистов и в некоторых гностических сектах второго и третьего веков.

Однако неверно утверждать, что там, где женщины занимали высокое положение, высоко ценилось и женское начало. Мы видели, что это не так на примере Тертуллиана и монтанистов. Видимо, самое высокое положение женщины продолжали занимать лишь в различных гностических сектах, где присутствовал женский аспект божества. Но даже здесь остается неясным, восхваляли ли все гностики женское начало как таковое, или они считали, что женщины должны оставить свою женскую сущность, либо став похожими на мужчин, либо достигнув состояния, когда не будет разницы между мужским и женским. В любом случае, непонятно, насколько такое понимание женского начала могло вырасти в поклонение, и были ли ритуалы, посвященные богине или самому женскому началу, выраженному в реальных женщинах.

Ясно только одно: христианство до Константина *не* было матриархальной религией, превращенной в патриархальную лишь после вмешательства римского императора. Несмотря на утверждения «Кода да Винчи», патриархат одержал победу среди большинства христиан задолго до начала четвертого века, и лично Константин не имел к этому никакого отношения.

Эпилог

Я хотел бы закончить эту книгу так же, как начал, на личной ноте. Когда я получил кафедру в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилл в 1988 г., моим первым курсом был «Иисус в мифах, традиции и истории». На мою удачу, в начале семестра как раз вышел фильм Мартина Скорцезе «Последнее искушение Христа». Я хотел воспользоваться моментом и пригласить моих студентов посмотреть этот фильм, чтобы написать на него критические рецензии, основанные на том, что они узнали из моих лекций. Подобное задание не вызвало бы проблем на северо-востоке страны, откуда я родом и где преподавал в Рутгерском университете в Нью-Джерси. Но я не учел, что находился на юге, в колыбели библейского учения. Студенты организовали маленькое восстание в знак протеста против моего задания, поскольку некоторые студенты, придерживавшиеся наиболее консервативных религиозных взглядов, считали просмотр этого фильма кощунством. Они отказались пойти, намекнув, что скорее откажутся от моего курса.

Я не мог в это поверить. Они были молодыми, но все же взрослыми людьми, которые должны были понимать, что нельзя критиковать фильм, не посмотрев его, так же как нельзя критиковать книгу, не прочитав ее, или курс, не прослушав его. Но они яростно критиковали фильм и отказались пойти. В конце концов я снял это задание (решив, что заставлять их сделать *что-то,* что противоречит их религиозным убеждениям, было бы нарушением того или иного конституционного права), сделав его добровольным: те, кто хотел, могли пойти со мной на просмотр, а затем обсудить со мной фильм за пиццей.

Фильм, правда, не понравился мне с первой же сцены (хотя дальше стало интереснее, и после нескольких просмотров я стал теплее к нему относиться). Многим моим студентам он тоже не понравился. Для них проблема заключалась в интимных отношениях между

Иисусом и Марией Магдалиной (сыгранных Уильямом Дефо и Барбарой Херши; я до сих пор считаю, что ее Магдалина была лучшей из всех, когда-либо сыгранных), что, как они считали, было чересчур. Меня это волновало не настолько сильно — не потому что я считал, что Иисус и Мария действительно занимались сексом, а потому что я понимал, что это всего лишь часть сюжета. Намного большее негодование вызвал у меня общий портрет Иисуса, который никак не может определиться, кто он такой, то полагая, что он мессия, то, что Сын Человеческий, а в другой раз, Сын Бога, и т. д., и т. п. Мне показалось, что это Скорцезе (или Казантзакис, написавший роман) не мог решить, кем же был Иисус, и поэтому переложил свою неуверенность на плечи главного героя. Я почувствовал, что люди, которые будут смотреть этот фильм, решат, что Иисус действительно был таким — абсолютно запутавшимся в собственном «Я», — в то время как я видел его абсолютно другим, человеком, который с самого начала знал, кто он.

Я тогда вспомнил свою реакцию на фильм «Житие Брайана» труппы комиков «Монти Пайтон», когда он впервые вышел на экраны. Я полагал, что местами он очень смешной — хотя, должен признаться, я чувствовал себя ужасно виноватым, когда смеялся над заключительной сценой распятия, в которой все висящие на крестах поют «Всегда смотрите на светлую сторону жизни». Но еще более неприятной для меня оказалась картина Палестины первого века, кишащей сумасшедшими иудейскими пророками апокалипсиса, причем каждый из них предсказывает свой сценарий приближающегося конца света. Я тогда подумал, что люди, смотревшие этот фильм, могли подумать, именно так все и было, и это, опять-таки, могло повлиять на их восприятие Иисуса.

Полагаю, теперь я стал старше и мудрее, потому что мне стали нравиться «Последнее искушение Христа» и «Житие Брайана», практически без оговорок, и я периодически показываю их своим студентам (по некоторым причинам, я теперь получаю меньше протестов). Но я был вновь ошарашен пару месяцев назад фильмом Мэла Гибсона «Страсти Христовы», причем по той же самой причине. Меня возмутило якобы основное послание Иисуса, что-то вроде «чем больше боли, тем лучше». То есть у людей безумное количество грехов, и Иисус пытается искупить их все, поэтому у нас на глазах его избивают до состояния кровавого месива. А почему? Потому что именно для этого он и пришел. Чем ему больнее, тем нам лучше. Я полагаю, это противоречит тому, как Евангелия описывают последние часы Иисуса, и я не могу не считать эту версию отвратительной. И все же, я думаю, что со временем я стану более благосклонно смотреть и на этот фильм.

По той или иной причине, каждый из этих примеров показал мне, что люди не получают неправильного представления о прошлом из кино. Возможно, для меня как для историка это звучит парадоксально. Но в действительности исторические фильмы *являются* для людей одним из основных способов узнать о прошлом. Я вынужден признаться, что, даже несмотря на то, что мне по специальности положено досконально знать историю ранней Римской империи, я почерпнул немало интересного для себя в фильме ВВС «Клавдий I». А кое-что о Римской республике времен Мария, Суллы и Юлия Цезаря я узнал из романов Колин Маккалох («Первый человек Рима» и др.). Хотя я историк по профессии, даже на мое восприятие прошлого влияют фильмы, которые я смотрю, и книги, которые я читаю. Каким же сильным должно быть это влияние на людей, профессия которых не связана с историей, которые лишь изредка сталкиваются с событиями Древнего мира, причем не в работах историков и специалистов по античности, а в книгах и фильмах!

Я иногда напоминаю себе, что мы, историки, странный народ. Мы учим несколько

мертвых языков (мой случай типичен: греческий, латинский, сирийский, иврит, коптский); мы детально исследуем тексты вроде тех, что содержатся в Новом Завете, или рукописей отцов Церкви; мы проводим долгие часы за изучением работ других историков, написанных по поводу этих документов. Очевидно, большинство людей так не поступают. В лучшем случае, они лишь слегка заинтересованы в Древнем мире, и эта заинтересованность происходит не от серьезного изучения источников, а от просмотра блокбастера или прочтения бестселлера.

«Коду да Винчи» лучше, чем любой другой книге на моей памяти, удалось создать такую заинтересованность. Сюжет романа сам по себе захватывающий. А исторические моменты, в которых обсуждается прошлое — особенно раннее христианство, — так мастерски вплетены в него, что читателю не требуется никаких усилий, чтобы получить информацию об Иисусе, Марии Магдалине, императоре Константине, создании христианской Библии и неканонических евангелиях. Какой потрясающий, великолепно легкий способ изучать историю!

Проблема заключается в том, что люди, читающие подобные книги, не могут отличить исторические факты от литературной фантастики. Даже если сам автор скажет вам, какие исторические утверждения являются лишь такими же литературными ухищрениями, как персонажи и сюжет романа, это вряд ли поможет делу. Да и во многих случаях он сам не знает. Он писатель, а не историк.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, именно поэтому я решил написать эту книгу. Не просто для того, чтобы исправить ошибки, а затем дать Дэну Брауну лестный отзыв. И не потому, что я боялся, что верующие люди потеряют свою веру, если кто-то наконец все не исправит. И уж, конечно, не для того, чтобы ударить по престижу романа. Он на самом деле нравится мне как художественное произведение, и я рекомендовал его моим друзьям (как и около восьми миллионов людей).

Моя цель была скромнее. «Код да Винчи» преуспел там, где потерпели фиаско профессиональные историки: он заставил людей заинтересоваться рядом исторических вопросов, касающихся раннего христианства. Я тоже интересуюсь этим. И говоря о «Коде да Винчи», я смог говорить об этих исторических проблемах. Они мне интересны, просто потому что интересны. Некоторым людям необходимо прочитать «Код да Винчи», чтобы понять, что в прошлом много интересного, — не скучным профессорам, читающих источники на мертвых языках, а простым обывателям, которым вдруг становится интересно узнать что-нибудь об Иисусе, Марии Магдалине, императоре Константине или о том, как мы получили книги, которые называем Новым Заветом.

Если бы Дэн Браун верно описал все исторические факты, у меня не было бы причин писать эту книгу. Но он описал их неверно. Некоторые считают, что его необходимо обвинять в исторических ошибках: тогда не надо было бы тратить столько времени (несколько часов) на то, чтобы узнать, что среди свитков Мертвого моря не было христианских документов, или что Евангелие от Филиппа написано не на арамейском, или что никогда не существовало тысяч свидетельств об Иисусе, написанных при его жизни. Но с другой стороны, я вновь напоминаю, что Дэн Браун писал *литературное произведение*. Даже несмотря на то, что он утверждает, что его «описания… документов… точны», на самом деле это не так. Это тоже всего лишь часть сюжета.

Роман становится интереснее — и менее приближенным к исторической действительности. Но он открывает двери для людей, которые начинают интересоваться

прошлым, основываясь уже не на литературном описании поисков Грааля, а на исторических свидетельствах.

А для некоторых из нас исторические свидетельства действительно имеют значение, возможно потому, что история похожа на любой другой интересный рассказ. Это сюжет, который мы рассказываем и пересказываем, наполненный персонажами и событиями, с которыми мы зачастую чувствуем связь. Прошлое — это история, в которой живем мы сами, которая может рассказать нам о нашей нынешней жизни. Это правдивая история, которая помогает нам познать себя и наше место в этом мире. И хотя бы только по одной этой причине так важно знать, что же на самом деле происходило в прошлом. Забавно, но этот взгляд на историю разделяют и персонажи «Кода да Винчи». Это еще одна причина для того, чтобы разобраться, является ли их версия исторически достоверной, являются ли их утверждения истинными — или это лишь полет литературной фантазии.

Указатель

В Указателе курсивом выделены библейские, христианские тексты (напр. *Послание [Павла] к Титу);* полужирным — действующие лица и организации в книге Дэна Брауна «Код да Винчи» (напр. Лью Тибинг); полужирным и курсивом — группа текстов одного автора (напр. *Послания апостола Павла).*

И

К

Л

М

Н

О

Т

Ф

Х

Ц

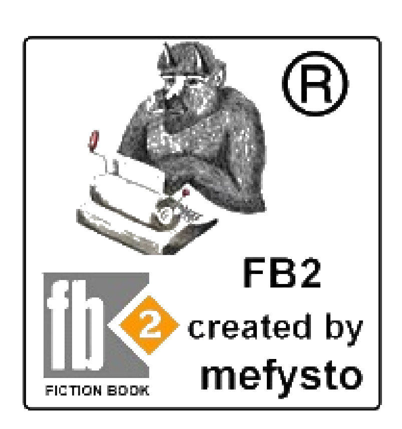
Ч

Ю

Юстин Мученик, один из апологетов и Отцов церкви 103-105

DjVu
PDF
Сканировал и
создал книгу
vmakhankov
Trademark

FB2
created by
mefysto
fb2
FICTION BOOK

Примечания

1

Более подробно о гонениях на ранних христиан см.: Bart D. Ehrman. After the New Testament: A Reader in Early Christianity. New York: Oxford University Press, 1999. Chap. 3; Bart D. Ehrman, Andrew S. Jacobs. Christianity in Late Antiquity 300–45 °C. E.: A Reader. New York: Oxford University Press, 2004. Chap. 2

2

Иудеи, конечно, тоже не поклонялись языческим богам, но к ним относились как к допустимому исключению, поскольку их культ был очень древним и освященным веками, и они не вмешивались в отношения других со своими богами.

3

Об этом рассказе см.: Ehrman and Jacobs. Christianity in Late Antiquity. P. 30–43.

4

James Carroll. Constantine’s Sword: The Church and the Jews. Boston: Houghton Mifflin, 2001. P. 171.

5

Сам Марк, возможно, не считал, что как «Сын Божий», Иисус сам был божеством. Но несомненно именно так понимали Марка в последующие столетия. См.: Bart D. Ehrman. The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2004. P. 69–70

6

См.: Ehrman and Tacobs. Christianity in Late Antiquity. P. 155–156.

7

Cm.: Ehrman and Jacobs. Christianity in Late Antiquity. P. 251–255.

8

Для Ли Тибинга, конечно, Мария Магдалина — «Грааль», и в рукописях Наг-Хаммади действительно говорится о ней. Но в них нет ничего о том, что она носила в себе семя Иисуса. А в свитках Мертвого моря не содержится даже упоминания о ней.

9

Очень полезный обзор информации о свитках Мертвого моря см. в: Joseph A. Fitzmyer. Responses to 101 Questions on the Dead Sea Scrolls. New York: Paulist Press, 1982. Самое недавнее основательное исследование — James Vanderkam. The Meaning of the Dead Sea Scrolls: Their Significance for Understanding the Bible, Judaism, Jesus, and Christianity. San Francisco: Harper San Francisco, 2002. Об археологических аспектах этого открытия см. в: Jodi Magness. The Archaeology of Qumran and the Dead Sea Scrolls. Grand Rapids: Eerdmans, 2002.

10

Некоторые ученые утверждают, что среди документов, обнаруженных в Пещере 7, есть фрагменты Нового Завета, но они не смогли убедить в этом почти никого из экспертов. См.: Joseph A. Fitzmyer. Responses to 101 Questions on the Dead Sea Scrolls. New York: Paulist Press, 1982. P. 16, 104–110.

11

Привожу эти сведения лишь с небольшой редакторской правкой из моей книги: Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew. New York: Oxford University Press, 2004. P. 52–55. Детали я почерпнул из введения к книге: James A. Robinson. The Nag Hammadi Library in English. 4 rev. ed. Leiden: Brill, 1996.

12

Информация о скелете обычно отсутствует в опубликованных отчетах; здесь я полагаюсь на сведения, сообщенные мне при личной беседе на конференции по письменным источникам (Херефорд, Англия, май 1998 года) Бастианом ван Элдереном, который руководил группой археологов, исследовавшей позднее памятник близ Наг-Хаммади.

13

Авторитетный обзор см. во введении к книге: James A. Robinson. The Nag Hammadi Library in English. 4th rev. ed. Leiden: Brill, 1996. Среди великого множества исследований, посвященных этим документам, возможно, наиболее популярным и значительным было: Elaine Pagles. The Gnostic Gospels. New York: Random House, 1979.

14

Перевод этого письма см. в: Bart D. Ehrman, Andrew S. Jacobs. Christianity in Late Antiquity 300–45 °C. E.: A Reader. New York: Oxford University Press, 2004. P. 422–427,

15

См, например, это собрание в моей книге: Lost Scriptures: Books That Did Not Make It into the New Testament. New York: Oxford University Press, 2004.

16

Большая часть приведенных здесь рассуждений взята из моей книги: Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew. New York: Oxford University Press, 2004. P. 204–205.

17

Cm: Lost Christianities. P. 18–20.

18

Cm.: Lost Christianities. P. 185–187.

19

Я опираюсь на перевод коптского Откровения Петра, автором которого является Биргер Пирсон; см.: Nag Hammadi Codex VII, Ed. Birger Pearson. Leiden: Brill, 1996,

20

Cm.: Lost Christianities. P. 55–64.

21

Я опираюсь на перевод Томаса Лэмдена (Thomas Lamb-din) в: The Nag Hammadi Library in English. 4th rev. ed. Ed. James A. Robinson. Leiden: Brill, 1996.

22

См.: Bart D. Ehrman. The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2004. Chap. 24.

23

Ср. со словами иудейского философа первого века, Филона: «Ибо прогресс на самом деле не что иное, как отказ от женского путем изменения его в мужское, поскольку женское материально, пассивно, телесно и чувственно, в то время как мужское активно, рационально, духовно и более близко разуму и мысли» (Questions in Exodus, I. 8). См. также: Dale B. Martin. The Corinthian Body. New Haven: Yale University Press, 1995. P. 33.

24

Некоторые иудеи, включая Иисуса, признавали священными и другие книги — например, книги пророков и Псалтирь.

25

Более подробное обсуждение формирования христианского канона Нового Завета см. в: Bart D. Ehrman. Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew. New

York: Oxford University Press, 2004. Chap. 11.

26

См., в особенности, Нагорную Проповедь, Мтф 5–7.

27

Об этом см.: Bart D. Ehrman. The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2004. Chap. 23.

28

Подробнее об этих диспутах см. в моей книге: Lost Christianities. Chap. 11.

29

О Маркионе и его взглядах подробнее см. в: Lost Christianities. Chap. 5.

30

Ириней. Против ересей, 3. 11.7.

31

См.: Lost Christianities. P. 240–244.

32

Перевод Брюса М. Метцгера в: The Canon of the New Testament: Its Origin, Development, and Significance.

33

Евсевий, что примечательно, путается (или запутан), предварительно выделяя в своем рассуждении категории (потенциально) священных книг. См.: Metzger. Canon. P. 201–207.

34

Евсевий. Житие Константина, 4. 36. См.: M. Metzger, Bart D. Ehrman. The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration. 4^ ed. New York: Oxford University Press, 2004.

35

Подробнее об этом и других неканонических источниках см. Bart D. Ehrman, Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millenium (New York: Oxford University Press, 1999), chap. 4.

36

Подробнее об этом см. работу в предыдущем примечании.

37

William V. Harris, Ancient Literacy (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989).

38

Подробнее о грамотности евреев первого века см, Catherine Hezser, Jewish Literacy in Roman Palestine (Tuebingen: Mohr Siebeck, 2001).

39

Подробнее см. Ehrman Jesus: Apocalyptic Prophet, chap. 3.

40

Был рожден женщиной (Гал 4:4), имел двенадцать последователей (IКор 15:5) и несколько братьев (IКор 9:5), одного из которых звали Иаков (Гал 1:19), проповедовал среди иудеев (Рим. 15:8), организовал Тайную вечерю (IКор 11:22–24), был передан властям (IКор 11:22) и был распят (IКор 2:2).

41

Это относится даже к Евангелию от Иоанна, 21:24: автор ссылается на того, кто «свидетельствует о сем», но не говорит о нем, как о себе. Заметьте, дальше он говорит: «и знаем, что истинно свидетельство его». Он не утверждает, что сам был свидетелем, он лишь автор, передающий слова свидетеля.

42

Подробнее об этих источниках и доказательствах их существования см. Bart D. Ehrman, The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), chap. 6.

43

См. Bart D. Ehrman, The New Testament: A Historical Introduction, chap. 10.

44

Cm. Ehrman Jesus: Apocalyptic Prophet, chap. 2.

45

Подробнее об этих критериях см. Bart D. Ehrman Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millenium (New York: Oxford University Press, 1999), chap. 6.

46

Подробнее см. Ehrman Jesus: Apocalyptic Prophet, chaps. 8-11.

47

Все эти утверждения принадлежат ученым (и не ученым), изучавшим историческую фигуру Иисуса. См. мою книгу Jesus: Apocalyptic Prophet, pp. 21–22.

48

Michael Baigent, Richard Leigh, and Henry Lincoln, Holy Blood, Holy Grail (New York: Delta, 1982).

49

Из сотен профессиональных историков, изучающих Новый Завет, которых я знаю лично, — людей, изучавших эти тексты всю жизнь, знающих необходимые древние языки, — ни один не считает утверждения, сделанные в этой книге, исторически достоверными.

50

Существует много литературы, посвященной роли женщины в эпоху раннего христианства. Наиболее популярная работа — Ross Kraemer, Her Share of the Blessings: Women's Religions Among Pagans, Jews, and Christians in the Greco-Roman World (New York: Oxford University Press, 1992). См. также Ross Kraemer and Mary Rose DAngelo, Women and Christian Origins (New York: Oxford University Press, 1999).

51

Эти рассуждения заимствованы из моей книги The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), chap. 24

52

Наиболее серьезное исследование по этому вопросу — Elizabeth Schuessler Fiorenza, In Memory of Her: A Feminist Theological Reconstruction of Christian Origins (New York: Crossroad, 1983).

53

Подробнее см. William E. Phipps, Was Jesus Married: The Distortion of Sexuality in the Christian Tradition (Lanham, MD: University Press of America, 1986).

54

См. статьи о ессеях John Collins in the Anchor Bible Dictionary, ed. David Noel Freedman (New York: Doubleday, 1992), vol. 2, pp. 619-26.

55

См. мою книгу The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), chap. 24.

56

Cm. Bart D. Ehrman, The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2004), chap. 23.

57

Стихи из первого послания к Тимофею удивительным образом перекликаются с теми, что содержатся в Первом послании к коринфянам, которое, по всей видимости, написал сам Павел. Однако есть причины полагать, что Павел не писал стихи 14:34–35 Первого послания к коринфянам и что они были более поздним добавлением, созданным под влиянием стихов 2:11–15 Первого послания к Тимофею. См. Ehrman, The New Testament: A Historical Introduction, p. 402.

58

Подробнее см. Bart D. Ehrman Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millenium (New York: Oxford University Press, 1999), pp. 16–17 и прилагающуюся библиографию.

59

Перевод на английский — S. Thelwall, in the Ante-Nicene Christian Library, eds. Alexander Roberts and James Donaldson, vol. 11 (Edinburgh, T. & T. Clark, 1869), pp. 304-5.

60

Классическое исследование гностицизма и гностических источников — Kurt Rudolf, Gnosis: The Nature and History of Gnosticism, trans. and ed. R. M. Wilson (San Francisco: Harper& Row, 1984); более сжатое изложение — Ehrman, Lost Cristianities, chap. 6.

61

См. мои комментарии в Lost Scriptures, p. 35.

62

Перевод на английский — George MacRae and R. McL. Wilson, in The Nag Hammadi Library in English, ed. James A. Robinson, pp. 524-27.

63

См. мои комментарии в Lost Scriptures, p. 38.

64

Перевод на английский — Weasley W. Isenberg, in James A. Robinson, Nag Hammadi Library in English, 4th rev. Ed. (Leiden: Brill, 1996).

65

Разнообразие мнений показано в собрании сочинений под редакцией Karen King, Images of the Feminine in Gnosticism, 2nd ed. (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000).

66

Cm. Lost Cristianities, pp. 198–201.

67

Cm. Lost Cristianities, pp. 198–201.